

Александр Дмитриевич Прозоров Алексей Живой Освобождение

Легион – 8

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=653685
«Освобождение»: Ленинградское издательство; Москва; 2011
ISBN 978-5-9942-0804-5

Аннотация

Разделавшись с Римом, армия Карфагена приходит на помощь войскам Филиппа Македонского, который предпринял мощное наступление на греческие полисы. Федор Чайка и «задержавшийся» в Италии Леха Ларин в составе экспедиционного корпуса направлены в Грецию. Они успевают прибыть к началу главного сражения и участвуют в походе на Пелопоннес. Вскоре с севера вторгаются орды Иллур. Объединенное войско покоряет все греческие полисы, осадив и захватив Афины. Остатки флота афинян бегут в Малую Азию, где ищут покровительства Селевкидов.

Воспользовавшись этим, Ганнибал начинает вторжение в Азию. Союзные армии, при поддержке мощного флота, переправляются через Геллеспонт и начинают победоносное наступление в глубь империи Селевкидов. Друзья находятся на острие атаки, но они не знают планов Ганнибала и даже не подозревают, что на этот раз готовит им судьба.

Алексей Живой, Александр Прозоров

Освобождение

Глава первая «Античная революция»

Утренний воздух был еще чист и прозрачен, несмотря на то, что близился жаркий полдень. Взгляд Федора медленно скользил вдоль песчаных дюн, начинавшихся сразу за линией коричнево-красных скал, с обеих сторон защищавших гавань Брундизия. Заметив движение в небе, он поднял глаза и увидел стайку птиц, с криками пересекавших береговую линию по воздуху. Птицы летели из Италии в сторону моря.

– В Грецию подались, – усмехнулся Федор, прикрыв ладонью глаза от солнца, – значит, нам с этими пташками по пути.

Он смотрел еще некоторое время вслед удалявшимся птицам, а затем обернулся, привлеченный необычным шумом, возникшим у него за спиной. В гавани полным ходом шла погрузка армии на корабли. Припасы и полевую артиллерию уже почти разместили. Только что из специальных конюшен на берег привели десяток слонов, но огромные животные выглядели недовольными. Их рев напугал охранников, выстроившихся вдоль пирсов. Животные поводили из стороны в сторону массивными головами, тряся ушами, словно опахалом, и едва не задевая солдат окованными медью бивнями. Один слон даже проломил сходни, едва ступив на них, и чуть не рухнул в воду с высокой каменной насыпи вместе с погонщиком. Но, вмешательство широкоплечего офицера-ливийца, настолько сильного, что кожаная жилетка едва не лопалась у него на спине от бугрившихся мышц, спасла дело. Он крикнул что-то слону, кольнул его короткой пикой в бок и слон присмирел, быстро попятившись назад. А там, в нескольких метрах от края, ливиец уже спокойно приблизился и погладил его по хоботу, ласково нашептывая что-то в огромное ухо животного.

Напрягшийся было Федор, тут же успокоился. Это был Исмек, погонщик слонов, прошедший с ним долгий путь от восточного побережья Карфагена к самому городу, а после его взятия, к Риму. Теперь же он был здесь, в Брундизии, вместе со своими слонами.

Экспедиционный корпус под командой Федора, включавший в себя восемь тысяч отборных ливо-финикийских пехотинцев, две тысячи кельтов, полевую и осадную артиллерию, а также двадцать две квинкеремы, не считая грузовых кораблей, должен был отплыть отсюда в сторону Греции в ближайшие дни. Ганнибал торопил. Конницу должны были предоставить македонцы, только что словившие последние очаги сопротивления в Эпире и Акарнании. Побережье по ту сторону пролива теперь было почти полностью очищено от войск, настроенных против армии нового властителя Италии. Последние корабли с пехотой царя Филиппа, принимавшей участие во взятии Рима, отплыли отсюда еще четыре месяца назад.

В свете последних событий дел у них хватало и в Греции. Эпир был окончательно сломен и представлял собой отличный плацдарм для наступления вглубь материковой Греции, чем собственно Филипп уже давно занимался, пытаясь в одиночку одолеть силы Этолийского союза, вставшие на его пути. Но, получалось это у него с большим трудом. Победа над мощным Эпиром далась не просто. Македонский царь, израсходовав большую часть своих сил, провел ряд безуспешных попыток в одиночку захватить Ферм, столицу Этолии, поразив союз в самое сердце, но потерпел сразу несколько поражений от яростно защищавшихся союзников и счел за благо приостановить наступление до подхода военной помощи, которую обещал ему Ганнибал. Царь Филипп отошел назад, охватив Этолию с севера и запада по границам вдоль реки Ахелой, для чего пришлось, расположить свои измотанные непрерывными боями войска частью на территории захваченного Эпира и частью в Акарнании, с некоторых пор входившей в Эллинский союз, созданный самими македонцами.

Прошло не больше полугода со взятия Рима, и Федор, перебравшийся вместе с семьей вслед за Ганнибалом в Тарент, остававшийся пока столицей Италии, уже скучал по новым походам, хотя и порядком устал от войны. И вот новый поход начался. Собственно, пока войска Карфагена, освобожденного от власти сената, штурмовали Рим, война в Греции шла с неослабевающей силой. Да и разгорелась она, как мог припомнить Федор, лет десять назад, если считать ее началом последнюю вспышку свободолюбия эллинов. Македония, как одна из наследниц великой славы царя Александра, и тогда еще дралась с Эпиром, войсками Этолийского и Ахейского союзов, Спартой и Афинами за подтверждение своих прав гегемонии надо всеми греками, которые эту власть признавать над собой никак не хотели. Македонцы вступали в сговор и союзы то с одной частью греков, чтобы ослабить других, то резко меняли курс. В общем, война в Греции шла без конца, с переменным успехом и непрерывным кровопролитием.

Федор, в силу своего участия в военных делах Карфагена, вынужден был разбираться в политике, хотя и не любил этим заниматься. И сейчас он искренне пытался разобраться в хитросплетениях всевозможных союзов, в которые объединялись большие и малые греческие полисы, чтобы хоть как-то защититься от нападавших со всех сторон захватчиков. Впрочем, союзы эти регулярно грызлись и дрались между собой, даже если и не было никакой внешней угрозы. Поэтому главным здесь оставался вечный вопрос, – «Вы против кого дружите?», – на который Федор пытался сам себе ответить, читая донесения разведчиков из-за моря о том, что происходило в Греции.

Получив приказ Ганнибала возглавить поход в Грецию в исполнение союзнического долга, Чайка принялся его выполнять, подготавливая армию к переброске через пролив, благо свободных ресурсов теперь у пунов было предостаточно. Основной целью похода был разгром войск Этолийского союза, хотя Ганнибал в приватной беседе намекнул Федору, что после разгрома этолийцев, он может получить новые инструкции.

– Мы разделились с Римом, – наклонившись над картой, проговорил Ганнибал, задержав его и Атарбала в своей резиденции после военного совета, на котором решались первые шаги новой империи, – и теперь у нас нет врагов в Италии.

Отпив вина, он некоторое время молчал, а затем закончил свою мысль.

– А греки слишком беспокойный сосед, чтобы Карфаген, веками боровшийся с ними за господство на море и на суше, оставил их в покое. И они это знают.

Ганнибал поднял свое загорелое и обветренное лицо, обводя взглядом присутствующих.

– Мы поможем Филиппу в его войне, как он помог нам. Тебе, Федор я поручаю организацию похода. Возьмешь восемь тысяч пехотинцев у Атарбала, добавишь к ним кельтов из лагеря у Тарента, метательные орудия и столько кораблей, сколько потребуется. Если не хватит, попросим помощи у Сиракуз.

– Насколько я знаю, – выказал осведомленность Федор, – эскадра Евсида уже патрулирует воды Эпира.

– Это так, – кивнул Ганнибал. – Сиракузы не хотят оставаться в стороне от того, что происходит сейчас в Греции, хотя и вряд ли будут помогать нам где-либо кроме морских операций.

Федор бросил косой взгляд на Атарбала, умудренного опытом военачальника африканцев, у которого забирали большую часть его армии, но тот и бровью не повел. Он даже не задал вопроса, почему Ганнибал отправляет на покорение греков не его. Впрочем, эта операция не выглядела столь масштабной, как наступление на Рим. Земли Этолийского союза занимали от силы четверть материковой Греции, в основном в ее центральной части, по берегам Коринфского залива. Еще треть занимали земли Ахейского союза и Спарты. Остальные принадлежали Афинам и более мелким полисам, не присоединившимся пока ни к кому.

– А после того, как мы вместе разобьем этолийцев, – осторожно поинтересовался Федор, – мне следует вернуться назад, или задержаться в Греции?

– Рад, что ты не сомневаешься в быстрой победе, – хитро усмехнулся Ганнибал, – но, греки понимают, что эта война может стать для них последней. Филипп хороший воин, но ему пока не удалось в одиночку сломить этолийцев.

– С нашей помощью он их одолеет, – уверенно заявил Федор, и вновь вопросительно взглянул на верховного главнокомандующего.

Тот правильно понял его настойчивый взгляд, но рассказал лишь часть правды, сообщив, впрочем, главное.

– Никто не знает, как повернется эта война, – заявил Ганнибал, указывая на карту, и нехотя пояснил. – С севера вдоль моря продвигается Иллур, сдержать которого я уже не в силах. Он слишком не любит греков. Когда Иллур разобьет оставшиеся армии ближайших греческих колоний, то Филипп пропустит его сквозь свои прибрежные земли и очень скоро скифская конница будет в Фивах. Ахейский союз на Пелопоннесе, испугавшись переворота в Спарте, переметнулся на сторону македонцев, и пока будет воевать за нас, но, это ненадолго. Грекам доверять нельзя. Афины не идут на контакт, но и без того ясно, что они не согласятся жить под моей или властью Филиппа добровольно. Поэтому, после победы ты, Чайка, некоторое время останешься в Греции со своими солдатами.

Ганнибал разогнулся в полный рост и добавил.

– До получения новых приказов.

– Я разобью греков и буду ждать их, – поклонился Федор, от которого не ускользнули истинные намерения Ганибалла. Впрочем, Великий Карфагенин и не слишком-то их скрывал. По всему было видно, что он желал покарать греков за долгие годы сопротивления финикийцам и соперничества. Везде: на море и на суше. Впрочем, как далеко собирался зайти Ганнибал, Чайка до конца не мог понять. Да ему и не следовало этого делать. Он по-прежнему служил Ганнибалу, который мог послать его на войну с кем угодно.

После взятия Рима, главной наградой для Чайки стало спасение семьи, с которой он вновь воссоединился. Юлия и, быстро повзрослевший за время томительного плена, Бодастарт, некоторое время жили в Таренте в новом особняке, который Чайка получил в дар от Ганибалла, поскольку в старый дом Юлия отказалась возвращаться наотрез. Слишком памятливы были страдания, пережитые здесь. Особняк, почти восстановленный Федором заново, в надежде на возвращение семьи, пришлось продать. Впрочем, Чайка не жалел об этом. С имуществом у него теперь было все в порядке и даже слишком.

Кроме счастья видеть семью, после взятия Рима ему кое-что перепало и от главнокомандующего, нового тирана Италии, Испании, Карфагена и большей части Сицилии в благодарность за подвиги. Когда Федор, вернувшись в Тарент с Юлией и Бодастартом, перечитал все дарственные, врученные ему накануне отъезда от лица Ганибалла через специальных посланников, то даже присвистнул от удивления, не в силах быстро охватить разумом масштаб поистине царских подарков.

Во-первых, новый тиран пожаловал ему в собственность и вечное пользование не только новый особняк в Таренте, вблизи от своего дворца, но и несколько итальянских городов. Вернее, сразу четыре, – Турий, Регий, Локры и Кротон. Все города находились на территории бывшей римской провинции под названием Брутий, занимавшей «носок и подошву сапога» на карте Италии. Федор назначался также куратором этой провинции со всеми вытекающими обязанностями. Этот царский подарок разом возносил его в ранг крупных землевладельцев. Подумать только, ему теперь принадлежала целая область, и не маленькая, по здешним меркам, область. Земли Бруттия граничили по суше только с гористой Луканией, со всех остальных сторон они омывались водой Ионического и Тирренского морей, а дальним концом почти упираясь в Сицилию. От крайнего восточного города области Турия до Тарента было рукой подать, – только залив переплыть. Да и по суше не далеко. Похоже, Ганнибал не хотел отпускать своего любимца дальше, чем на полдня пути.

– Вот бы Квинт удивился, – криво усмехнулся Федор, вспомнив ершистого рыбака из Бруттия, вместе с которым делал свои первые шаги по итальянской земле в составе римского

легиона, – если бы дожил, конечно. Весь его родной Бруттий теперь мой, включая рыбацкие деревеньки. Ну, ничего, я о них позабочусь.

Однако, это было еще не все. За проливом, на Сицилии у Федора тоже были земли, отписанные ему еще до похода на Карфаген. Теперь же Ганибалл удвоил их территорию, так что и на густонаселенном острове Федор мог считаться крупным землевладельцем, чье поместье располагалось неподалеку от города Панорма.

Отложив все прочитанные дарственные, Чайка с опаской взялся за последнюю, даже не представляя, что еще приготовил для него Ганнибал. С минуту он сидел на скамье, поглядывая на свернутый и запечатанный папирус и не находя в себе сил его вскрыть. Наконец, он все же осмелился сломать печать, – собственная область, почти своя страна, у него уже была, чего еще бояться, – и прочел о том, что Ганнибал возвращает Федору Чайке все его владения в Карфагене и прилегавших землях, которыми он пользовался еще во времена власти свергнутого сената. А сверх того, Ганнибал дарил ему три военных корабля, – быстроходные триеры, – и пять торговых судов, «приписанных» пока к гавани Карфагена. Содержание экипажей и кораблей этого флота теперь полностью лежало на новоиспеченном судовладельце.

– И что мне со всеми этими кораблями и землями делать? – недоумевал новоиспеченный плантатор.

Впрочем, он не зря провел столько лет жизни в самом богатом торговом городе Обитаемого мира среди финикийских купцов, а они были лучшими. Гены жителей Карфагена, возникшего в силу торговой экспансии далекой Финикии, сказывались и на нем, хотя Федор Чайка был рожден очень далеко отсюда.

«Надо будет приказчика толкового разыскать, – вспоминая канувшего в безвестность Акира, заработала его военная голова, обдумывая, как бы использовать с выгодой для семьи свой новый флот, – да людей торговых набрать ему в помощь и подрядить их на какое-нибудь долгое прибыльное дело. Можно масло оливковое возить из Африки и туда что-нибудь полезное завозить, такни, кувшины, или что еще...Хлеб, например из Скифии, у Иллуря покупать по знакомству. Греки, вон, отродясь себя без завоза зерна прокормить не могут. Все в Крым плавают. А мои пять торговых кораблей товаров много смогут перевезти. В придачу с тремя военными можно и целый караван соорудить в далекие земли. Самому-то этим заниматься будет некогда. Воевать надо».

Федор даже позабыл о текущих делах, – такие перед ним разворачивались перспективы. Мысленно он уже наладил торговлю с заморскими странами. «Ладно, – одернул он себя, – пора и войной заняться. А, война, выходит все же прибыльное дело, хоть и опасное».

Впрочем, еще некоторое время он посветил своему новому имуществу, во владение которым еще нужно было вступить, потратив на это массу сил и времени. Рассказав все жене, он неожиданно получил поддержку от Юлии и был тому очень рад. Юлия, у которой была врожденная деловая хватка, – все-таки дочь сенатора, – вместе с ним взялась за дело, объехав все города Бруттия, в которых должен был показаться их новых хозяин. Она просто утонула в делах и быстро помогла Федору найти многочисленных помощников среди управленцев, купцов и торговых людей разного сословия. Глядя, как его жена занялась делами, позабыв обо всем, Федор в тайне бал рад тому, что она за заботами стала забывать о своих переживаниях в плену и, особенно о последних днях в Риме. Тогда на ее глазах собственный отец, – Марк Клавдий Марцелл, – едва не зарезал ее сына. К счастью Юлия лишилась чувств не в силах вынести это и не видела, как Федор был вынужден убить ее отца.

Но, Бодастарт все видел. И по его глазам Чайка понял, – сын полностью его одобряет. Он был еще мал ростом, но все понимал и ненавидел своего деда, как взрослый человек. Тогда он был похож на затравленного связанного волчонка. Отпусти, – укусит. В тот день, поймав его холодный и совсем не детский взгляд, который Бодастарт бросил на тело убитого Марцелла, Федора уверился насчет будущего своего сына. Чайка мгновенно осознал, что Бодастарт не пойдет ни в священники, ни в торговцы, – он будет воином. Как и отец.

Впрочем, теперь, оказавшись владельцем небольшой провинции, нескольких городов и собственного флота, Чайка несколько усомнился в своих первоначальных выводах. «Хотя, торговля – та же война, – успокоил он себя. – Поживем, увидим».

Ознакомившись с ресурсами своих городов, Чайка быстро уразумел, что его личный флот в Карфагене это лишь приятное дополнение к колоссальным возможностям, которые перед ним открывались здесь. В Италии и Сицилии. Конечно, Ганнибал возложил на него и все обязанности по управлению землями и сбору налогов с городов, но Федора, перед которым капитулировал даже сам Рим, такая перспектива не пугала. Он был уверен, что справиться с управлением Бруттием не хуже самого Ганнибала или кого-нибудь из его знаменитых братьев. Кроме всего остального, на Чайке теперь лежала и обязанность выставлять определенное количество воинов от своей провинции, а также кораблей. Как военных, так и торговых. Ибо все города в его владениях были портами и не самыми мелкими. Чего стоил Регий, – одна из ключевых баз военного флота Карфагена, – расположившийся на южной оконечности Италии, аккурат напротив Сицилии. Обычно там находилось не меньше дюжины квинкерем и еще стая из двух десятков триер. Такими силами можно было блокировать пролив между Италией и Сицилией на случай внезапного нападения врагов, причем без помощи Сиракуз.

Флот стоял и в соседних Локрах и даже в Кротоне, но уже всего по несколько кораблей в каждом городе, лишь для охраны своих берегов. Поскольку чуть дальше на восток находился Тарент, в котором тоже имелась внушительная группировка кораблей. Ведь там, как ни крути, находилась столица новой империи. Во всяком случае, за последнее время никакой информации о переносе столицы в другой город или возвращении Ганнибала в Карфаген не поступало. Он по-прежнему обитал в Таренте, там находился его главный штаб, в самом городе и его окрестностях было расквартировано много войск.

Перенос военных действий на новый плацдарм, в близкую Грецию, ничуть не пугал нового тирана. Он привык жить на войне. И, похоже, не собирался из-за такого пустяка как возможность ответного нападения греков по морю, переносить свою ставку вглубь Италии, Карфаген или еще дальше. За морем, в Африке, отлично управлялся его брат Гасдрубал, который после победы над сенатом, восстанавливал и укреплял провинцию, обосновавшись в городе предков. А сам Ганнибал, едва растерзав римские легионы, уже посматривал на восток в сторону Греции.

Несмотря на то, что больше всего войск и купцов находилось в Регии, Чайка решил основать свою ставку в Кротоне. Рассудив, что отсюда одинаково близко и до Тарента, и до Регия, то есть почти до Сицилии. Да и городок был потише, чем остальные, хотя укреплен совсем не плохо. Его окружали мощные стены, а сам Кротон стоял на скалистом возвышении. При нападении с моря здесь было легко укрыться или уйти по дороге через горы в Тарент. Едва приняв такое решение, Федор занял один из пустовавших особняков какого-то римского сенатора, с террасы которого открывался отличный вид на море, и начал принимать местных купцов и военных, спешивших теперь к нему в Кротон с донесениями. Юлия поселилась здесь же, последовав за мужем и с легким сердцем оставив Тарент. У нее здесь тоже образовался собственный «штаб», – масса купцов и приказчиков, на которых были возложены заботы о неимоверно разросшемся имуществе семьи Чайка, – прибывали сюда с отчетами или за советом. Юлия взяла на себя все заботы об этом гигантском хозяйстве, окружив себя массой советников, и, надо сказать, неплохо справлялась. Даже флотилию торговых судов она приказала перегнать сюда в Кротон под охраной собственных триер, тотчас по прибытии снарядив их в плавание к берегам Испании за товарами.

Чайка и сам не упускал собственные дела из вида, уделяя им время сразу после государственных, но был рад, что его участие здесь могло сводиться к минимуму. Из senatorской дочери вышла настоящая «королева», управлявшаяся в своем новом «королевстве» так, словно родилась с короной на голове. И когда пришел час начинать новую войну и Ганнибал призвал его к себе в Тарент, объявив об этом, Федор мог спокойно оставить Бруттий и не беспокоиться за свои тылы. Поцеловав Юлию и взрослевшего на

глазах сына, он отбыл сначала в Тарент, а оттуда в Брундизий, где начал готовить армию к новой экспедиции. За прошедшие после приказа двадцать дней, он лишь однажды смог вырваться в Кротон по делам службы. Разделавшись с делами, он, конечно, посетил Юлию, подарившую ему такую жаркую ночь любви, что Чайка до сих пор вспоминал о ней, с тоской поглядывая на прибрежные скалы. Они закрывали от него сейчас далекий Кротон, а Федор словно надеялся разглядеть его с такого расстояния, с грустью понимая, что уже завтра он двинет всю свою армию в поход и не знает, когда вернется домой.

Также не очень радовала его разлука с друзьями. Урбал, проявивший себя хорошим полководцем, остался в Карфагене после его освобождения от власти сената. Он теперь был почти что правой рукой Гасдрубала и ему прочили большое будущее. Летис ставший, наконец, из рядовых героев командиром спейры служил неподалеку от Тарента. И Федор рассчитывал его взять с собой в новый поход, если его хилиархию не отправят раньше на выполнение другого задания.

Чтобы отогнать эти тоскливые мысли, Федор вернулся с пирса на свой флагманский корабль, уединился в кубрике, навис над картой Греции и погрузился в размышления о предстоящих сражениях. Информации о том, что происходило в Греции, собранной для него шпионами, было столько, что голова отказывалась ее принимать.

Самой потрясающей новостью для Федора, раньше в силу собственных проблем не обращавшего внимания на события, происходившие на Пелопоннесе, было то, что случилось на последние пятнадцать лет в Спарте. А эти события заслуживали самого пристального внимания. Ведь именно они заставил Ахейский союз, до того яростно сражавшийся против македонцев «за свободу эллинов», предать свои идеалы и переметнуться на сторону лютых врагов.

Когда Федор узнал, что подвигло ахейских стратегов на такое предательство собственных интересов, то был сильно удивлен, если не сказать потрясен. Он находился в этом времени уже много лет, перенесшись по чьей-то воле в самую гущу событий Второй Пунической войны, лишь недавно закончившейся на его глазах и совсем не так, как писали в учебниках. Он был тому не только сторонним свидетелем, но и самым активным участником. Кто знает, не случилось здесь Федора Чайки и Лехи Ларина в самый переломный момент, может все вышло бы иначе. Может и Рим еще стоял бы, гордо потрясая оружием, а не лежал бы теперь холодным пеплом на семи холмах.

Но, как недавно узнал Федор, такой же переломный момент и, буквально, в то же время случился и для другой, не менее известной в античном мире страны, чем Карфаген. Эта страна называлась Спарта. Превратившись согласно заветам Ликурга¹ в огромный военный лагерь, она не одну сотню лет производила лучших в Греции воинов и наводила ужас на соседей своей военной мощью. Спарта устояла против нашествия персов и даже добилась гегемонии надо всеми греками, унизив Афины. Правда, теперь все эти победы, основанные на заветах Ликурга, были в прошлом. Даже для современной Греции порядки в Спарте, основанные на законах пятисотлетней давности, выглядели архаическими. И ее правители понимали это все лучше и лучше. Держаться бесконечно только на традициях и одной силе

¹ **Ликург** – полулегендарная личность, которой приписывается введение новых суровых законов, с которого началось отмежевание Спарты от стиля жизни остальных греков. К 676 году до н. э. относится «Большая Ретра», – самый ранний документ архаической Греции, условно содержащий запись Законов Ликурга. До этого времени Спарта не сильно отличалась от остальных греческих полисов, но уже к 5–4 веку до н. э. она превратилась в «военный лагерь».

Согласно Плутарху, Ликург изменил не просто отдельные законы, а преобразовал все государственное устройство и, внедрил в общество совершенно иной образ жизни. Он осуществил передел земли, чтобы добиться всеобщего равенства граждан (не зря спартанцев называли гомеями, – т. е. равными), и наделил каждого из них равным участком земли, чтобы изгнать зависть, злобу и роскошь, а также богатство и бедность. Ликург «изгнал» деньги. Он вывел из употребления всю золотую и серебряную монету, запретил «бесполезные» ремесла и торговлю. С его именем связана и система спартанского воспитания. Воспитательный процесс был непрерывным, и продолжался даже в зрелые годы.

гоплитов, пусть и великолепных, но немногочисленных воинов, никак не развивая страну, было невозможно. За последнюю сотню лет Спарта проиграла много сражений, больно ударивших по ее самолюбию. Пелопонесский союз распался, от нее отошла плодородная Мессения, служившая постоянным источником провианта и рабов. Восстания илотов в самой Спарте следовали одно за другим и вот, наконец, гром грянул.

Примерно пятнадцать лет назад от того дня, как Федор читал донесения своих шпионов, в Спарте произошел переворот. И все бы выглядело не так страшно для соседей, будь это простая грызня между претендентами на престол. Но, спартанский царь Клеомен Третий, взойдя на престол униженной страны повел себя совсем не так, как это делали до него все цари Спарты. Вместо того, чтобы защищать незыблемость заветов Ликурга, он в одночасье круто изменил жизнь своих соплеменников, объявив, что Спарта отныне отказывается жить согласно древним традициям, которые связывают ее по рукам и ногам.

Первым делом, пока никто не опомнился, царь приказал перебить всех эфоров, что и было сделано его воинами незамедлительно. Спартанские гоплиты ночью врываются в дома знатных мужей Спарты и убивали их в своих постелях. Наутро страна проснулась другой. Институт власти, сильно урезавший царей в правах и окрепший почти за семьсот лет настолько, что ни один спартанский царь не мог без разрешения эфоров и пальцем двинуть, в одночасье перестал существовать.

Чтобы успокоить разволнованных старейшин, не являвшихся эфорами, и простых граждан-землевладельцев, новый царь простил им все долги. А затем Клеомен Третий дошел в своих реформах до такого, отчего вся Греция вздрогнула. Чтобы успокоить илотов, притесняемых сверх меры, и прекратить восстания рабов, царь обещал им в скором времени свободу. Освободить рабов?!!! Это были не просто реформы, это была настоящая революция. Соседи по Пелопонессу в ужасе смотрели на то, как Клеомен высвобождает и накапливает силы своего народа для новой атаки на Грецию. Но не войной были страшны его революционные реформы, а такой же революцией, которая могла разгореться в соседних со Спартой странах, а оттуда распространиться мгновенно, как зараза, по всей Греции. Какой раб будет работать на своего хозяина, если в Спарте им дадут свободу? А в Греции, даже самые цивилизованные полисы, не могли себе пока позволить обходиться без рабов.

Вот потому-то стратеги Ахейского союза, ближайшие соседи Спарты, не имевшие достаточно сил чтобы сломить ее в одиночку, и продали свою веру в свободу эллинов, обменяв ее на помощь сильной Македонии. Македонский царь Антигон Досон, только и ждавший приглашения, чтобы вторгнуться в Пелопоннес, поддержал Ахейцев. Его мощная армия при поддержке ахейцев разбила еще неокрепшую армию Клеомена и восстановила в Спарте старые порядки. Там вновь появились эфоры, и жизнь потекла по-прежнему. Но, брожение в Спарте осталось. Слишком уж мощным был шок от первой революции, да и последователи Клеомена также хотели перемен. В Спарте то и дело происходили восстания илотов, обманутых в своих ожиданиях. Их топили в крови. С тех пор прошло пятнадцать лет и вот к власти вновь пришли приверженцы революционных изменений. Сейчас во главе Спарты стоял тиран Маханид. Шпионы доносили, что он готов вот-вот опять вздыбить страну.

– Ну, что же, – выдохнул Федор, закончив читать очередное донесение и прикидывая расстояние от Этолии до Спарты, – я его, конечно, понимаю. Но, если этот Маханид задумает встать у меня на пути, придется задушить эти революционные настроения. Ганнибал их тоже вряд ли одобрит. Не время сейчас для революций.

Глава вторая «Эпир и Акарнания»

Устав читать, Федор отложил папирус и прислушался к звукам, доносившимся снаружи. Там едва затих топот копыт, и громко заржали кони, словно в гавань прибыл большой отряд всадников. Федор озадачился: он никого не ждал. Доблестный Амад, – правая

рука Магарбала, тот, что командовал тяжелой конницей в африканском походе Федора и участвовал в захвате Карфагена, оставался в Бруттии. Ганнибал решил, что Чайке в этой экспедиции хватит конницы македонцев, создавших ее впервые на греческих землях, а потому достаточно опытных в этом деле. По данным разведки им предстояло иметь дело только с пехотинцами противника, ну, может быть еще с его флотом. Кроме того, в недалеком будущем ожидался прорыв Иллур со своими всадниками. Поэтому заинтригованный Федор, отложив донесения, вышел из кубрика и по скрипучей лестнице поднялся на палубу квинкеремы.

Пройдя между почтительно расступившимися при его появлении морпехами в синих панцирях и отливавших золотом шлемах, Федор оказался у борта. Оттуда, взявшись за ограждение, Чайка увидел неожиданную картину. Примерно три сотни затянутых в золотую чешую скифских всадников попытались въехать на территорию порта, но были остановлены охраной у ворот. Их никто не ждал и офицер охраны был озадачен не меньше Федора, а потому, выполняя свой долг, остановил эту небольшую армию и собрался доложить командующему о её прибытии. Начальник скифов, – рослый русоволосый боец, – разразился проклятиями и едва не полез в драку с начальником караула, но Федор вовремя вмешался, узнав предводителя конного воинства.

Словесная перепалка уже входила в завершающую стадию. Скиф, спрыгнув с коня, то и дело хватался за рукоять меча, чтобы побыстрее донести свою мысль о том, что ему нужно, во что бы то ни стало проехать в порт, до непонятливого офицера африканских пехотинцев, за спиной которого плотной стеной выстроились солдаты, готовые к драке. Затянутые в чешую всадники тоже напряженно следили за исходом переговоров, сжимая свои длинные копья.

– Спокойнее! – громко произнес Федор, приближаясь к месту событий сквозь расступившихся бойцов, – мы же все-таки союзники.

– Они хотят проехать к вашему кораблю, – сообщил офицер охраны, на лице которого отразилось явное облегчение, оттого, что главнокомандующий сам появился в том месте, где больше всего был сейчас нужен, – но у них нет никаких разрешительных бумаг.

– Ничего, – обескуражил его Федор, – за этих бойцов я поручусь сам. Можете пропустить. Пусть проедут на пристань и подождут моих распоряжений.

Пехотинцы, подчиняясь приказу, нехотя расступились, пропуская всадников. А Федор, улыбнувшись, обнял их предводителя.

– Ты, как здесь оказался? – все-таки спросил он, отводя его чуть в сторону, – вот уж не чаял тебя так скоро увидеть.

– Да, понимаешь, – словно извиняясь, ответил Леха, посмотрев на своего боевого друга. – Я уже проскакал почти до самого Истра, но там повстречал запоздавших гонцов от Иллур ко мне. Прочел весточку и сразу назад повернул.

– Да ну, – удивился Федор, подбоченясь, – и что пишет ваш доблестный царь, если не секрет, конечно?

– Не секрет, – с радостью поведал Леха, рассматривая гавань, в которой кипела жизнь. – Иллур пишет, что после падения Рима, я должен еще некоторое время здесь остаться. В вашем распоряжении, так сказать. Мол, грядет новая война с греками, но там он и сам справится без меня. А я чтобы здесь остался, вам помогал и ему сообщал, по мере сил, как дела. Встретимся, мол, уже в Греции.

– Да как же он без тебя управиться? – не удержался от ерничества Федор, разглядывая запыхавшегося от долгой скачки друга.

– Как-нибудь разберется, – на полном серьезе ответил Ларин, – не впервой. А я вот, как получил приказ, разузнал, где ты и сразу сюда.

– Ясно, – ухмыльнулся Федор, – значит, Ганнибал не в курсе.

Он помолчал немного и вновь улыбнулся, скользнув взглядом по бесконечной веренице грузчиков, что словно муравьи втаскивали тюки со снаряжением и провиантом на пришвартованные корабли, от которых было тесно в гавани Брундизия. Корпуса грузовых и

военных судов заполнили все обозримое пространство. По пирсам постоянно перемещались колонны солдат. Суматоха стояла страшная.

– Ну, триста скифов, это грозная сила, – пошутил Федор, оглядывая, словно сросшихся с конями бойцов, что стройными рядами маячили сейчас у кромки пирса, мешая нормальному перемещению грузов, – без них, мы никак не справимся.

– Кончай хохмить, сержант, – усмехнулся, наконец, и Леха Ларин, хлопнув его по плечу, – скажи лучше, что мне делать? Назад что ли ехать? Вижу, не особо меня тут и ждали.

Федор призадумался. Дело выходило тонкое, дипломатическое. Он не царь, чтобы такие вопросы решать. Но, ожидать разрешения от Ганнибала тоже времени не было. Леха умудрился появиться буквально накануне отплытия. А Тарент хоть и не далеко, да только Ганнибал уехал из него недавно лично проверять свои прибрежные крепости, что отстраивалась после войны заново вдоль побережья римской Апулии, и вернется только дня через три. Ситуация получалась патовая. «Придется брать ответственность на себя, – пришел к выводу Федор, и, слегка прищурившись, посмотрел на друга, – если что не так, голову с меня снимут. Но, скифы нам союзники. Семь бед, один ответ».

– Пойдешь со мной греков бить? – заявил он, закончив размышления.

– Да хоть к черту на рога, сержант, – улыбнулся Леха, – ты же знаешь. Лишь бы без дела не сидеть.

– Ну, что же, – проговорил Федор, вновь разглядывая свою флотилию, – явился ты, конечно, вовремя. Завтра мы отплываем. Придется поискать еще один свободный корабль. А то и два, коней-то ваших тоже надо куда-то девать.

– Надо, – подтвердил Леха, бросив косой взгляд на начальника караула и его солдат, находившихся поблизости, – мы же не пехота какая-нибудь.

Приняв решение, Федор начал действовать. Он подозвал к себе другого офицера, что командовал погрузкой на квинкеремы и, расспросив его, узнал все необходимое. После чего вернулся к разговорам с Лехой.

– Значит так, тебе крупно повезло, – начал он.

– А я вообще везучий, – перебил его предводитель скифов.

– Короче, – с нажимом в голосе объявил Федор. – Лошадей отведете на грузовой корабль, вон туда, ...а сами поднимайтесь вон на ту квинкерему, она еще свободна. Капитана я предупрежу. Кельты что-то запаздывают, так что сначала вас перевезут, а потом за ними вернутся.

– Все понял, – едва не откозырял Леха, – значит, я снова в деле.

– Как выгрузимся на берег, поступаешь в мое распоряжение, – закончил командующий экспедиционным корпусом напутственную речь, – будешь моим...стратегическим резервом.

– Конечно, буду, командир, – просиял Ларин, – базара нет.

Когда бородатые всадники золотистой струйкой утекли в указанном направлении, Федор ощутил какое-то удовлетворение. Македонская конница, это хорошо. Но, размышляя о предстоящем сражении, Федор, конечно, предпочел бы видеть в этом качестве скифов. Но Ганнибал ничего другого ему не предоставил, решив, что македонцев хватит с лихвой. А тут, на тебе, скифы сами объявились, откуда не ждали. Конечно, триста человек вряд ли смогут решить исход войны, но на исход одного сражения вполне способны повлиять.

– Мы не римляне, – пробормотал Федор, направляясь к своему кораблю, – но, теперь у меня личных всадников на целый легион², не считая македонцев.

Весь остаток дня погрузка шла полным ходом. А под вечер, когда все уже было готово и войско распределено по кораблям, появились опоздавшие кельты. Ларин встретился с их вождем по имени Нордмар, рослым воином, на обнаженной груди которого блестела золотая торква. Кельт был облачен в шкуру и легко поигрывал массивным боевым топором, снесшим, надо полагать, не одну римскую голову. Выяснив, почему опоздало его войско, –

² Римскому легиону придавалось 300 всадников, – 30 турм по 10 человек.

оказалось, что кельты как раз выбирали нового вождя племени, – Федор сообщил ему о завтрашнем отплытии и о том, что ему придется обождать пару дней, пока за ним вернуться корабли.

Кельт не стал понимать шума, а приказал своим воинам разбить лагерь вблизи гавани, запалить костры и заняться приготовлением ужина. Тем же вечером, накануне отплытия, Федор мог наблюдать с палубы своего корабля, что кельты устроили настоящий праздник и массовую попойку. Видимо, вождь не успел, как следует отпраздновать свое вступление в должность. «Ну и хорошо, – решил про себя Федор, разглядывая огни, песни и пляски на берегу, – главное, что возмущаться не стал. А то от этих ребят можно всего ожидать».

После победы над Римом Ганнибал отдал всю северную Италию, где издавна проживали кельтские племена в их вечное владение, присовокупив к ним еще ряд земель у Адриатического побережья, примыкавших к дельте реки По. Кельты по-прежнему составляли большую часть наемников, верой и правдой служивших вождю Карфагена, но в этой экспедиции Ганнибал почему-то решил обойтись их минимальным количеством, положившись на своих африканцев и македонцев. Однако Федор ни минуты не сомневался, – случись затяжная война и долина реки По станет исправно поставлять воинов в армию Ганнибала в огромных количествах. Успокоившись насчет кельтов и отдав необходимые распоряжения начальнику порта, он отправился спать.

На следующее утро они вышли в море. Плыть до намеченной цели было не больше двух дней. А при попутном ветре и того меньше. Теперь, после победы над Римом, в плавании по Адриатике приходилось бояться только непогоды и острых рифов, а вовсе не римского флота. У греков из Этолийского союза, конечно, был флот. Но, по сравнению с объединенными силами македонцев, ахейцев, Карфагена и Сиракуз он был невелик. Афинские эскадры пока в расчет не принимались. Официально эта война к ним не имела никакого отношения, и появления афинян в Адриатике никто не ждал. Впрочем, Федор этому только был рад. Пресловутая разобщенность греков всегда играла завоевателям только на руку. Но, на всякий случай, в море уже давно несла патрульную службу эскадра Сиракуз и македонского флота.

За день и ночь в море его флот прошел немалое расстояние, миновав огромный остров Керкиру. Повернув вскоре на юг, караван направился дальше вдоль берегов Эпира к острову Левкада, что поднимался из воды вблизи берегов Акарнании. Эти сутки не принесли плохих новостей. Ветер был попутным, но не сильным.

Согласно тайной договоренности между Ганнибалом и Филиппом, местом высадки экспедиционного корпуса Чайки был выбран протяженный и почти закрытый со всех сторон залив. Одно составлявшее его побережье принадлежало некогда Эпиру, а другое, начинавшееся почти сразу за островом Левкада, считалось землей Акарнании. Повсюду сейчас здесь располагались войска Филиппа, так что высадка должна была пройти без проблем. Рассматривался, конечно, и вариант удара с ходу, то есть проникновение в Коринфский залив и высадка морского десанта непосредственно на берега Этолии, вблизи которых находились упоминаемые в местных мифах города Плеврон и Калидон, с последующим маршем к столице. Но Федор от этого отказался. Там можно было ожидать нападения этолийского флота, который мог осложнить десантную операцию и привести к ненужным потерям. Чайка предпочел спокойную высадку и мощную наземную операцию. А флот никуда не денется, если лишить его наземных баз. Кроме того, нужно было чем-то озадачить ахейских стратегов, чьи земли находились аккурат на другом берегу залива, напротив Этолии. Не преподносить же им победу на блюдечке. Федор вообще не понимал, как объяснить своим скифским союзникам, что вместо одного «грека» Филиппа, им вскоре предстояло дружить сразу с несколькими полисами из Ахейского союза, вместо того, чтобы просто вырубить оставшихся греков под корень. Иллур вообще мог этого не понять. Он и Филиппа-то еле терпел, для дела. Вот Чайка и решил по прибытии дать ахейцам задание терзать прибрежные земли этолийцев кораблями Ахейского союза, а свои побережья. Еще пригодятся. От этих сражений ахейцы станут слабее, что тоже на руку наместнику

Ганнибала. Мало ли как жизнь повернется.

Между Филиппом и Ганнибалом была договоренность, что наземной операцией командует македонский царь, используя войско Чайки, но в деле использования союзного флота Федор мог принимать самостоятельные решения.

К исходу второго дня они были уже вблизи острова Левкада. Окончание плавания также проходило без сюрпризов. Лишь однажды на горизонте показались неизвестные военные корабли. Федор отдал приказ готовиться к бою, но к счастью его караван повстречался с эскадрой Евсида из Сиракуз, сообщившей, что этолийские корабли не рискуют показываться в этой части Адриатики, предпочитая стеречь собственное побережье.

– Ну и хорошо, – довольно ухмыльнулся Федор, попрощавшись с Евсидом, и скользнув взглядом по бесконечной веренице собственных судов, – а мы туда и не пойдем. Решим все на суше.

Когда они подошли еще ближе к берегам Эпира, Федор, разглядывая проплывавшие мимо рыбацкие деревеньки и небольшие города, вспомнил легенду о том, что именно Эпир был прародиной греческих племен, откуда они расселились по всей материковой Греции и островам Эгейского моря.

Однако, сами греки эту в эту легенду не верили и македонцев даже за эллинов почему-то не считали. Так, совершенно отдельный народ, проживающий по соседству. В Эпире, находившемся сейчас под властью Македонии, греки-эллины жили лишь на побережье несколькими колониями. В центре страны в Додоне находилось, правда, известное греческое святилище, оракул Зевса. Но этим присутствие эллинов и ограничивалось.

Мало кто в Италии и Карфагене не слышал о знаменитом царе Эпира, по имени Пирр, пытавшемся захватить Рим. Но, это было уже в прошлом. Поговаривали, что Пирр хотел быть похожим на Александра Македонского, решив проложить столь же победоносный путь, но в другую сторону, на запад, захватив Рим и все остальные земли до Мелькартовых столпов. Теперь же все эти земли отошли Карфагену, включая Рим. Но за попытку Федор был ему даже признателен. В той экспедиции слоны Пирра потоптали немало римлян.

Из местного царского рода происходила и мать Александра Македонского Олимпиада, внушившая своему сыну мысль о том, что он должен захватить полмира. Александр наставления матери исполнил, захватив половину известного грекам мира, пройдя от Греции до Индии, и вернувшись в Вавилон, умер, не оставив завещания. А его ближайшие помощники-диадохи поделили между собой его наследство на несколько частей. Впрочем, в деле о наследстве Александра осталось несколько спорных моментов, которые диадохи и их потомки не могли решить до сих пор. Поэтому война на побережье Эгейского моря, Финикии, в Сирии и Египте то и дело вспыхивала и разгоралась вновь. «Впрочем, – Чайка вернул из полета и придал своим мыслям нужное направление, – так далеко нам пока не надо. У нас есть дела и поближе».

Слегка отдохнув и перекусив, Федор поднялся на палубу своей квинкеремы, которая уже входила в залив. Морпехи в синих панцирях столпились вдоль ограждений, наблюдая за сужавшимися берегами. На носу мощного корабля Федор заметил группу из трех офицеров, плывших вместе с ним в этот поход. Они что-то обсуждали, и оживленно жестикулировали, показывая на проплывавшие мимо горы. Один из них был капитаном корабля, впервые узнавшим Чайку перед этим плаванием. Зато двух других командир экспедиционного корпуса знал давно. Одного звали Кумах, это был рослый, крепкосбитый воин, командир африканских пехотинцев, который прошел вместе с Чайкой весь поход сквозь жаркую Нумидию к Карфагену. А второго бойца, так же отличавшегося выдающимся ростом и силой, звали Бейда. Он в том же походе заведовал осадным обозом. Обоих Федор взял с собой и в этот поход. Добираться предстояло не так далеко, как в прошлый раз, да и новое дело особых вопросов у Чайки не вызывало, но все же хотелось иметь проверенных командиров под рукой. Интуиция подсказывала новому наместнику Бруттия, что с греками надо держать ухо востро. Особенно с союзниками.

Он с удовольствием взял бы с собой еще двоих старых друзей по оружию, с которыми

начинал службу, – Урбала и Летиса. Но Урбал служил сейчас в Карфагене, при штабе Гасдрубала. А вот Летиса Федор все-таки выписал в это предприятие. В последний момент он договорился о придании его экспедиционному корпусу хилиархии, в которой служил его друг. Так что здоровяк плыл сейчас на корабле тем же курсом и, возможно, еще даже не догадывался, по чьей милости он здесь оказался. Федор еще ни разу не виделся с другом, а лишь собирался сделать это по прибытии на место.

– О чем спорите? – поинтересовался Чайка, обойдя установленную на палубе баллисту и приблизившись к офицерам.

– Мы не спорим, – ответил за всех Бейда, – просто мы с Кумахом никогда не бывали в этих местах, вот капитан и рассказывает нам, что за земли перед нами. Получается, что слева от нас Эпир, а по правому борту какая-то Акарнания.

Федор присмотрелся к пейзажу, – поросшие лесом горы все теснее сжимали протяженный залив, в который втянулся уже весь караван, замыкавшийся транспортными судами. Справа по борту за кормой остался большой горбатый остров, отделенный еще одним проливом от материка. Впереди по тому же борту показался городок, несколько десятков дворов, рассеянных по склону.

– Получается так, – подтвердил он слова капитана, и, припомнив карту, добавил, – а это, вероятно, Анакторий. Значит, скоро будем на месте.

– Странные у этих греков названия, – пробормотал Кумах, разглядывая приближавшийся городок, – да и сами они...

Он не договорил, умолкнув на полуслове, словно вдруг забыл то, о чем хотел сказать.

Тем временем флагман миновал Анакторий, раскинувшийся на мысу, по обе его стороны. Берега вновь стали расходиться и взорам карфагенян открылся обширный залив у входа в который они увидели эскадру из дюжины кораблей. На мгновение все напряглись, словно ждали, что это будут этолийцы. Но, капитан, присмотревшись, успокоил Федора и остальных.

– Это македонская эскадра, – заявил он, – похоже, нас ожидает.

Македонцы проводили караван к месту назначения. Еще до темноты флот Чайки, преодолел залив и приблизился к берегу, но пристал не сразу. В дельте реки, впадавшей в этот залив, обнаружился неплохо оборудованный порт. Неподалеку на холме стоял городок со странным названием Аргос Амфилохийский, название которого Федору что-то напоминало, но лоцманы Филиппа повели караван карфагенян дальше, вверх по реке. Наконец, когда сумерки уже начали сгущаться, они достигли места высадки, высокого берега, на котором были оборудованы многочисленные пирсы. Дальше река резко мелела, и путь на квинкеремах вообще был невозможен.

– Где же это мы оказались? – подумал Федор вслух, слегка озадачившись, – уж не Ахелой³ ли это уже? Тогда этолийцы отсюда уже в двух шагах.

На всякий случай, он приказал своим командирам смотреть в оба. Но, к счастью Чайка ошибся в своих опасениях. Сойдя по сходням вместе с Бейдой и Кумахом на берег, Федор получил все необходимые разъяснения от македонского офицера, встречавшего прибывший караван вместе с отрядом из сотни тяжеловооруженных всадников. Десяток из них держал факелы.

– Царь Филипп приветствует в твоём лице Ганнибала, Федор Чайка, – высокопарно поприветствовал его спешившийся македонец, облаченный в дорогой доспех, на медных боках которого играли отсветы факелов, – меня зовут Демофонт.

Услышав такое приветствие, Федору показалось, что его даже оскорбили, но Чайка не стал раздувать дипломатический скандал. Не торопясь он поправил шлем на голове и фалькату на поясе, ответив попроще и сразу переходя к делу.

³ Река Ахелой брала свое начало в горах Эпира, протекала через всю северо-западную часть Этолии и впадала в море. В разные периоды истории, по некоторой ее части проходила граница с соседней Акаранией.

– Я, Федор Чайка, рад приветствовать посланцев царя Филиппа от лица Ганнибала и от себя лично. Мы плыли дольше, чем я ожидал. Где сейчас находится царь, и где я могу разместить своих солдат на ночлег?

Федор перевел взгляд с македонцев на строения, видневшиеся за их спинами. На высоком каменистом берегу не было никакого поселения, если не считать военного лагеря. Да и тот, судя по всему, оборудован был здесь совсем недавно. Главным его достоинством было, на взгляд Федора, то, что лагерь был очень большим и способен был принять почти всех его солдат. Возможно, он и был построен специально для приема подкреплений от союзников, как перевалочный, в расчете на то, что еще не единожды этим путем они будут прибывать в Грецию. Посланник Филиппа подтвердил его догадки.

– Ты можешь разместить на ночлег все своих солдат в этом лагере, там есть все необходимое, – ответил Демофонт и добавил, – но, царь Филипп хотел видеть тебя как можно быстрее у себя в лагере, что возле Страта в Акарнании.

– Это далеко? – поинтересовался Федор, без особого энтузиазма глядя на быстро сгущавшиеся сумерки.

– К утру будем на месте, – пообещал Демофонт.

Скакать куда-то на ночь глядя по приграничному району, да еще без собственной охраны, ему совершенно не хотелось. «У меня же скифы есть, – вспомнил он с облегчением, но желания немедленно увидеться с Филиппом все равно не возникло, – хоть он царь, но пусть подождет немного. Мы тоже кое-чего стоим».

– Я должен сначала проследить за разгрузкой кораблей и разместить своих людей, – принял решение Федор, – передайте царю, что завтра утром, я прибуду к нему, как только буду готов.

Нельзя сказать, что Демофонту понравились слова командира экспедиционного корпуса, отказавшего царю в немедленном исполнении его воли, но ничего поделать он не мог, а потому смирился. Правда, скрипнув зубами.

– Хорошо, – нехотя кивнул посланник, – тогда мы останемся здесь и подождем тебя до утра. Все равно твои воины не знают дороги.

– Это подойдет, – согласился Федор, – я приступаю к разгрузке армии. А то мои слоны уже измучились от морского путешествия. Того и гляди, начнут буйствовать, а это нам совершенно не нужно.

– Много у вас слонов? – заинтересовался посланник царя, уже занесший ногу, чтобы взобраться в седло.

– Хватит, чтобы проучить этолийцев, – подпустил туману Федор, не желая ни хвастать, ни сдавать сразу всех козырей. Пусть помучаются. Пока союзники вели себя слишком заносчиво, чем только раздражали командира экспедиционного корпуса.

«Ох, и помпезные же эти македонцы, – продолжал составлять мнение о союзниках Федор, рассматривая Демофонта и его свиту в раззолоченных доспехах, – словно не на войну, а на парад собрались».

Неожиданно со стороны дальних кораблей, где уже началась разгрузка, послышался конский топот, и к месту встречи с македонцами прискакало несколько всадников в скифских доспехах. В огне факелов возник силуэт лихого кавалериста Лехи Ларина и еще пятерых бородатых копьеносцев. Ларин взлетел на высокий берег первым и осадил своего скакуна, едва не врезавшись в дородного коня Демофонта. Македонцы от такой неожиданности чуть не схватились за мечи, – они знали, что у Федора не было конницы, – но, разглядев знакомые доспехи скифов, немного успокоились. И все же в воздухе опять запахло международным конфликтом. «Ну, Леха, – мысленно пожурил друга Федор, – не может без выкрутасов».

Однако не только македонцы были удивлены неожиданным появлением скифов. Сам Ларин, похоже, был поражен не меньше. Особенно, когда узнал офицера, бывшего у македонцев за главного.

– Здорово, друг Демофонт, – чуть не крикнул он, выпрямляясь в седле, – ты ли это?

Жив еще, значит. Не убили тебя дарданы⁴ тогда в горах.

– Жив, – нехотя признал Ларина напыщенный македонец, по лицу которого было видно, что он совсем не рад этой встрече.

– И я жив, как видишь, – продолжил беседу Ларин, ничуть не смущаясь, что встрял в разговор двух царских посланников, – значит, снова вместе повоюем!

Македонец кивнул Федору и, не говоря больше ни слова, развернул коня в сторону лагеря. Отряд тяжеловооруженных воинов направился за ним.

– Вы что знакомы? – настал черед Федора удивляться.

– Виделись пару раз, – усмехнулся Ларин, провожая взглядом отряд македонцев, – когда с Иллуром впервые в Эпирских горах оказались.

– Тогда бери своих всадников, и отправляйтесь за ними следом, – приказал Федор, – сегодня мы ночуем в этом лагере. А завтра на рассвете снова в путь.

Глава третья «Река Ахелой»

Однако все произошло не так быстро, как того хотел Федор Чайка. Осмотрев лагерь вместе с Демофонтом, он нашел его вполне добротным и разместил своих людей на ночлег. Впрочем, это касалось лишь воинов, которые смогли сойти с кораблей за несколько прошедших часов с момента прибытия. Это была треть пехоты и скифы, получившие своих лошадей. Но артиллерия и припасы все еще оставались на судах. Разгрузка затянулась. Посреди ночи Федор вновь вернулся на берег, выслушал доклады Кумаха и Бейды, и понял, что к рассвету его армия еще не будет готова выступить в путь. Впрочем, ничего другого он и не ожидал, погрузка в Брундизии тоже заняла не одну ночь. Приказав своим помощникам продолжать без него, Чайка вернулся в лагерь и разыскал Ларина, которого поселил неподалеку от своего шатра. Бравый конник уже вовсю дрых, не обращая внимания на царивший в лагере шум, справедливо рассудив, что ночь коротка и если понадобятся его услуги, он об этом узнает.

Федор миновал охранение из ординарцев Лехи, знавшее теперь его в лицо, и приказал им разбудить своего начальника.

– Утром со мной поедешь, – сообщил Федор заспанному другу, когда тот вышел из барака, где помещались скифы с лошадьми, почесывая бороду, – к царю Филиппу в гости. Больше у меня конницы нет, с пехотинцами я за Демофонтом не поспею, а одному ехать не солидно.

– И то верно, – кивнул Леха, широко зевнув.

– На рассвете будь готов вместе со своими орлами, – закончил напутствия Федор, вставая.

– Воевать поедем или так? – поинтересовался Леха, потягиваясь.

– С царем повидаться, – ответил Федор, пожав плечами, – а там видно будет. Разгрузка все равно к утру не закончится.

Ларин кивнул и отправился обратно спать. Выходя, Федор услышал, как тот отдает короткие приказания. Чайка взглянул на небо, которое было затянуто темными облаками, скрывавшими Луну, и решил не терять больше время. «Надо и мне поспать, – решил командующий экспедиционного корпуса, – завтра, похоже, будет длинный день. А с караваном и без меня разберутся». С тем и вернулся в свой шатер, окруженный морпехами с корабля, составлявшими его личную охрану в этом походе. Помощники Федора оставались

⁴ **Дарданы** – иллирийское племя, обитавшее у северных границ Македонии. Дарданы вместе с фракийцами часто предпринимали грабительские набеги на Македонию и Грецию. Во II в. до н. э. дарданы представляли серьезную угрозу для соседей и македонские цари были вынуждены постоянно принимать карательные меры, чтобы обезопасить свои владения от таких рейдов.

на берегу, откуда непрерывно в лагерь тянулся поток военных грузов. Когда Чайка укладывался на помпезную скамью, обтянутую тканью и набитую пухом, – мебель в его шатре, надо признать, была шикарной, и самого Ганибалла приять не стыдно, – до него донесся рев слонов. Это дошла очередь до «боевых машин» Исмека, которым был приготовлен отдельный загон в этом обширном лагере.

Демофонт сообщил, что противник от лагеря далеко, поэтому опасаться нападения не стоит, повсюду войска Филиппа. Но Чайка на всякий случай велел выставить охранение на стенах, усилив небольшой македонский отряд, имевшийся в лагере перед их приходом. Разъезды из скифов, впрочем, не стал рассылать по окрестностям, решив хоть немного поверить на слово македонцам. С тем и заснул, сняв доспехи.

Остаток ночи пролетел мгновенно, Чайке даже показалось что, он едва успел сомкнуть глаза, как наступил рассвет. Впрочем, выспался он прекрасно. Закаленный организм, привыкший по армейской привычке использовать для сна любой отпущенный судьбой промежуток времени, был доволен. Некоторое время Федор лежал, прислушиваясь к звукам лагеря и слегка потягиваясь. Но, как не хороша была мягкая скамья, а дела государственной важности требовали оторвать от нее свое расслабленное тело. День уже разгорался.

Федор рывком сел, опустил ноги на ковер, валявшийся на полу, – македонцы не поскупились, – дотянулся до кувшина с водой, стоявшего на столике, и плеснул себе в лицо для бодрости. Затем встал, кликнул ординарца и оделся.

Перекусив, тем, что еще вчера приготовлено для него на отдельном столике в шатре, – холодным мясом с овощами, сыром и хлебом, – Федор вышел на свет. Окинув взглядом окрестности лагеря, остался доволен. Повсюду кипела работа. Разгрузка артиллерии и припасов ни на минуту не прерывалась. Тюки сносили в бараки на дальнем конце лагеря, а походную артиллерию в разобранном виде разгружали неподалеку от шатра Чайки. Со своего места он мог наблюдать за ходом сборочных работ. Мастера-инженеры в серых хитонах начали сборку орудий, доставленных ночью, и пять баллист уже красовались у входа в барак. Ядра и дротики для метания сносили в соседний барак. Походная кухня работала без нареканий, и солдаты, свободные от караульной службы, как раз принимали пищу. Тут македонцы тоже оказали услугу Федору, ускорив процесс, хотя у него и своих поваров хватало. «Пошло дело, – решил Чайка, выходя в сопровождении пятерых морпехов на берег, – может, не такой уж Филипп и плохой союзник. А что до помпезности, так у каждого, как говорится, свои недостатки».

Берег был все также заполнен народом, занятым переноской грузов, как и ночью. Повстречавшись вскоре с Бейдой, Федор выслушал доклад о том, что осадный обоз выгружен только на треть.

– Продолжай, – приказал Федор, – но, надо поторапливаться. Я сейчас уеду к македонцам на денек. Надеюсь, к вечеру вернусь. И что за новости привезу, не известно.

– Я ускорю дело с выгрузкой, – кивнул смуглолицей Бейда, – но инженерам нужно еще собрать повозки для баллист и остальных машин. Думаю, на все еще пара дней уйдет.

– Хорошо, – кивнул Федор, переходя дальше по берегу, – и все же поторопись.

Грузовые суда, на которых везли слонов, были пусты. Всего у Чайки было в этой экспедиции десять слонов. Не так чтобы много, но в качестве ударной силы для разгрома одного войска вполне достаточно. Слишком долго Федор воевать не собирался. Пока он продвигался вдоль строя кораблей, знакомясь с положением дел, его нагнал Исмак и подтвердил, что со слонами все в полном порядке. Все перенесли плавание спокойно и сейчас отдыхают. За ними хорошо присматривают, корм македонцы тоже предоставили хороший.

«Да, не может без нас Филипп, – резюмировал свои наблюдения Чайка, – силенок не хватает на всю Грецию. Очень хочет, чтобы мы за него повоевали с этими этолийцами. По всему видно».

– Молодец, – похвалил широкоплечего ливийца Федор, – отправляйся к своим слонам и позаботься, чтобы они и дальше были в полном порядке. Скоро, чует мое сердце, они нам

сослужат хорошую службу.

Довольный похвалой, Исмек удалился в лагерь. А его место занял появившийся, словно из-под земли, Кумах.

– Вся пехота на берегу, – сообщил военачальник, затянутый в коричневые доспехи из кожи и металла, придерживая ножны фалькаты, – можем выступать хоть сейчас.

– Сейчас рановато, – осадил его прыть Федор, осматривая дальний берег реки, поросший лесом, – обоз еще не готов.

Помолчав немного, он добавил, вспомнив о кельтах Нордмара.

– Раз ты освободил корабли, отправь немедленно несколько грузовых и пару квинкером для охраны за кельтами в Брундизий. А то они там сопьются на радостях, решив, что о них позабыли.

– Будет сделано, – слегка поклонился Кумах, на шлеме которого заиграло солнце.

Федор помолчал некоторое время, предавшись размышлениям и почесывая бороду.

– Не меньше трех дней, как ни крути, уйдет еще на общий сбор и приготовления, – проговорил он вслух, словно беседуя сам с собой, – ну, теперь мне все ясно. Можно и к Филиппу в гости пожаловать. Где там мои македонские проводники?

Он обернулся и заметил отряд помпезной конницы, уже ожидавший его у главных ворот лагеря. Чуть в стороне восседали на конях триста скифов Лехи Ларина, подавляя своей численностью македонский эскорт. «Демофонт будет, вряд ли доволен, но так-то оно лучше, – решил Федор, направляясь неспешным шагом обратно к лагерю.

– Царь ждет тебя, – напомнил Демофонт.

Когда Чайка поравнялся с конями македонцев, посланник Филиппа с неудовольствием посмотрел в сторону скифского отряда сопровождения.

– Тогда поехали, – спокойно ответил ему Федор, взбираясь на подведенного ему одним из македонцев скакуна с богато отделанным седлом, – не будем заставлять Филиппа ждать сверх меры, мы и так уже задержались.

Оказавшись в седле, Федор сделал знак Ларину следовать за ними.

– Это моя охрана, она поедет с нами, – пояснил Чайка македонскому посланнику.

– Разве не достаточно моего отряда? – обиделся Демофонт, – здешние земли не опасны.

– Конечно, – подтвердил Федор, дергая поводья, и вновь осматривая отряд македонцев, в котором насчитывалось не больше пятидесяти человек, – но граница Этолии рядом. Кто знает, на что способны ее стратеги. А я уверен, они уже знают, что мы здесь.

– Тебе ничего не угрожает, пока я рядом, – произнес с плохо скрываемым раздражением Демофонт, не спешивший на сей раз бросать своего коня вскачь.

– Благодарю, – едва сдержался, чтобы не усмехнуться Федор, – но, я привык отвечать сам за свою безопасность. Я верю в силу армии царя Филиппа, но я ведь не беру с собой всю свою. Это лишь небольшой отряд. На всякий случай.

Демофонт скрипнул зубами, поняв, что Чайку не переубедить, и дернул поводья.

– Едем.

Федор устремился вместе с ним по небольшой дороге, скорее напоминавшей тропинку. Эта дорога вела вдоль берега через подъемный мосток и, спустя десяток стадий, скрывалась в лесу, который подступал к узкому руслу реки. Проезжая мимо, Федор лишний раз убедился, что плыть по нему дальше на больших кораблях было невозможно, только на биремах. Но, спустя полчаса скачки вдоль реки, понял, что и биремы пройдут недалеко. Река очень скоро превращалась почти что в ручеек, начинавший свое течение в предгорьях. Конечный пункт плавания каравана Чайки был выбран македонцами не случайно. Федор даже мысленно похвалил стратегов Филиппа. Лагерь в этом месте был действительно нужен, – он запирали водный путь, по которому можно было легко доставлять подкрепления из тыловых областей к месту боевых действий. Он стоял на высоком берегу, окруженный частоколом. С двух сторон лагерь огibal приток реки, служивший естественным рвом, а прямо перед воротами расстилалось небольшое озеро, – еще она естественная преграда. В общем, местность была использована отлично. Царь Македонии постарался защитить свои

коммуникации на случай длительных боевых действий.

Втянувшись в лес, они скакали примерно часа два. Впереди македонский отряд и Федор, а позади три сотни скифов. Демофонт не высылал перед собой никакого авангарда, давая понять Чайке, что тот ошибся, взяв с собой большую охрану, и тем оскорбил недоверием царя. Но, Федор делал вид, что ничего не замечает, хотя и озирался по сторонам, – лес был довольно дремучий, а дорога узкой.

Вскоре местность стала более холмистой, а путь заметно круче. Дорога превратилась в тропу. Они уже давно отвернули от реки и теперь въехали в предгорья, петляя по серпантину. Несмотря на уверения Демофонта о полной безопасности, Федора не оставляло напряжение, – места для засад было хоть отбавляй. Перед самой вершиной скалистого холма, на который они сейчас медленно взбирались, отряд так сильно растянулся, что всадники ехали по одному, зигзагами поднимаясь наверх.

«И он собирался скакать здесь ночью? – со смешанными чувствами посматривал Федор в спину Демофонта, ехавшего чуть впереди, – он либо глупец, либо совершенно безрассуден, что впрочем, почти одно и то же».

В третий вариант, полную безопасность здешних путей, Чайка почему-то упорно не верил. К счастью подъем, над которым нависало несколько очень удобных для засады лучников скал, скоро кончился и они выехали на вершину холма. Никаких нападений не случилось.

– Где ждет нас Филипп? – уточнил Чайка, когда они остановили коней, чтобы подождать остальных. Он использовал эту возможность для того, чтобы осмотреться.

– Царь стоит лагерем у города Страт в Акарнании, – нехотя пояснил Демофонт, тоже смотря вперед, – там сейчас ставка Филиппа Македонского, куда он отошел после сражения за рекой Архелон с этолийцами.

На вершине холма леса росло меньше, и перед ними открывалась довольно протяженная панорама. Дальше путь лежал вниз, в холмистую долину, залитую светом солнца, по дну которой протекала довольно широкая река. Со своего места Федор определил, что она, хоть и широка, но не слишком глубока. Он насчитал, по меньшей мере, три брода. Кроме того, там, где река изгибалась и сужалась, также торчали скалистые уступы, в складках которых вполне можно был разместить лучников и пращников, способных поражать живую силу противника на соседнем берегу, оставаясь вне досягаемости. «Будь я на месте этолийцев, – поймал себя на мысли Чайка, – обязательно устроил бы засаду где-нибудь здесь».

– Что это за река? – спросил Федор.

– Ахелой, – ответил македонец, после длинной паузы.

– Мы будем ее переходить?

– Нет, – сообщил Демофонт, – наш путь лежит по правому берегу, вдоль реки, а затем мы уйдем опять в лес. Страт находится там.

– Значит, вся Акарнания лежит справа, – словно запоминая услышанное, проговорил вслух командир экспедиционного корпуса, – а Этолия слева?

Демофонт, молча, кивнул.

Чайка перевел взгляд на левый берег реки Ахелой. Там, вдалеке, невысокие коричнево-желтые горы и холмы заканчивались, постепенно переходя в равнину. Зато высокие горные массивы лежали слева у истоков этой реки. К счастью они шли не туда. «Получается, как минимум треть Этолии покрывают горы, – размышлял Федор, прикрыв глаза ладонью от солнца, и прикидывая где лучше биться с противником, – а половину равнина».

– Нам пора, – сказал македонец, когда весь его отряд был на вершине, – царь ждет.

Федор тронул своего коня, следом за Демофонтом, лишь дождавшись пока на вершине холма появится Ларин с первыми скифами, у каждого из которых кроме копья в руке, к седлу был приторочен колчан со стрелами, а за спиной имелся крепкий лук.

– Смотри в оба, – приказал ему Федор, – на этой реке масса бродов, а на другом берегу враги. Мало ли что.

– Не бойсь, командир, – успокоил его Ларин, – не подведем.

И пригнувшись к гриве лошади, добавил, покосившись на македонцев, уже спускавшихся вниз по склону.

– Может, с нами поедешь?

Федор отрицательно мотнул головой и еще раз проговорив «Смотри в оба», усккал вперед, догнав Демофонта уже у подножия холма. Вскоре дорога вышла из леса на открытый берег и заструилась вдоль него, повторяя изгибы. Справа был лес, слева вода. Но леса Федор почему-то теперь боялся гораздо меньше.

Когда показался первый скальный выступ, нависавший над водой со стороны вражеского берега, Чайка с подозрением поглядывал туда до тех пор, пока отряд не миновал скалу. К счастью, обошлось без происшествий. Оказавшись на открытой дороге, Демофонт, почти не смотревший по сторонам, ускорил ход колонны и Чайка был этому только рад. «А может, я зря его подозреваю, – поймал себя на предательской мысли Федор, – он прав и нет здесь никаких опасностей? Не зря же Филипп столько времени прессовал этих этолийцев в одиночку. Он ведь отогнал их до самой равнины, как я помню из донесений разведки, и лишь потом отошел за реку. Сидят они сейчас, наверное, у своей столицы, силы накапливают, да ко встрече с нами готовятся».

Они миновали таким ходом уже полдороги, два замеченных с холма брода и ничего не произошло. Федор почти успокоился. Но, едва отряд поравнялся с третьей скалой, как с противоположного берега раздался знакомый свист и трое македонских всадников рухнули с коней замертво. Не помогли и отличные доспехи. Двоих поразили в шею стрелой, а третий умер от прямого попадания камнем в лицо. Едва взглянув на то, что от него осталось, Федор поморщился. Это было одно кровавое месиво.

– Поднять щиты! – приказал Демофонт, вынув меч, – сомкнуть ряды!

Вокруг Чайки быстро вырос защитный барьер из катафрактариев, прикрывших его от обстрела своими телами и щитами. А стрелы и камни забарабанили по ним с завидным постоянством, едва отряд оказался в зоне обстрела. Луков у македонских всадников не имелось и они ничем больше не могли ответить на обстрел из-за реки. Демофонт, похоже, ждал теперь прямого нападения. Однако, его не происходило. Потеряв еще несколько человек, он засомневался в своих действиях.

– Надо уходить, – посоветовал Федор, приглядываясь к фигуркам вражеских лучников и пращников, едва различимым на фоне коричневой скалы, – мы тут как на ладони. Никто не будет нас атаковать из-за реки. Это просто засада.

Вскоре подлетели скифы. И Федор крикнул Ларину, гарцевавшему под обстрелом.

– А ну заставь этих уродов замолчать!

Скифы, уже на ходу сдернувшие луки, послали на другой берег первую волну стрел. Потом вторую. Обстрел заметно поутих, а после третьей волны, когда со скал рухнуло в реку человек десять мертвецов, и вовсе прекратился. Брода здесь, к его удивлению, не было. И Федор хотел было отправить скифов назад, чтобы они обошли эту скалу и перебили всех, кто там находился, но передумал. Их никто не преследовал, и он решил ограничиться заградительным огнем, под прикрытием которого весь отряд благополучно миновал злосчастную скалу.

– Ну вот, – заметил он вскользь, когда опять оказался рядом с Демофонтом, – а ты говоришь не надо с собой брать охрану.

И кивнув на скифов, ехавших теперь двумя отрядами, впереди и позади македонцев, добавил:

– Пригодились.

Демофонт был вынужден кивнуть.

– До сих пор этот путь был безопасен, – едва выдавил он из себя.

– Значит, вы слишком давно не беспокоили этолийцев, – ответил Федор, покачиваясь в седле, – ну, ничего. Скоро мы заставим их понять, кто здесь хозяин.

Он не заметил, как вздрогнул при этих словах Демофонт.

Весь световой день они ехали сквозь холмистую местность. Лес, то укрывал все вокруг, то вдруг внезапно кончался, уступая место обширным открытым пространствам, на которых рос лишь кустарник. Чувствовалось, что горы поблизости.

Не успели они отвернуть от реки, как повстречали разъезд македонцев, одетых в доспехи попроще. Это был отряд легкой конницы, зато он насчитывал добрую сотню бойцов. Демофонт, остановил их и отдал какое-то приказание, махнув в сторону реки. Когда отряд ускакал, подняв облако пыли, Чайка одобрительно кивнул.

– Все верно. Их стоило проучить.

Демофонт отмалчивался, не желая признавать ошибок и тем более, принимать от Федора похвалу.

Уже наступили сумерки, когда они поднялись на очередной холм, с которого им открылся вид на тонувшую в вечернем тумане долину. На дальнем краю долины из этого тумана поднимался утес, увенчанный крепостной стеной с массивными башнями. Даже с такого расстояния были заметны ворота и выезжавшие из них всадники. За стеной можно было различить скученные строения и мерцавшие огни. Такие же огни светили на стену откуда-то снизу, из тумана, словно вокруг города обитали мистические существа, способные изрыгать огонь. Но, все оказалось гораздо проще.

– Это город Страт, – сообщил Демофонт, – а у подножия стоит лагерем большая часть нашей армии.

– Поспешим, – кивнул Чайка, – Филипп, вероятно, уже нас ждет.

Пока они миновали долину, ночь уже почти вступила в свои права. Несколько раз их встречали разъезды с факелами и без, но каждый раз, узнав Демофонта, пропускали вперед без лишних вопросов. Похоже, он был одним из приближенных царя Филиппа и занимал почетное место среди его лучших военачальников. Но, Федор никак не понимал, как он мог так беспечно себя вести на приграничной территории. Похоже, виной всему была обычная гордость. После знаменитого похода царя Александра, македонцы считали себя лучшими воинами во вселенной, и это мешало им признавать, что и они иногда ошибаются. И уже если им приходилось терпеть поражения, то виной всему, были, конечно, козни богов или еще что-нибудь, а никак не собственные просчеты.

Оказавшись у подножья утеса, на котором располагался акарнанский город Страт, Федор Чайка очутился посреди огромного лагеря македонской армии. Сотни палаток усеяли все прилегающие холмы и равнины. Солдат было так много, что за стенами города им просто не хватало места. Пешие и конные воины перемещались меж костров, разгонявших туман, в самом деле, как герои мифов или посланцы загробного царства.

«Да здесь тысяч пятнадцать, – окинул Чайка наметанным взглядом палатки и выстроенные в поле бараки, обнесенные частоколом, когда они ехали уже сквозь сам лагерь, примыкавший к подножию горы и служивший первым рубежом обороны, – и, если верить Демофонту, это не все македонское войско. Сколько же этолийцев выступило против Филиппа, если он с такими силами в одиночку не смог их одолеть».

– Скифы пусть останутся здесь, – заявил вдруг Демофонт, когда почти весь лагерь остался позади, – в город им пока нельзя. По приказу Филиппа туда не впускают даже конницу союзников. Я прикажу, чтобы их накормили и разместили на ночлег. На обратном пути ты заберешь их.

Федор не ожидал такого поворота. Спорить он сейчас не хотел, но и сразу соглашаться со словами царского посланника, желавшего возвыситься в собственных глазах, не спешил.

– Согласен, – решил он, наконец, смерив взглядом Демофонта, – пусть будет так. Но, я возьму с собой двадцать человек. Я представляю здесь самого Ганнибала и не могу появляться перед вашим царем совсем без сопровождения.

Демофонт помедлил и нехотя кивнул.

– Хорошо.

Чайка подозвал командира скифов, коротко разъяснив ситуацию. А тот в свою очередь отдал приказ воину, который следовал за ним как тень.

– Уркун, переночуешь здесь. Остаешься за старшего, а я возьму двадцать человек и еду в город. Утром увидимся.

Бородатый опытный воин, смерил взглядом македонского всадника, что подъехал к нему в качестве провожатого по приказу Демофонта, и, молча, кивнул. Он так давно служил Ларину, что понимал его с полуслова. Уркун поднял руку и, повинаясь его сигналу, отряд скифов, от которого отделилось двадцать всадников, медленно свернул налево, вслед за македонским сопровождающим.

Следуя за Демофонтом со своим поредевшим эскортом, Чайка решил, что опасаться ему особенно нечего. Не за тем его здесь так долго ждали, чтобы убить или отравить. Сейчас от него было гораздо больше пользы от живого и невредимого. Ведь именно его руками царь Филипп намеревался выиграть предстоящее сражение с этолийцами. Поэтому он списал все эти предосторожности на прихоть македонского царя. Хотя Федор сам был не трус, но, присутствие друга действовало на него ободряюще.

Попетляв еще порядком между строений лагеря, Демофонт вывел колонну к городским воротам. Они были закрыты. Но, узнав, кто прибыл, охрана немедленно отворила массивное сооружение, впуская в город Демофонта и представителя Ганнибала. Не знавший сна город Страт встретил Федора Чайку, немного утомленного скачкой, воплями пьяных солдат и криками женщин, за которыми они гонялись по улицам. Несмотря на то, что прибывшие порядком опоздали с выполнением царского приказа, Демофонт вел коня шагом по извилистым улочкам вверх, похоже, решив, что торопиться уже ни к чему.

Вскоре, однако, их путь закончился. Они подъехали к большому каменному особняку с колоннами и внутренним двором, выстроенному в греческих традициях, и принадлежавшему раньше кому-то из видных отцов города. Вокруг особняка располагалось множество пеших и конных солдат, часть из них держала в руках факелы. Не останавливаясь, Демофонт беспрепятственно проехал прямо в главные ворота. Чайка и скифы последовали за ним. У правого крыла дома виднелся отряд всадников, тоже человек двадцать. Это были греки, но их доспехи отличались от македонских даже при свете факелов.

– А это кто такие? – спросил Федор, у которого появилось странное предчувствие, что не только он спешил на совет к македонскому царю, – наши союзники?

– Да, это люди Филопмена, – ответил македонец, в словах которого сквозило едва заметное презрение, и милостиво пояснил, на случай если Федор не в курсе, – стратега Ахейского союза.

Глава четвертая

«Царь Филипп»

К большому удивлению Федора немедленно провели к царю. Проведя весь день в седле, и прибыв в ставку македонцев поздно вечером, почти ночью, Чайка рассчитывал хотя бы немного отдохнуть. А, кроме того, и перекусить. Проголодался он зверски, а небольшая стычка у реки только добавила ему аппетита. Приступать же к стратегическому планированию, по его мнению, нужно было только на свежую голову. Однако, македонский царь, видно, так долго его ждал, что не в силах был подождать еще немного до утра. Поэтому, едва отряд скифов появился во дворе особняка, а Демофонт обменялся парой фраз с другими офицерами Филиппа, как сообщил Чайке, что совещание состоится немедленно.

– Царь хочет видеть тебя сразу же по прибытии, – объявил Демофонт, слезая с коня, – я провожу.

Федор едва не спросил, дадут ли для начала поесть, но сдержался. Да и возражать не стал. Он, все-таки солдат. А значит, сначала война, а потом уже еда и сон. Конечно, слабая надежда еще была, что благоразумие возьмет верх и Филипп перенесет совещание на утро. Но для этого требовалось все же встретиться с самим царем.

Перекинувшись парой слов с Лехой, Федор понял, что его друг пока не горит желанием общаться с царем македонцев.

– Еще успеем, – проговорил Леха, хитро подмигнув своему другу, – ты там пока без меня займись дипломатией. Я это дело не очень люблю.

Чайка оценил тактичность своего друга, вспомнил выражение лица Демофонта после встречи с предводителем скифов, и не стал настаивать, хотя Леха и был, по воле случая, представителем своего царя в предстоящей кампании.

– Ну, тогда жди меня здесь, – ответил Федор и добавил, уже не очень уверенно, – я не долго.

Оставив скифскую охрану во дворе, Федор поднялся, придерживая ножны фалькаты, по широкой лестнице вслед за Демофонтом на второй этаж. Жили здесь богато, о чем свидетельствовали мраморные ступени и статуи античных героев вдоль парадной лестницы. Подобно статуям на той же лестнице рассредоточилось немалое число охранников. Тяжеловооруженных пехотинцев здесь было так много, что у Федора возникло ощущение, будто Филипп собрался выступить в поход немедленно. Двое рослых пехотинцев на последней площадке лестницы по знаку Демофонта отворили перед ним створки массивной двери и впустили в зал.

– А вот и посланец Ганнибала! – приветствовал его царь Филипп, изобразив радушие на лице, хотя Федор и не очень верил этому слащавому выражению. В глубине души Филипп предпочел бы в одиночку властвовать в Греции, но это ему пока не удалось, несмотря на все усилия. Приходилось искать союзников.

Филипп был среднего роста, бородат и широкоплеч. Имел, небольшой шрам на щеке, не слишком портивший его античный профиль. Умные и властные глаза, смотревшие на собеседника недоверчиво-изучающее, словно все время ожидая подвоха. Раззолоченные доспехи подчеркивали его крепкую мускулистую фигуру.

– Ганнибал шлет тебе пожелания удачи в предстоящей войне, – ответил в свою очередь Федор, подражая велеречивости македонян, и слегка поклонился. – Прошу простить, что не смог быть раньше. Со мной приплыла армия, и я должен был разместить ее на постой, отправив часть кораблей за новыми солдатами.

Услышав о новых солдатах, Филипп улыбнулся уже искренне.

– Тебе понравился лагерь, что мы выстроили специально для нее? – тут же спросил Филипп, скрестив руки на груди.

– Да, лагерь большой, – похвалил Федор, – и место выбрано удачно.

Македонский царь стоял у небольшого овального стола, на котором была разложена карта Греции с прилегающими морями и островами, искусно изготовленная на куске тончайшей кожи. Свет в зале давали факелы, висевшие в специальных кронштейнах на стенах и несколько подсвечников на самом столе. Зал же был небольшим, метров тридцать. Честно говоря, поднимаясь по столь богато отделанной лестнице, Федор ожидал увидеть нечто гигантское и парадно украшенное, но был приятно удивлен скромностью зала для совещаний. Эта встреча проходило вполне «по-деловому», – кроме стола и нескольких скамеек, здесь не было ничего лишнего. Разве что колонны по углам и пара статуй из мрамора со щитами и мечами в дальнем конце зала, дополнявшими внутреннее убранство. Да и людей, к удивлению Чайки было мало, – считая Демофонта, царя и его самого, у стола расположилось шесть человек. Не было также ни вина, ни яств. Поймав голодный взгляд Чайки, Филипп истолковал его верно и поспешил успокоить посланца Карфагена.

– Знаю, ты устал с дороги, Чайка. Но, наш друг Филопмен должен по делам службы отбыть сегодня же ночью назад в Ахайю. Поэтому я решил повременить со сном.

– Нет ничего важнее войны, – кивнул Федор, оглядывая нескольких военачальников, стоявших у стола, – выспаться я еще успею.

– Кстати, – заявил Филипп, жестом приглашая Федора приблизиться и указывая на широкоплечего грека с некрасивым лицом и слегка искривленным носом, стоявшего слева от него, – вот и он сам.

Федор кивнул в ответ на молчаливое приветствие Филопмена, быстрым взглядом изучив внешность собеседника. Первое впечатление было скорее хорошим, чем плохим.

Этот стратег показался Федору достаточно умным и хитрым, для той должности, которую занимал. Кое-что в его внешности, впрочем, свидетельствовало о том, что стратег часто впадал в гнев. Закончив свои краткие наблюдения, Федор спросил напрямик, входя в роль начальника ахейского флота и обращаясь сразу к обоим.

– И что заставляет Филопемена отбыть так быстро?

– Флот этолийцев⁵, до сих пор стоявший у своих берегов, пересек залив и совершил грабительское нападение на Патры, – ответил Филопемени, и правый глаз его дернулся, – город осажден. Я должен вернуться в Ахайю, чтобы отразить нападение.

– Они осмелились напасть на чужое побережье, зная, что мы здесь? – не поверил своим ушам Федор, – не слишком-то они нас боятся. Значит, это демонстрация силы.

Он обвел взглядом присутствующих и произнес, отдавая первый приказ своему новому подчиненному.

– После того, как отгонишь флот этолийцев от Патр, твой флот должен совершить ответный набег на побережье Этолии. И, еще лучше, также высадить десант и осадить какой-нибудь город. Например, Навпакт.

– У Навпакта сосредоточены главные морские силы этолийцев, – ответил медленно ахеец.

Филопемени, впервые видевший Чайку, слегка напрягся, когда тот повел себя перед Филиппом как главнокомандующий. И Федор, поняв это, осекся на полуслове. Хотя такая договоренность имела между Филиппом и Ганнибалом, но здесь, на совете, озвучена она еще не была. Чайка поднял вопросительный взгляд на царя македонцев, скользнув взглядом и по лицам его военачальников, которым также не пришлось по нраву излишняя самостоятельность гостя. Впрочем, царь, казалось, этого не заметил.

– С этого дня Филопемени, весь твой флот в распоряжении Федора Чайки, – объявил во всеуслышание Филипп, и добавил, с явным удовольствием, – а обе ваши армии в моем. Так что перейдем к обсуждению наступления.

– Сколько дней может занять это сражение? – все же осмелился продолжить разговор с ахейским стратегом Федор.

– Думаю дня три, не больше, – нехотя ответил грек, – этолийцы пришли не воевать, а грабить, как всегда. Когда они получают отпор, то долго не задержаться.

Федор удовлетворенно кивнул.

– После победы, приведешь свой флот обратно к берегам Акарнании, – взял, наконец, в свои руки главенство в разговоре царь македонцев, в голосе которого впервые звякнул металл, – если не получишь до той поры новых приказов. Потом и решим, как быть дальше на море. А сейчас нам нужно обсудить, как разбить армию этого проклятого Агелая, который не дает мне покоя уже так долго.

Федор посмотрел на карту, нашел на ней цель своего путешествия – город Ферм, – располагавшийся не так уж далеко от того места, где он сейчас находился и уточнил диспозицию.

– Сколько людей у этолийского стратега?

Прежде чем ответить, царь македонцев сделал царственный жест в сторону Филопемени и произнес:

– Ты можешь идти.

Поклонившись царю македонцев, Филопемени смерил на прощанье Чайку пристальным взглядом, и вышел. «Послал бог подчиненного, – подумал при этом Федор, – сам стратег и командовать хочет. Но, ничего не попишешь, друг Филопемени, придется повоевать не только во славу Греции, но и во славу Карфагена».

Филипп, между тем уже вещал о новом наступлении и том клубке проблем, в который

⁵ На самом деле, как такового, постоянного флота у этолийского союза не было. Но мы пошли на это допущение, поскольку жанр альтернативной истории допускает подобные отклонения от фактов.

сплелись отношения в Греции между союзами и отдельными полисами. О политике Федор слушал вполуха, лишь кивая головой, – слишком устал он за день, да и донесений уже начитался, был в курсе, – но, когда дело дошло до выступления войск «проснулся».

До вторжения Филиппа в Эпир и Акарнанию силы этолийского союза, разбросанные по всей территории, насчитывали около двадцати пяти тысяч пехоты и сорока двух кораблей в коринфском заливе, не считая гарнизонов нескольких городов. Конницы у них, в отличие от македонцев, было не много, а ту, что была, – меньше тысячи человек на весь союз, – Филипп высмеял. Однако Федор позволил себе усомниться в этих словах. Из донесений своих шпионов он знал о том, что мастерство этолийской конницы признавалось как в самой Греции, так и за ее пределами. Этолийские конные наемники служили даже в Египте. Но, «ставить на вид» македонскому царю, он не стал. Опасное это дело. В одном Филипп был прав, как бы ни были хороши этолийские всадники, их было мало. Большинство же эллинов вообще не признавали конницы, а зря.

А вот насчет порядков, царивших в пехотных частях, данные Филиппа и Чайки почти совпадали. Этолийцы, хоть и были неробкого десятка, выведенные в боях правила греческого военного искусства признавать не хотели. Доходило до того, что они не желали даже строить перед боем настоящую пехотную фалангу, не говоря уже о том, чтобы укреплять походные лагеря, выставлять дозоры и вообще подчиняться какой-либо дисциплине. Ну а если этолийцам представлялся случай заняться мародерством, то они его ни за что не упускали, наплевав зачастую даже на военные действия. В общем, в армии этолийского союза царил разброд и шатание. Федор только диву давался, как этот Агелай умудрялся держать в узде такую армию и еще выигрывать сражения. Просто батька Махно, не иначе. Филипп старался уверить Чайку, что разбить такую рыхлую армию не составит труда. Однако, Федор не слишком в это верил. Парадоксов на земле не мало. При такой убогой военной организации союз жил уже больше сотни лет и, прожил бы еще столько же, не случись на его пути Федора Чайки. Теперь же, раз их пути пересеклись, Федор за будущее этолян не ручался. Были на его пути враги и покруче. Были да сгинули.

После нескольких сражений этолийцев с македонцами Филиппа, в строю их армии осталось не более пятнадцати тысяч. Но и македонцы понесли большие потери. Стратег союза Агелай, оказался не так уж плох и отправил на встречу с богами больше семи тысяч македонцев, охладив их пыл. Захватив побережье реки Ахелой и, проведя еще несколько стычек, в основном в горных районах страны, царь счел за благо отступить до подхода подкреплений союзников.

Легкой победы у Филиппа не получилось, до осады городов дело не дошло, но теперь он горел желанием одним мощным ударом пробить брешь в обороне этолийцев на главном направлении, совершить марш-бросок и захватить Ферм, столицу союза, считая, что после этого союз перестанет существовать. У Федора этот план вызывал некоторые вопросы, поскольку кроме Этолии, самого большого полиса, в него входили и многие другие. При необходимости каждый мог выставить дополнительное ополчение, хотя, конечно, по отдельности, они не смогли бы противостоять объединенному натиску армии союзников под командой Филиппа. Но, кроме армии, были и вопросы другого плана. В Этолийский союз, например, входила Фокида с общегреческим святилищем в Дельфах, уже лет семьдесят находившимся под защитой и управлением этолийцев. Нападение македонцев на святыни, вряд ли усилит дружеские отношения к их царю со стороны остальных эллинов, с которыми он пытался заигрывать. Впрочем, Филипп не вчера родился и отлично знал об этом. Подумав, Чайка решил, что македонский царь вряд ли пойдет на их разграбление, даже если ему придется захватить Дельфы силой. Насколько Федор понимал своих союзников, эта война только начиналась. А где она закончится, каждый из союзников представлял по-своему. Так или иначе, начать предстояло с Этолии, у западных границ которой они сейчас находились.

– Пользуясь временным затишьем, Агелай сейчас спешно проводит набор среди народов, что живут на дальнем краю территории союза, – в тон его мыслям вещал Филипп,

водя по карте рукой, – локры озольские, часть акарнанов, амфилохи, доряне, энианы, малияне и этейцы, – все они уже давно называют себя этолиями и живут по указаниям синедриона.

Филипп посмотрел в глаза Федору, сделал паузу и продолжал.

– Их синедрион уже давно принял решение о войне и мира не просит. Зато, узнав о скором подходе войск Ганнибала из Италии, активно ищет союзников на стороне. Мне доносят шпионы, что они почти договорились с Афинами о помощи.

– Сюда может подойти афинский флот? – озадачился Чайка, не ожидавший что это сухопутное столкновение перерастет и в широкомасштабную войну на море.

– Пока не ясно, – ухмыльнулся Филипп, распрямив спину, – купленные мною политики, разжигают спор в афинском совете, пытаюсь убедить остальных, что дружить со мной намного выгоднее, чем воевать. Возможно, флот останется на месте. Но, гарантировать этого пока не могу.

Вновь склонившись над картой, царь резко провел рукой по ней от точки, обозначавшей Страт через половину территорию Этолии, вдоль большого озера, и остановил свой указующий перст у надписи «Ферм».

– Время терять нельзя, – объявил царь, обводя взглядом своих военачальников, – у Агелая сейчас не больше пятнадцати тысяч пехоты, разделенной на две неравные части. Одна, около пяти тысяч пехотинцев рассредоточена неподалеку за рекой Ахелой, чтобы сдерживать нас в случае наступления и дать возможность основной армии подготовиться. Главная армия находится здесь, у озера, на подходе к столице, прикрывая направление основного удара по равнине. Пока этолийский стратег не собрал большого подкрепления, мы ударим внезапно. С прибытием Чайки у нас насчитывается почти тридцать тысяч человек, не считая флота. Этого вполне хватит, чтобы уничтожить противника и не дать ему отойти в горы.

«Столько же у тебя было и раньше, – невольно поймал себя на мысли Федор, – пока ты один их пытался утихомирить».

Филипп расправил плечи и посмотрел на своих военачальников сверху вниз, словно ожидая восхищенных возгласов.

– Мы выступим завтра, – продолжил он, – форсируем Ахелой и разобьем передовой отряд этолийцев.

Услышав о сроках наступления, Федор едва не крикнул.

– Но, моя армия еще не готова, – слабо возразил он, – понадобится, как минимум три дня, чтобы прибыли оставшиеся солдаты из Италии и время, чтобы добраться сюда. Дорога, по которой мы добирались, непригодна для быстрой переброски армии и артиллерии. Это может занять еще несколько дней.

– Именно на это я и сделал расчет, – самодовольно ухмыльнулся Филипп, снисходительно поглядывая на посланца Ганнибала.

Федор в недоумении воззрился на полководца, ожидая продолжения.

– Их разведчики знают о твоём появлении и уверены в том, что я буду ждать полного соединения с твоей армией, а до тех пор не тронусь в путь, – тоном победителя объявил Филипп, – Агелая эта мысль понравится, ему же нужно время собрать ополчение.

Царь македонцев пришел в такой восторг от своей мысли, что даже отдалился от стола с картой и сделал несколько шагов вдоль него, погрузившись в предвкушение скорой победы.

– Мой удар будет внезапным. Мы пробьем заслон этолийцев и начнем терзать армию Агелая, не вступая в генеральное сражение. Хотя и постоянно давая понять, что готовы к нему. Уверен, Агелай постарается уклониться от него, и будет отступать до самой столицы.

– А если он все же пойдет на это сражение? – вставил слово Чайка.

Македонский царь отмахнулся от этих слов, как от неуместных, и продолжал развивать свою мысль.

– Это внезапное наступление даст возможность мне захватить все земли вплоть до

побережья. А когда мы окажемся неподалеку от Ферма, где будут сосредоточены основные силы этолийцев, твоя армия успеет подойти незамеченной, оказавшись в тылу у Агелая.

Видимо уловив выражение крайнего недоумения на лице, – Федор никак не мог себе представить, как именно можно подобраться незамеченным к городу, вокруг которого находятся войска, – Филипп разъяснил.

– Для этого ты пойдешь скрытно, другим путем. Демофонт укажет тебе перевалы, через которые вы сможете быстро преодолеть горы и зайти Агелаю в тыл.

Услышав, что из лагеря есть более удобный путь, чем та убогая тропинка, по которой они пробирались на встречу с македонским царем, Федор немного повеселел. До этого он с трудом представлял, как ему переправить по ней целую армию и артиллерию в сжатые сроки. Каждый поворот этой дороги предоставлял противнику отличную возможность для засады. «Впрочем, что это я, – пожурил сам себя Федор, вспомнив собственный боевой опыт, – я же прошел с Ганнибалом через Альпы, что я теперь сам что ли армию не проведу через эти холмы? Конечно, проведу, учителя у меня были не из худших».

Вспомнив о делах давно минувших дней, Федор ненадолго утерял нить разговора, настолько яркими они были. Ведь тогда Федор Чайка был всего лишь одним из тысяч морпехов Карфагена, отправившихся в поход на Рим. «Много воды утекло, – усилием воли Федор заставил себя встряхнуться, – но, пора и о настоящем подумать».

– Сколько у тебя слонов? – вывел его из задумчивости вопрос царя, внезапно сменившего тему.

– Что? – переспросил Федор, которого все сильнее клонило в сон, – а...десять.

– Десять африканских слонов, – повторил вслух Филипп, словно хотел насладиться каждым словом, – не много, но для одного хорошего удара хватит. Конницы у Агелая нет, однако слоны и сквозь пехоту протопчут мне дорожку.

Сказав это, македонский царь ухмыльнулся от собственной шутки.

– Кровавую дорожку. Этолийцы запомнят надолго, как идти против меня.

Он помолчал еще немного.

– Для усиления твоей армии, на которую будет возложена задача обходного маневра и удара в тыл, я придам тебе конницу под командой Демофонта, – сообщил Филипп, – полторы тысячи всадников. Этого будет достаточно, чтобы у тебя появился быстрый передовой отряд и возможность маневра в бою. Себе я оставляю еще две с половиной тысячи катафрактариев. Имея столько всадников, мы сможем постоянно терзать армию союза и, в конце концов, разорвать ее на части.

– Посланец Ганнибала привел с собой скифов, – вставил слово Демофонт, до той поры хранивший молчание.

«Ох, и любишь же ты их», – чуть не сказал вслух Федор, бросив косой взгляд на Демофонта и едва сдержавшись. Но Филипп, похоже, разделял мнение своего гиппарха⁶.

– Ты привел скифов? – с удивлением переспросил Филипп, – разве царь Иллур уже здесь? Мне сообщали, что его войска лишь недавно покинули Истр, осадив Мессембрию и Апполонию.

– Нет, – отмахнулся Федор от такой перспективы, – царь Иллур все еще там, вероятно. Со мной лишь небольшой отряд его всадников, триста воинов.

И добавил со значением:

– Во главе которых стоит его кровный брат Алексей Ларин.

Филипп нахмурился еще больше, словно имя это было ему известно, но приятных воспоминаний не доставляло.

«Леха что, и этого знает? – не поверил своим глазам Федор, – вот ведь, действительно, везде поспел». Македонский царь ничего больше не говорил, а уточнять, так ли это на самом деле Федор не стал. Вместо этого, начальник экспедиционного корпуса постарался перевести

⁶ Гиппарх – начальник конницы.

разговор в другое русло.

– В моей армии одна пехота, – пояснил он, как бы извиняясь, – а эти триста воинов, все-таки добавляют мне быстроты и возможности для маневра. Кому, как не македонцам, знать, что такое конница.

Он чуть было не сказал «хорошая конница», но не стал терзать больное самолюбие македонцев. Ведь именно их великий предок Александр сделал из вспомогательной конницы главную ударную силу в сражении. Скифы же осознали, что жизнь в степи без коня это не жизнь, так давно, что еще и Александр не родился на свет. Но, Федор был здесь не для того, чтобы устанавливать справедливость и промолчал.

– Ты прав, – неохотно признал Филипп, поглаживая свою бороду в задумчивости, – но, у тебя еще есть флот. И, если что-то пойдет не так, он нам тоже понадобится. Объединив наши корабли с ахейскими, мы сможем блокировать залив и Этолию с моря.

– Если только Афины не придут им на помощь, – не удержался Федор.

– Думаю, до этого не дойдет, – отмахнулся Филипп, – разбив этолийцев на суше, передо мною откроется путь в глубину Греции. А по суше до Аттики совсем недалеко. Так что, жители Афин, скорее всего, проявят благоразумие и предоставят этолийцев мне.

«Ого, – только и подумал Федор, – вон ты куда замахнулся. Царь всея Македонии и Греции. Не торопись. Поживем, увидим, как тут все повернется».

Филипп, между тем, вновь обвел военачальников своим тяжелым взглядом и неожиданно объявил:

– Совет закончен. Завтра утром армия выступает в поход. А ты Федор, отправляйся к себе в лагерь и тоже готовься. Демофонт прибудет к тебе через несколько дней с последними новостями о наших успехах.

«Ну, наконец-то, – выдохнул Федор, у которого уже давно свело желудок от голода, – с этой войной и поест, некогда».

– Сейчас же, по обычаю мы можем отпраздновать этот великий день.

Царь сделал знак и один из военачальников открыл дверь в соседний зал, в котором Федор разглядел огромный стол, ломившийся от всевозможных яств и кувшинов с вином. Издав счастливый вздох, Федор проследовал за всеми, подгоняемый чувством жажды и волчьего голода.

Впрочем, усталость быстро взяла свое. Подняв несколько чаш за здоровье царя и процветание Македонии, и выслушав вдвое меньше ответных тостов, Федор быстро захмелел. Чтобы не заснуть прямо здесь, он отпросился у Филиппа на ночлег и получил разрешение. Сам же царь, позвав наложниц и музыкантов, похоже, собрался пировать до утра.

Чайке предоставили апартаменты в том же особняке, Леху с солдатами хотели отправить в казармы, находившиеся в паре кварталов отсюда. Но, Федор напомнил Филиппу о том, что Ларин представитель царя Иллур. При упоминании этого имени Филипп вновь слегка нахмурился, но зато Лехе тоже нашлось место в особняке. В примыкавшей к дальнему крылу здания пристройке.

Глава пятая

«Два перевала»

Когда кельты с шумом и хохотом закончили выгружаться с кораблей, собравшись на берегу в пеструю толпу, Ларин жестом подозвал к себе Нордмара и приказал не размещаться надолго в лагере.

– Пусть твои люди немного отдохнут, – сообщил он, щурясь от неяркого рассветного солнца, – и выступаем. К вечеру этого дня мы должны быть далеко.

– Мои люди могут и не отдыхать, – ответил на это Нордмар, – если надо, мы готовы выступать хоть сейчас. Плавание на кораблях для нас уже отдых.

Кельтский вождь, облаченный в шкуру, стоял перед Федором, опершись на

исполинский боевой топор, и поблескивал своей золотой торквой. Выглядел он действительно отдохнувшим и Федор решил воспользоваться выносливостью этих солдат. Да и Филипп уже прислал Демофонта с конницей. Так что больше Чайку ничто не удерживало от начала похода в Этолию.

— Ну, раз так, — довольно кивнул Федор, посмотрев на своих военачальников, обступивших его со всех сторон, — тогда покидаем лагерь немедленно. Исмек, готовь своих слонов.

Огромный лагерь, в котором и так жизнь не затихала ни на час, вскоре загудел, как развороченный улей. Первыми его покинула македонская конница и скифы под командой Ларина. До перевалов, которые им предстояло вскоре преодолеть, Федор рассчитывал на конницу, как на авангард и разведчиков, которые смогут предупредить опасность. А может быть, учитывая их численность, даже остановить. Атаки в тыл он пока не ожидал, а потому все кельты и пехота Кумаха, в полном вооружении, спейра за спейрой, покинули лагерь. Где-то среди них находился Летис, которого Федор еще так ни разу и не видел, занятый государственными делами, но обещал себе хотя бы поговорить с другом при первой же возможности.

Следом за африканской пехотой устремился осадный обоз, перевозивший полевую артиллерию, инженеров и землекопов. В арьергарде вышагивали слоны и целая хилиархия морских пехотинцев, прибывших на кораблях. Федор решил побережь свою ударную силу на случай внезапного нападения. Надежды на слонов в этой экспедиции возлагал не только он, но и сам Филипп.

Часть кораблей, в основном грузовые, Федор отправил назад в Италию. Весь военный флот он оставил здесь на случай боевых действий. Лишь из предосторожности разделил его, откомандировав половину судов назад к открытой воде в Аргос Амфилохийский, где они встали на якорь рядом с македонской эскадрой. На большинстве кораблей морпехи остались, хотя их численность и уменьшилась вдвое, поскольку остальных Федор взял с собой в поход. На морпехов, остававшихся на кораблях у лагеря, командующий экспедиционным корпусом возложил и его охрану. Для этих целей он даже разрешил, в крайнем случае, снять баллисты с кораблей. Чайка надеялся, что этого не потребуется, но на войне произойти могло все. Конечно, македонцы давно захватили эти места, но, кто знает, на что пойдет стратег этолийского союза. А этот лагерь стал теперь основной базой армии Федора Чайки и он не мог оставить без надежного прикрытия тыловые коммуникации.

На этот раз путь Чайки лежал гораздо левее того места, где они впервые увидели течение реки Ахелой. Они завернули не так круто, чтобы двигаться в направлении ее истоков, которые находились где-то позади, в Эпирских горах, но и форсировать реку им теперь придется примерно в паре сотен километров выше по течению. Македонская конница быстро оторвалась от основных сил, и полдня от них не было никаких известий. Лишь к вечеру, когда холмы стали переходить в скалистые горы, прибыл гонец от Демофонта. Он сообщил, что оба перевала, через которые армии предстояло пройти вглубь территории Этолии, уже в зоне видимости.

Эта новость порадовала Чайку, но Демофонт пока ничего не сообщал о том, свободны ли эти перевалы от противника и сколько еще до них добираться. Ведь вторжение Филиппа уже началось и первые новости с фронта, привезенные Демофонтом, хоть и были победными, но слегка озадачили Федора, который по-прежнему продолжал получать сведения от собственных шпионов. Если отбросить всю браваду македонцев, то новости были такие. Филипп форсировал Ахелой сразу в нескольких местах согласно своему плану на следующее утро, но был немедленно атакован на одной из переправ этолийской конницей. К счастью собственная конница у него имелась в достаточном количестве, и враг был отброшен.

Не дожидаясь окончания переправы все своей армии, Филипп, которому разведка доложила о солдатах противника, обнаруженных в соседней долине, немедленно отправил вперед авангард из двух тысяч пехотинцев, чтобы расчистить дорогу. Главный путь во

внутренние земли Этолии лежал через эту долину.

Прибыв на место, македонцы столкнулись с ожесточенным сопротивлением этолийцев, встретивших их градом дротиков и камней из пращи, поскольку все склоны были усыпаны заградительными отрядами. Даже просто передвигаться по дороге было опасно. Главные же силы этолийцев, против обыкновения все же выстроили фалангу, перегородив путь. Однако, едва завидев противника, отступили без боя к дальнему концу долины. Македонцы, решив, что враг бежит, пустились в преследование, но настигнув этолийцев в узком месте, угодили в засаду. На них с обеих сторон обрушились пехотинцы почти смешав и без того разрозненный строй. С большим трудом македонцам удалось организованно отступить, оставив на поле боя убитыми больше трехсот человек. Долина осталась за этолийцами.

Филипп пришел в бешенство. К тому моменту разведчики донесли ему о наличии обходных путей по соседним долинам, оставленных этолийцами без присмотра или под небольшой охраной. Закончив переправу, царь сам возглавил конницу и, совершив обходной маневр, окружил, а затем выбил этолийцев из долины, по которой проходила главная дорога. Бой был жаркий, но македонцам удалось опрокинуть и рассеять противника повсеместно. Все, кто не погиб, бежали, а македонская армия устремилась в прорыв, вскоре втянувшись по двум соседним долинам в предгорья у Ахелоя. Пройдя почти сотню километров по этой местности и не встречая больше сопротивления, Филипп почти достиг равнинной части. Но здесь, в последнем ущелье, его вновь ожидала этолийская армия, на сей раз, заблокировав единственную возможную дорогу через перевал.

Согласно последним сообщениям от Демофонта, отправленного после этого к Федору, Филипп должен был уже взять этот перевал и спускаться на равнинную часть Этолии, где уже ничто не сможет его остановить. Узнав об этом, Чайка в лице Демофонта поздравил Филиппа с победами, но про себя подумал, что перевалы еще нужно взять. Стратег этолийцев Агелай прекрасно понимает, чем ему грозит прорыв македонцев на оперативный простор и постарается задержать их там как можно дольше.

«Неизвестно еще, что с нашими перевалами, – озадачился Федор, давая команду на ночлег в предгорьях, – мы до них еще не дошли. А если у Агелая хоть как-то поставлена разведка и он знает о нашем выступлении, то уж догадается, куда мы идем. И попытается преградить путь. Иначе ему придется туго».

Ночевка прошла без приключений, хотя и не очень удобно было разбивать лагерь на склонах гор для такого количества людей и животных, но поход есть поход. Подняв свои войска на рассвете, примерно к полудню они были под перевалами. Македонцы, бывшие здесь раньше, сообщили, что путь свободен.

– Либо я чего-то не понимаю, – пробормотал Федор, разглядывая впереди седловину невысокого перевала и скалистые уступы, покрытые снегом, сквозь которые петляла дорога, – либо этот Агелай не так прозорлив, как я себе представлял, и наше выдвижение осталось для него тайной. Что ж, тем хуже для него и всего этолийского союза. На войне, как на войне.

Первыми на перевал взобрались скифы, приняв его охрану у македонцев, двинувшихся ко второму перевалу. Минуя вместе с пехотинцами Кумаха перевал, Федор невольно залюбовался царившей вокруг красотой. Снег искрился под голубыми небесами, на которых не было ни облачка. День выдался ясный. И, хотя для скрытного продвижения Федор предпочел бы непогоду, укрывшую их низкой облачностью, он против воли радовался этой красоте.

– Если эти этолийцы и второй перевал не перекроют, – поделился с ним своими мыслями Кумах, – то мы так беспрепятственно дойдем и до Ферма.

– Твои слова да богам в уши, – усмехнулся Федор и сам слегка озадаченный бездействием этолийцев.

Возможно, Филипп своим мощным наступлением действительно связал все их главные силы в одном месте, и стратег союза решил не расплываться на два фронта. Либо он вообще еще не знал о втором фронте. И такое было возможно. Хотя и удивляло Федора, – как можно

не знать свои горы? Да этолийцы здесь каждую лазейку должны были знать и перекрыть заблаговременно, ведь информация о прибытии войска Карфагена у них точно была. «Не настолько же они глупые, чтобы дать нам соединить армии и ожидать победы в открытом бою», – размышлял Федор, ехавший на коне впереди пехотинцев Кумаха и рядом с ним самим, также восседавшим на лошади.

Когда путь их пошел вниз, он все пристальнее присматривался к тому, что творилось на втором перевале и дороге, ведущей к нему. Но, это было не так просто, поскольку путь уходил глубоко вниз, в безжизненную долину, где петлял среди камней. И все же Федор смог рассмотреть отряд скифов, скакавших впереди. Впрочем, скоро они скрылись за поворотом, исчезнув из виду. Одной из особенностей этой долины был ее крутой изгиб, который начинался в самой середине, сразу за скалой выступавшей слева и нависавшей над дорогой. Чайка с подозрением покосился на эту скалу, место было удобное для того, чтобы обстрелять отряд или спустить на проходивших по дороге камнепад. Деваться им было все равно некуда. Однако, по этому пути без потерь уже проехали все македонцы, а за ними и скифы, что вселяло в Федора некоторую уверенность. И все же...

Едва он миновал ту скалу, и колонна пехотинцев стала изгибаться, словно коричневая змея, как за его спиной раздался грохот и свист от падающих камней. Скала задрожала, несколько огромных валунов, прокатившись по ее склону, сорвались вниз и рухнули на головы несчастным пехотинцам, мгновенно превратив их в кровавую лепешку. Федор осадил коня и сделал знак остальным пехотинцам прекратить движение, ожидая новых обвалов и стараясь не обращать внимания на стоны раненных.

– Лучники к бою! – раздался рядом окрик Кумаха.

Несколько шеренг солдат сдернуло луки, развернувшись в сторону скалы и присев на колено. Другие выполнили этот маневр стоя. Но, команды пускать стрелы не последовало. Кумах медлил. Федор тоже напряженно вглядывался в навешенные скалы. Поначалу он решил, что этолийцы решили отсечь конницу от пехоты и разбить их поодиночке. Однако, образовавшаяся насыпь была не настолько велика, чтобы полностью остановить продвижение войска. Нужно было спустить еще, как минимум два или три таких оползня, чтобы перегородить долину на достаточно длительный срок. Но, ни нового камнепада, ни атаки солдат противника не последовало. Чайка вообще не заметил наверху никакого движения. Колонна пехотинцев так и застыла, разорванная в одном месте этим нелепым камнепадом, придавившим, по меньшей мере, человек пятьдесят.

– Что думаешь? – спросил Федор у подъехавшего командира африканцев, не отрывая взгляда от скалы.

– Не знаю, – честно признался тот, – было похоже на атаку.

– Вот и я не верю, что ни упали сами собой, – кивнул Федор, прикрывая глаза ладонью от солнца, чтобы получше рассмотреть вершину скалы, – однако, больше нет никакого движения. Разве, что боги помогли в этот раз этолийцам.

– Ну, – усмехнулся Кумах, – если это все, на что способны греческие боги, то этолийцев их заступничество не спасет. Мы с ними быстро расправимся.

Остановившаяся колонна простояла на месте минут двадцать, но ничего больше не произошло, и Федор, приказав убрать раненых и убитых с дороги, решил двигаться дальше. С осторожностью африканская пехота миновала этот изгиб долины, и втянулась на предперевальный взлет. Закинув щиты за спину, солдаты с трудом переставляли ноги в кожаных сандалиях по слегка притоптанной каменной насыпи, служившей здесь дорогой. Когда они были уже на полпути к перевалу, Федор оглянулся назад и заметил слонов. Огромные животные двигались друг за другом, управляемые опытными погонщиками. Кроме погонщиков, слоны несли еще «полезную нагрузку», – в походном строю у каждого на спине был приторочен какой-то тюк. Оружие или части разобранных баллист, не поместившиеся на телеги. Там же мелькали и повозки с артиллерией. Подтягивался осадный обоз.

Вскоре навстречу Чайке прискакал, выбивая искры из камней, небольшой отряд скифов

с посланием от кровного брата Иллур. Второй перевал тоже был свободен. Македонцы уже отправились вниз, чтобы еще сегодня успеть проверить брод. Река Ахелой находилась, если Федор правильно помнил карту, совсем недалеко от второго перевала. В конце длинного извилистого спуска.

– Ушам своим не верю, – произнес Федор, поправляя шлем на голове, и усмехаясь, – путь свободен. Неужели боги так сильно любят нас, что решили даровать победу даже без боя?

– Может и так, – кивнул ему Кумак, осматривая окрестные скалы, – во всяком случае, когда войско переправиться на другой берег больших преград на нашем пути уже не будет. Если только мы не решим перенести войну с равнины опять в горы.

– В любом случае, ночевать сегодня мы уже будем у переправы, – проговорил довольный Федор, и, обернувшись назад, добавил, сделав широкий жест рукой, – эти горы останутся позади. А дальше нас ждет равнина. И горе Агелая, если он так глуп, что не попытался нас остановить.

Чайка был рад известию, но по давней привычке не делить заранее шкуру неубитого медведя решил немного подождать с празднованием. «Вот разобьем армию Агелая, возьмем Ферм, пустим на дно моря флот этолийцев, – рассуждал он, после небольшой передышки вновь взбираясь на коня, – вот тогда и попируем с Филиппом, он это дело любит, да и я не откажусь».

Однако, несмотря на то, что последний перевал, одеявший их от долгожданной долины, они прошли абсолютно свободно, что-то не позволяло Чайке поверить в окончательную глупость этолийского стратега. Судя по прежним донесениям, армия у него была, конечно, не из самых лучших и дисциплина хромала, но это не мешало ему прежде отбить все атаки Филиппа. Македонский царь, несмотря на все свою мощь и опыт, не смог в одиночку одолеть это «ополчение крестьян», как он его презрительно называл. Факт, впрочем, оставался фактом. Агелай наверняка знал, что в Акарнании высадилась армия Карфагена, и должен был перекрыть перевалы заблаговременно, как он это сделал на главном направлении. Пробился ли Филипп на равнину, до сих пор было неизвестно. Гонцам ехать в обход было далековато, быстрее было наладить связь, уже спустившись в долину. Но, связь сейчас не слишком волновала Федора, – план наступления был обсужден заранее, и каждая из армий имела свою задачу.

Покачиваясь в седле, Федор наблюдал, как его колонна петляла между скалистых отрогов, спускаясь к реке. Вокруг быстро темнело. Перевалы располагались довольно близко друг к другу, и все же одного дня было мало, чтобы спокойно миновать их. Чайка решился на переход сквозь второй, чтобы не ночевать в долине, где их могли запереть. Сумерки почти превратились в ночной мрак, когда слоны преодолели седловину, а обоз растянулся по обе части перевала. Федору пришлось продолжить движение, не зажигая огней, хотя это было и опасно. Враг мог оказаться поблизости.

Македонцы, которыми командовал Демофонт, вели себя так независимо, словно были отдельной армией, хотя и подчинялись в этом походе Федору. На этот раз Демофонт тоже увел своих людей вперед и, пользуясь тем, что день еще не окончился, беспрепятственно переправился на другую сторону, благо броды он знал. Скифы, шедшие следом, остановились на этом берегу, чтобы подождать основную колону.

Прибыв уже затемно к берегу реки Ахелой, оказавшейся на первый взгляд в этом течении более широкой и глубокой, Федор был вынужден заночевать там, где остановился. В узком ущелье, над которым со всех сторон нависали скалы. Его армия, передовой отряд которой скупился у воды, растянулась на несколько километров почти до самого предперевального взлета.

– Место для ночевки не лучшее, – сообщил Федор, собравшимся на берегу военачальникам, – но, выбирать не приходится. Кумак, выставь мощную охрану здесь у реки и вдоль осадного обоза. Пусть телеги выстроят так, чтобы было удобней защищаться от нападения. Солдаты пусть спят вполглаза. Костров не разводите. Пищу готовить можно,

лишь как рассветет. После того и начнем переправу. Броды нам известны. Македонцы с той стороны прикроют нас от всяких неожиданностей.

Последние слова Федор сказал не очень уверенным тоном, поскольку и сам не был убежден, что македонцы ведут себя осмотрительно. Но выбора у него не было, поэтому оставалось сделать то, что зависело только от него. Он так и сделал. Получив приказ, Кумах, Исмек и Бейда, разошлись по своим местам, исполняя волю командования.

После долгого перехода армия должна была хорошо отдохнуть и поесть, но Федор решил отложить трапезу до рассвета. В противном случае вся дорога к перевалу покроется кострами, и это феерическое зрелище будет видно отовсюду. А Чайка предпочитал, чтобы противник, как можно позднее смог лицезреть всю его армию. Однако, не успели его уставшие и голодные солдаты устроиться на ночлег среди камней, как Федор сам заметил множество костров на другой стороне реки. Это македонцы спокойно готовили себе ужин, ничуть не заботясь о маскировке.

– Этот Демофонт решил неверное, что они невидимы, – проговорил Леха, приближаясь к шатру главнокомандующего, разбитого в сотне метров от пологого берега.

– Или, что бояться больше нечего, – ответил Федор, стоявший у входа в ожидании начальника скифов, с которым хотел обсудить план утренней переправы.

– Мои разведчики видели несколько человек на склонах гор, – ответил на это Ларин.

– С этой стороны реки? – напрягся Федор, напряженно всматриваясь в мигающие огни костров, с которыми он уже ничего не мог поделать.

– И здесь и там, – пояснил Леха, постукивая плеткой по своим мягким кожаным сапогам, – перевалы они почему-то не закрыли, но за нами наблюдают, командир.

– Значит, все-таки не боги, – пробормотал Федор себе под нос, вспомнив о камнепаде в долине.

– Ты о чем, командир? – не понял его Леха.

Но, Чайка ответить не успел. На другом берегу раздался грохот падающих камней и душераздирающие крики огласили долину реки Ахелой. Несколько костров погасло, а много других заволокло пылью.

– Да вот об этом, – просто ответил Федор, – сегодня днем такая скала рухнула в долине на моих пехотинцев. Меня чудом не зацепило.

Услышав грохот и крики на другом берегу, солдаты в лагере на этой стороне реки позабыли по сон и схватились за оружие. Выхватив мечи, они сгруппировались у платок, ожидая нападения, но здесь пока все было тихо. Зато с той стороны водной преграды вслед за камнепадом поднялась невообразимая суматоха. Не успела пыль опуститься на камни, как Федор увидел мечущиеся тени и звон оружия. Там сражались конные и пешие.

– Похоже, наш друг Демофонт атакован, – заметил на это спокойно Ларин, и уточнил, сжимая плетку, – что будешь делать?

– Подожду некоторое время, – спокойно ответил Федор, – раз у него хватило ума развести костры ночью у переправы на вражеской территории, значит, хватит ума и отбиться. Сил у него достаточно. Не думаю, что на него напала вся армия этолийцев. Ну, а если что пойдет не так, поможем. Хотя соваться ночью вброд я не хочу.

Ларин одобритительно кивнул, ведь именно он отвечал за разведку брода через Ахелой.

– Пожалуй, ты прав. Вода доходит лошадям до брюха, а пешим почти по грудь будет. Если кого снесет на глубину, ночью половина просто утонет.

Поэтому они, молча, продолжили созерцать драку на другом берегу, которая, как и предвидел Федор, вскоре прекратилась. Ожесточенная схватка закончилась победой македонцев, вытеснивших этолийцев с берега или полностью уничтоживших этот отряд, рискнувший, наконец, атаковать авангард армии Федора. Шум на том берегу прекратился, но костров больше никто не зажигал.

– Думаю, Демофонт теперь до рассвета не сомкнет глаз, ожидая повторения атаки, – рассудил Федор, – ну, а нам, приняв меры предосторожности, можно и поспать. Утро уже скоро.

– Ты уверен? – на всякий случай уточнил Ларин.

– Уверен, – ответил Чайка, к которому только что прибыло двое посыльных из дальнего конца колонны, – осадный обоз никто не атакует, охрана выставлена. Сотне твоих бойцов приказываю патрулировать растянувшийся фронт армии, на случай возможного нападения. Остальным спать. Если что случится, мы услышим это немедленно. А если нет, завтра утром нас обязательно попытаются атаковать снова. Так что, вздремнуть надо по любому. День был тяжелым.

Леха не стал больше спорить. Отправившись к расположению скифов, он немедленно отрядил сотню бойцов в караул, а сам лег спать прямо на камни, подстелив под себя лишь теплый плащ.

Остаток ночи пошел спокойно и с рассветом берег покрылся огнями, – кашевары готовили еду, чтобы накормить утомленных солдат перед новым днем пути. Пока солдаты насыщались и отдыхали, Чайка получил доклады от командиров о том, как прошла ночь, и посматривал на другой берег, где македонцы собирали лагерь. Ночной бой, похоже, выдался жестоким. Чайка разглядел, как бойцы Демофонта переносят убитых в сторону. Их счет шел на десятки. Он заметил так же, как большой отряд, человек триста катафрактариев, устремился в ущелье на разведку. Демофонт больше не хотел неожиданных нападений, которые, к счастью этой ночью не повторились. Остальное войско оставалось на берегу, ожидая начала переправы карфагенян, не торопившихся выступить. Этолийцев было не видно.

– Ну, пожалуй, пора и нам за дело, – решил Федор, перекусив горячей похлебкой и копченым мясом вместе со своими солдатами.

Он подозвал Ларина и приказал.

– Выступай первым. Отправишь вперед сотню солдат, остальные останутся здесь до окончания переправы. Покажешь где брод. За тобой двинется пехота, слоны и обоз. Те, кто выйдет на другой берег, сразу же двигаются дальше за македонцами. Разведаете обстановку на другой стороне и сообщишь мне, если от Демофонта новостей долго не будет. Я переправлюсь последним.

– Ясно, командир, – кивнул Ларин и, хлестнув коня, поскакал к воде.

Вскоре первые воины в чешуйчатых панцирях, с притороченными к седлу луками и колчанами стрел, поглядывая по сторонам, устремили своих коней в бурный поток. Вода действительно доходила коням почти до брюха. Скифы вошли в нее двумя отрядами, метрах в двадцати друг от друга, указывая два возможных пути по каменистому дну реки.

Река на утро показалась Федору еще шире, чем вчера. Первые всадники едва успели достичь противоположного берега, над которым нависали поросшие лесом скалы, а последние скифы еще были на середине реки. Вслед за ними, ощупывая дно, в воду вошли первые пехотинцы копейщики. Держась по двое, а то и по трое, поддерживая друг друга против силы течения, они стали переправляться на другую сторону. Осмотрев еще вечером пологие берега реки, Федор решил не задерживаться здесь для постройки наплавных мостов, хотя инженеры и рабочие для этого у него в обозе имелись. Решил форсировать эту водную преграду с ходу. Не такой уж опасной она здесь была. Однако река, – не мощеная дорога, скорость передвижения армии резко снизилась. Кроме того, Федор с опаской посматривал на безмолвные пока скалы, ожидая всего.

Когда солнце прошло зенит, на другой берег беспрепятственно переправилась почти половина его воинов. В воду втянулся осадный обоз, впереди которого шли слоны. Огромные животные фыркали, поднимая фонтаны брызг и поблескивая медным кольцами, которыми были окованы их бивни. На спине каждого находилась сейчас боевая башня, в которую Федор приказал на время переправы посадить лучников и копейщиков. Река широкая, мало ли что могло произойти.

Повозки с разобранной артиллерией, казавшиеся на берегу неподъемными, здесь то и дело всплывали. Коварное течение пыталось утащить их вниз по реке. И солдатам приходилось постоянно бороться с течением, возвращая повозки назад, чтобы армия не

осталась без баллист.

К этому времени с другого берега «приплыл», – Федр не рискнул бы сказать, что он прискакал, – гонец от Демофонта с сообщением, что македонцы в конце прилегающей к реке долины натолкнулись на засаду из пехотных соединений этолийцев и приняли бой. О том, кто победил, гонец ничего не сообщал. Но, раз Демофонт не просил помощи, значит, собирался справиться своими силами.

– Передай Демофонту, – наказал он гонцу, даже несколько успокоенный тем, что противник, наконец, пусть и с опозданием, но проявил себя, – как только армия переправится, сразу же двинемся следом за ним. Так что он вскоре может рассчитывать на подкрепления.

Гонец направил коня в воду и вскоре затерялся среди массы пехотинцев, слонов и повозок, запрудивших течение реки Ахелой. Когда большая часть армии была уже на том берегу, но шесть слонов и обоз еще плескались в воде, из-за поворота показалась большая флотилия лодок. Наблюдавший за переправой с прибрежного холма Федор разглядел, что среди них было пять бирем, груженных солдатами. Остальные плавсредства напоминали с виду простые рыбацкие лодки, в которых разместились лучники и копейщики.

– Ну, вот и к нам гости, – наигранно обрадовался Федор, понимая, что сейчас его армия в самом невыгодном положении, чтобы отражать атаку с воды. В глубине души он давно ждал чего-то подобного, но все же надеялся что успеет переправить всех до появления противника. Не успел.

Жестом Чайка подозвал к себе сотника скифов, остававшихся на этом берегу и указав на быстро приближавшиеся лодки, отдал приказ.

– Как только подойдут ближе, ты должен осыпать их стрелами. Только своих не побей. Если понадобится, можешь пустить людей в воду.

Сотник тряхнул бородой и ускакал. А вдоль берега вскоре выстроилась цепочка конных скифов, изготовивших луки для стрельбы. Пехотинцы, которым подходила очередь вступать в воду, остановились, заметив приближавшегося противника. Но, в этот момент с перевала послышались крики. Обернувшись, Федор заметил конный отряд этолийцев, появившийся со стороны перевала.

– Зажали с двух сторон, – подумал он вслух, пытаясь сосчитать всадников, стремительно приближавшихся к хвосту обоза, еще не успевшего войти в воду, – ну, ничего, отобьемся.

Всадников было человек сто, не больше, но Чайка подумал, что разведка Филиппа не слишком точно оценила количество этолийской конницы. Либо против него бросили недавно сформированный резерв. Правда за ними виднелись и пехотинцы, – легковооруженные солдаты, с криками бежавшие вслед за атакующей конницей. Сколько их спустилось с перевала, пока было не ясно.

К счастью, на этом берегу у Чайки оставалось еще почти восемьсот пехотинцев из последней хилиархии, что прикрывала обоз с тыла. И двести скифов. С такими силами он рассчитывал в этом узком ущелье остановить врага, сколь бы силен он ни был. Место позволяло. Однако, удар с суши и моря был одновременным. На реке лодки с этолийцами также стремительно приближались к медленно дрейфующему поперек течения обозу. С них же начался обстрел беспомощных пехотинцев, которым пришлось прятаться за повозками. К несчастью лучников в воде было мало, в основном копейщики. Время для удара противник выбрал идеально, решив видимо наверстать упущенное время.

– Ай да Агелай, – похвалил его маневр Чайка, наблюдая за действиями пехотинцев Кумаха, которые уже выстраивались поперек узкой долины, чтобы встретить конницу этолийцев, – молодец. Ну да ничего, и не таких видали. Сил у меня, похоже, все-таки больше.

Конница врубилась в ряды африканских пехотинцев почти одновременно с тем, как корпус первой биремы врезался килем в повозку, опрокинув ее. Чайка наблюдал за сражением сразу на двух фронтах, то и дело посылая указания командирам, хотя они и без

того свое дело знали.

На воде его солдаты все же были в более невыгодном положении. Конечно, скифы встретили приближавшиеся лодки этолийцев градом стрел, но те, прикрываясь щитами с небольшими потерям быстро достигли места переправы. Здесь они обрушились на обоз, уничтожая артиллерию и охранение из пехотинцев по всей ширине реки. На глазах Чайки несколько массивных лодок столкнулось с повозками, перевернув или повредив их своими киями. А видневшихся из воды солдат, либо просто давили, либо расстреливали в упор лучники или добивали длинными копьями копьеносцы. Пехотинцы Кумаха проявляли чудеса храбрости, уворачиваясь и, умудряясь давать отпор из воды. Федор видел, как они закололи и сбросили вниз много легковооруженных этолийцев. В двух местах им даже удалось взобраться с телег на лодки и захватить их, перебив всех этолийцев. И все же потери от первого удара были ощутимые. Проскочив первый ряд, лодки атаковали второй. И здесь ситуация повторилась. Особенно большой урон наносили массивные биремы с высоким бортом, которые давили телеги как скорлупки. На них было много солдат, прикрывавшихся щитами и почти недоступных для ударов снизу.

Когда строй на переправе смешался, скифский военачальник бросил сотню своих солдат в воду. Воины в панцирях смогли настичь несколько лодок, занятых в сражении, и атаковали их своими длинными копьями. Такого Федор еще не видел, чтобы всадники воевали против кораблей. Однако скифы умудрились на мелководье перехватить пять небольших лодок, проходивших ближе всего к этому берегу и перебить всех, кто на них находился, копьями или стрелами.

– Вот это да, – восхитился Федор умению скифов, – просто, молодцы. И на суше и на море от них есть толк. Интересно, как там дела у македонцев с их хваленной конницей.

Однако следующий этап сражения заставил его позабыть про скифов, которые и с другого берега попытались проделать то же самое. Ларин, уже вернувшийся из небольшого разведывательного рейда, лично повел скифов в воду, где под его командой они уничтожили еще три небольших лодки.

На самой середине реки, куда не всегда доставали стрелы, две биремы этолийцев атаковали слона. Одна на полном ходу врезалась в животное, со спины которого отстреливались лучники. В воде слон был не так поворотлив и, увернувшись по приказу погонщика от одной биремы, подставил бок под удар другой. Небольшой, но достаточно массивный корабль, на борту которого находился человек восемьдесят этолийцев, с разгону наскочил на животное и ударил его своим высоким носом в бок, свалив в воду. Все, кто был на нем, полетели в волны реки. Слон взревел так, что его было слышно на обоих берегах, пытаясь подняться, но с высокого борта биремы его тут же постарались добить. Десяток длинных копий вонзился в незащищенное брюхо слона, а лучники били в упор, стараясь попасть в глаз. Вода окрасилась кровью обреченного животного, а окрестности огласились победными воплями этолийцев.

С языка Федора, в бессильной злобе наблюдавшего за этим избиением собственной армии, слетали только проклятия. Потеря слона, еще не принявшего участия ни в одном сражении, это был серьезный удар. Но этолийцы, похоже, вознамерились удвоить успех. Проредив первую линию из переправлявшихся солдат и повозок, одни вскоре достигли второй. Но здесь все солдаты обоза и даже слоны успели подготовиться к бою. Когда бирема, смертельно ранившая одного слона, устремилась на другого, погонщик был готов. Более того, он действовал вместе с еще одним погонщиком в паре. Два слона, развернувшись, ждали нападения. И, когда, после перестрелки лучников, бирема устремилась на таран к ближайшему животному, стремясь повторить маневр, слон увернулся и, взревев, ударил ее бивнями в борт у самого носа.

То, что произошло в следующие мгновения, удивило даже Чайку, не раз видевшего сражения с участием слонов. Африканский исполин, подцепил бирему бивнями, приподнял ее над водой и опрокинул на бок. Обескураженные солдаты этолийцев полетели в воду. В этот момент второй слон атаковал опрокинутую бирему и, растоптав тех, кто был в воде,

разметал солдат противника, цеплявшихся за опрокинутое судно. Он в ярости вращал бивнями, разрывая на части и раскидывая по воде изувеченные тела этолийских пехотинцев, попадавших на его пути. А с его башни лучинки и копейщики довершали разгром команды биремы. Подоспевшие пехотинцы из охранения обоза быстро добились тех, кто пытался выбраться из-под удара бивней и копыт двух разъяренных слонов.

Однако это была единственная крупная «морская» победа. Остальным биремам удалось уйти, пробив себе путь сквозь вторую линию, нанеся ощутимый ущерб артиллерии. Утешало Федора только то, что и его солдаты смогли оказать сопротивление в столь невыгодном положении, уничтожив с десяток мелких лодок и даже одну бирему. Главной потерей был, конечно, слон. Его раны были столь большими, что Федор уже не сомневался, что тот не выживет. Хотя погонщики и пытались заставить его подняться, но слон бесформенной тушей лежал на мелководе, слабо подергивая конечностями.

К тому моменту, как скоротечный морской бой подходил к своему концу, драка на суше только разгоралась. Легкая конница этолийцев, попытавшись с ходу опрокинуть охранение обоза, врзалась в плотные ряды тяжеловооруженных и хорошо организованных пехотинцев. К счастью, это были не новобранцы. Таких Федор с собой вообще не взял в эту кампанию. Эти опытные африканские воины видели на своем веку немало врагов и с честью выдержали удар. Конница, потеснив несколько первых шеренг, вскоре увязла в них, не имея возможности продвинуться дальше.

Да и доспехи этолийцев оставляли желать лучшего. Копейщики из первых шеренг легко поражали всадников, пробивая их своими копьями. Вскоре Федор, переместивший теперь все свое внимание на сушу, заметил как один исполинского роста воин, отбив щитом удар этолийского копья, ответным ударом фалькаты отсек державшую ее руку. А затем и вовсе сбросил обреченного всадника с коня, едва не повалив саму лошадь. Это произошло после того, когда всадники этолийцев прорвались в середину строя, оставив за спиной разорванные шеренги копейщиков.

Что-то до боли знакомое привиделось Федору в умении этого бойца драться. Он стоял впереди своей спейры и лихо размахивал фалькатой, вселяя ужас во врагов и смелость в своих солдат. Спустя мгновение, Федор уже не сомневался. Это был Летис, сокрушительным ударом ссадивший с коня еще одного легковооруженного всадника. Спустя полчаса такой битвы, атака конницы полностью захлебнулась. Потеряв больше половины своих воинов, разбитые остатки этолийских всадников отступили за порядки своей пехоты.

Воодушевленные успехом товарищей по оружию на воде, этолийские пехотинцы теперь сошлись в бою с пехотой карфагенян. На сей раз это были тоже тяжеловооруженные гоплиты, но удача была на стороне солдат Кумаха. Опрокинув конницу, они перешли в наступление. Их удар был столь мощным, что вскоре нападавшие этолийцы вынуждены были отступить в сторону перевала. Отбив нападение Чайка не отдал приказа остановить преследование, которое могло затянуться. Он жаждал отмщения за потери, понесенные на переправе, ведь на суше он мог добиться большего.

Так и случилось. Неполная хилиархия, в которой служил Летис, при поддержке скифов теснила противника до самого перевала и там разбила его окончательно, рассеяв и обратив в бегство. Благо, атакующий отряд этолийцев был лишь немногим больше по численности оставшегося на берегу охранения обоза. Но, в бою это превосходство быстро растаяло. Африканцы дрались успешней, усеяв всю долину трупами этолийских гоплитов, надеявшихся прижать к реке и уничтожить оставшихся на этом берегу солдат. Но, не вышло.

– Уничтожить всех, кого сумеете догнать, – приказал Федор, когда к нему прибыл гонец с донесением, что противник показал спину, – этим также займутся скифы.

Бегущего в беспорядке противника скифские всадники преследовали до самого перевала, нанизывая на свои длинные копья и поражая стрелами в спину. Уйти смогли лишь немногие конные воины, а пехота полегла полностью. Первое сражение с этолийцами состоялось. Нельзя сказать, чтобы Федор был доволен всеми его результатами, но полная

победа на суше хоть немного подняла ему настроение.

– Теперь нас хотя бы никто не атакует в спину, пока будем переправляться, – проговорил он себе под нос, глядя как победившая хилиархия организованным строем возвращается к реке, – все на ту сторону, а то уже скоро настанет вечер. Задержались мы здесь.

Когда он сам въехал в воду на коне в числе последних, покидавших берег, его негромко окликнул знакомый голос. Обернувшись, Чайка заметил изможденного, но довольного Летиса, рассекавшего воду, словно волнолом впереди своих солдат. Шлем его был немного сдвинут на затылок, а со лба струился пот. На доспехах виднелось несколько свежих отметин от ударов этолийского копья и меча. Но в целом здоровяк выглядел таким, каким Федор и привык его видеть.

– Приветствую нашего командующего, – не слишком громко, чтобы не быть фамильярным проговорил Летис, ухмыльнувшись.

– И я рад тебя видеть, – ответил Федор, подъезжая чуть ближе, – извини, раньше не было возможности с тобой поговорить. Да и сейчас не лучший момент.

– Ничего, – кивнул Летис, – война длинная. Еще успеем.

Сделав еще несколько шагов по каменистому дну, он спросил.

– Это ты меня сюда вытянул? Я как узнал, кто командует походом, сразу заподозрил.

На этот раз кивнул Федор.

– Союзников у нас теперь много, но мне нужны свои надежные люди в этом походе, на которых я могу положиться всегда.

– Ну, – не упустил случая похвалиться Летис, – на мою спейру ты можешь положиться. Да и на всю хилиархию тоже.

– Я видел, как вы сражались, – похвалил его в свою очередь Федор, вызвав у Летиса прилив законной гордости, – словно львы. И конница вам не страшна.

– Это верно, – отозвался Летис, – бойцы у меня, что надо. Так что, если подвернется какое-нибудь особенно опасное предприятие, посылай нас. Не прогадаешь.

– Учту, – Федор невольно усмехнулся.

За то время что они не виделись, его друг ничуть не изменился.

Вскоре показался противоположный берег реки Ахелой и друзья расстались. Чайка подъехал к ожидавшим его Кумаху и Ларину, а Летис проследовал со своей хилиархией вперед. Этот долгий день подходил к концу, и нужно было решать, что делать дальше.

Глава шестая

«По равнинам»

Переправившись на другой берег, командующий экспедиционного корпуса, выслушал доклады от своих командиров о потерях и оценил ущерб, нанесенный внезапной атакой этолийцев на арьергард и растянувшийся по реке обоз. Горевать было о чем.

Этолийские лодки, уже давно скрывшиеся за излучиной реки, уничтожили почти полностью шесть баллист и еще пять лишили важных деталей, уплывших вслед за ними по течению. Солдаты из последних сил обшаривали дно в поисках балок и упоров, но смогли к вечеру «укомплектовать» лишь три баллисты из разбитых. Две остальные продолжили путь в виде запчастей. Начальник осадного обоза был в ярости и просил у Федора разрешения лично казнить этолийцев, которых удалось захватить в плен. Их вытащили на берег охранники обоза и скифы, чудом не растерзав на месте.

– Позволь, я убью этих ублюдков? – наседа на Федора смуглолицый ливиец, хватаясь за подвешенную к широкому поясу фалькату, – они превратили в дрова почти четверть моих орудий, которые не сделали еще ни одного выстрела.

– Остынь, – приказал ему Чайка, – это я виноват. Не предусмотрел нападения по воде.

А когда Бейда все же перестал сжимать резную рукоять смертоносного оружия, добавил.

– Потеря баллист радует меня не больше, чем тебя. Но это война. И мы потеряли всего лишь орудия. Оставшихся орудий нам хватит, чтобы разгромить врага. А, кроме того, у тебя есть толковые инженеры. Они отремонтируют орудия при первой же возможности. Ты лучше скажи, сколько людей погибло?

– Почти двести человек. Из тех, кого мы недосчитались мертвыми. Еще восьмерых мы не можем найти, наверное, они утонули. Унесло течением.

Отчитавшись, Бейда немного успокоился и отошел к обозу, пробормотав что-то нечленораздельное. Федор не разобрал его слова, но решил, что ливиец все еще насыщает гнев богов на головы этолийцев. Его можно было понять. Бейда любил свои орудия с самозабвением настоящего артиллериста. Похоже, даже больше чем людей, которые стреляли из этих орудий. Но, напоминание об инженерах сыграло свою роль. Под его началом действительно находилось немало мастеров, способных восстановить огневую мощь небольшой армии до прежнего уровня.

Следом пришла очередь жаловаться на немилость богов главного погонщика слонов. Широкоплечий Мазик, в отличие от Бейды, был молчалив, но горе от потери животного было написано на его непроницаемом лице.

– Было не спасти? – спросил Федор, посмотрев на тушу слона, которую дотащили до берега с помощью нескольких лошадей. Мертвый слон лежал, уткнувшись бивнями в каменистое дно, а вокруг него толпились солдаты, казавшиеся на его фоне лилипутами.

Мазик отрицательно мотнул головой.

– В него вогнали десять копий. А сколько стрел я и не считал. Но, если бы не удар корабля, повредивший ему ногу и ребра, он смог бы защищаться и выжил.

– Ясно, – только и сказал Чайка, закончив с сантиментами.

Слона, конечно, было тоже жаль, но без потерь на войне не обойдешься. И Мазик это понимал как никто другой. Он терял уже не первого слона на войне. По обычаю мертвое животное полагалось разделить на мясо и бивни. Это было лучше, чем оставлять на съедение местным хищникам. И он отправился выполнять свой долг, пока не стемнело. «У солдат сегодня будет отличный ужин», – криво усмехнувшись, подумал Федор.

Последним отчитался Кумах, люди которого понесли главные потери. В сражении с этолийской конницей и пехотой он потерял мертвыми без малого три сотни, но при этом уничтожил почти втрое больше солдат противника. В общем, если бы не баллисты и слон, это сражение у переправы можно было бы считать победой. Не давало покоя Чайке только то, что этолийцы умудрились зайти к нему в тыл и так точно рассчитали время удара, сумев нанести максимальный урон. Однако их прозорливость сводилась на нет гораздо худшим обучением и вооружением войск. Легкая конница была быстрой, но не обладала нужной пробивной способностью. Из нападавших только пехота была снабжена тяжелыми доспехами, но и это ее не спасло. Африканцы Кумаха разгромили почти такой же по численности отряд этолийцев, полностью его уничтожив.

– Ладно, – подвел итог Федор, отпуская Кумаха, – побеседую с пленными и в путь. Ночевать мы будем не здесь.

Но, едва командир африканцев сделал шаг в сторону, как Чайка остановил его новым приказом.

– Я видел, как дралась твоя хилиархия. Та, что защищала тылы. Они молодцы. Думаю, стоит пока ее оставить в конце колонны. Не хочу утром оказаться перед лицом новых сил противника, которые будут дышать мне в спину.

– Это вторая хилиархия. Я поставлю их в конце колонны, пополнив солдатами из шестой, – кивнул в ответ на слова Федора Кумах, – думаю, так будет надежнее, если нам в затылок дышат преследователи.

– Не уверен, – проговорил Федор, – скифская разведка вернулась к первому перевалу и не обнаружила там никого. Возможно, мы уничтожили весь отряд, который этолийцы послали нас остановить. Но пока оставим все так. Иди к солдатам. А я пойду, узнаю подробности у пленников.

Отпустив Мазику, Федор приблизился к этолийским пленникам в сопровождении пятерых бойцов, которых временно назначил своими охранниками. Они следовали за ним, словно безмолвные тени из царства мертвых. Пленных было семеро. Трое из них были гоплитами, оружие у которых давно отобрали, а четверо избитых и окровавленных солдат походили на легковооруженных воинов. Не то лучников, не то копейщиков. А, может быть, даже выполняли роль гребцов на затонувшей посередине реки биреме. Пленников сволокли к большому камню у скалы, связали им руки и ноги крепкими веревками, оставив под охраной десятка тяжеловооруженных пехотинцев. Неподалеку гарцевали на конях скифы. Так что сбежать у пленных этолийцев, затравленно озиравшихся по сторонам, шансов не было.

Приблизившись, Чайка остановился, смерил всех пленников пронзительным взглядом, и произнес.

– Того, кто расскажет мне что-нибудь интересное о планах вашего стратега, я пощажу. Все остальных нет. Пленные мне не нужны. Времени у меня мало. Поэтому, выбирайте.

Он дал этолийцам пару мгновений на размышления. За это короткое время Федор определил гоплита, который показался ему более остальных подходящим на роль предателя. Чайка не первый раз допрашивал пленных и развил у себя безошибочное чутье. Он мог с первого взгляда сказать, у кого развяжется язык, а кто умрет, не проронив ни слова, даже на костре. Этот гоплит явно хотел жить.

– Почему вы напали только на перевале? – спросил его Федор. – Почему не заперли перевалы, ведь так было бы надежнее?

Гоплит помолчал некоторое время, но потом заговорил, стараясь не смотреть на остальных. Он был без шлема, на лице запеклась кровь из рассеченной брови. По всему было видно, что он не из самых стойких воинов и очень хочет жить.

– Сначала мы так и хотели поступить. Мы шли с насупом собранным ополчением из Этеи в Ферм, на соединение с главным войском Агелая, – произнес грек, все больше хмурясь, – когда по пути нас перехватил его гонец и развернул в сторону этих гор.

– Интересно, – подбодрил его Чайка, – и что же сообщил вам этот гонец?

– Я простой солдат, – ответил грек, – я слышал лишь, как наши вожди говорили о том, что нам приказано занять перевалы. Похоже, что сам Агелай не имел солдат, чтобы отправить сюда или узнал о вашем выступлении слишком поздно.

– То есть, – уточнил слегка удивленный Федор, – вы просто опоздали?

– Похоже, что так, – ответил грек, поднимая глаза на Чайку, – продвигаясь сюда, мы выслали вперед самых ловких разведчиков и узнали, что ваша армия уже миновала перевалы. Тогда было решено атаковать вас на перевале. Это был единственный шанс остановить вас или задержать перед тем, как вы попадете на равнину.

– Где вы взяли столько лодок? – не переставал удивляться сообразительности командира этолийцев Федор Чайка, – и как смогли обойти нас с тыла? Здесь же кругом горы.

– Выше по течению есть большое селение, о котором знал наш вождь, – пробормотал гоплит, – мы забрали там все корабли, даже у купцов. А потом, у нас были проводники из местных. Они указали нам обходную тропу, по которой мы смогли быстро оказаться у вас в тылу, срезав путь.

– Кто вами командовал? – задал вопрос вконец заинтригованный Федор.

– Нашего вождя зовут Ликиск, он родом из Страта, – ответил вконец поникший грек, стараясь не поднимать глаза на товарищей, которые с презрением поглядывали на него, однако никто не перебивал говорившего, чтобы самому вымолить пощаду.

– Из Страта? – не поверил своим ушам Федор, – уж не в этом ли городке стояла недавно македонская армия?

– Страт македонцы захватили не так давно, когда Ликиск был в отъезде в Дориде, – пояснил пленный грек, – вернувшись, он тут же пошел на войну за Этолийский союз и пользуется сейчас уважением Агелая. Говорят, из него выйдет хороший стратег и ему прочат это место после самого Агелая.

– Ну что же, – пробормотал Федор, которому теперь стало все более или менее понятно, почесав бороду, – у вас хороший вождь. Но, вряд ли он дождется нового назначения. Очень скоро мы найдем его и прикончим, если он не перестанет нас беспокоить. Кстати, куда он уплыл и сколько солдат ждет нас впереди?

Гоплит замолчал.

– Ну, что же ты, замолчал, Лихий, – не выдержал другой гоплит, пнув его связанными ногами, отчего тот повалился на камни, – расскажи им все, предатель! Быть может, эти свиньи пощадят тебя и позволят убирать за собой дерьмо.

Один из охранников Федора сделал шаг вперед и нанес резкий удар тыльной стороной копья по голове говорившему. Тот мгновенно обмяк. А упавшего Лихия охранник, наоборот, поднял и прислонил спиной к камню.

– Ну? – напомнил о последнем вопросе Федор.

– Ликиск уплыл на корабле, ниже по течению он должен соединиться с отрядом, который запирает долину. В долине находится еще один наш отряд, – затараторил тот, тряхнув ушибленной головой, – последний. Мы разделились. Там... Там всего пятьсот человек. Все пехотинцы.

– Ты хорошо знаешь эти места? – как бы невзначай поинтересовался Федор, удовлетворенно кивнув головой.

Грек тоже осторожно кивнул.

– Отлично. Значит, будешь у нас проводником, – спокойно добавил он, – тогда я оставлю тебе жизнь. Если ты против, скажи. Умрешь быстро.

Грек замотал.

– Я хочу жить.

– Значит, договорились, – закончил разговор Федор, и приказал своим охранникам, – развяжите его и отправьте в обоз. Я позже с ним поговорю.

И, словно только что вспомнил об остальных, добавил.

– А этих казнить. Здесь больше не нужны этолийцы, не жалеющие принять новую власть. Очень скоро все изменится в этих местах. Как закончите, возвращайтесь в свою спейру.

Он едва успел отвернуться и сделать несколько шагов вдоль берега, как глухие стоны, раздавшиеся у него за спиной, сообщили о том, что охранники уже выполнили его приказ. Когда Чайка добрался до своего коня и взобрался на него, колонна пехотинцев, поджидавшая обоз, тронулась в путь. Федора ждали скифы, с которыми он пустился вскачь, стараясь обогнать вновь растянувшийся по дороге обоз.

– Что у нас впереди? – уточнил он у рослого скифа, который исполнял роль связного между ним и Лариным, который должен был находиться где-то рядом с македонцами. Лежа пока вестей о себе не подавал.

– Там идет бой, – коротко пояснил скиф, – скоро ждем новостей. Но место для ночлега уже присмотрели. Там можно обороняться даже ночью, если придется.

– Хорошо, – кивнул Федор, которому, не слишком хотелось пережить ночное нападение, как македонцам. Но, вспомнив, о чем говорил пленник, тащившийся сейчас позади за телегой в обозе, Ларин немного успокоился. «Если он не врал, – подумал Федор, надав сандалиями по бокам своему коню, – то с пятью сотнями и Демофонт справиться. Может, уже справился, и нам не придется больше сегодня воевать».

Они обогнали обоз, морпехов и пехотинцев Кумаха, пристроившись в голову колонны, продвигавшейся по узкому ущелью. Вскоре подоспели и новости. Но это был не посланец от скифов. Когда начало смеркаться, наконец, прибыл гонец от Демофонта с сообщением. Македонцы яростным ударом выбили защитников в долину, рассеяв. Но далеко преследовать не стали из-за наступившей темноты.

– Где сейчас Демофонт? – спросил Чайка, прикидывая, что делать дальше.

– Ждет армию у выхода из ущелья, – ответил посыльный.

– Значит, выход свободен, – проговорил Федор, оглядывая быстро черневшие скалы, –

это хорошо. Далеко до этого места?

Македонец задумался ненадолго, словно прикидывая в уме расстояние, и сообщил.

– Примерно пятьдесят стадий.

– А до места ночевки, что выбрал Алексей? – уточнил он, обернувшись к ехавшему рядом скифу.

– Мы почти прибыли, – ответил бородач, – вон за тем поворотом долина расширяется. Там есть большая балка, поросшая по краям лесом. Если ее огородить повозками, можно спокойно ночевать.

– Так и сделаем, – решил Федор, и, вновь обернувшись к македонскому гонцу, приказал, – скажи к Демофонт, передай, что войско заночует здесь, не выходя на открытое пространство. Пусть возвращается к нам. Оставаться в долине не безопасно.

– Я все передам, – наклонил голову гонец и, прищипорив коня, исчез во мраке. По его тону Чайке показалось, что Демофонт обязательно попытается найти предлог, чтобы не выполнить этот приказ. Эти гордые македонцы с большим трудом выносили, когда им приказывал кто-то кроме Филиппа. Но, на этот раз, он ошибся.

Не успело войско карфагенян, дождавшись обоза, огородить повозками окрестные холмы и разжечь костры, – на сей раз Чайка разрешил поздний ужин, враг был разбит и отброшен на обоих направлениях и его армия вполне это заслужила, – как появилась македонская конница. Демофонт внял голосу разума и решил не ночевать со своими людьми в чистом поле, ограничившись недолгим преследованием и разведкой. «Похоже, прошлая ночь кое-чему научила этих гордецов, – ухмыльнулся Чайка, – и теперь они будут держаться чуть ближе к основным силам».

Чуть раньше Демофонта прибыли скифы, следовавшие по пятам за македонским отрядом, но не ввязывавшиеся в бой. Их было с Лариным меньше сотни.

– Поздравляю с победой, – приветствовал Федор Демофонта, по опыту знавший, что тщеславных македонцев легче похвалить, чтобы расположить к себе. В его положении начальника экспедиционного корпуса приходилось искать подход к разным вождям. Политика, ничего не поделаешь.

– Мы выбили этих крестьян из предгорий, – едва спрыгнув с коня, похвалился и сам македонец, – спаслось не больше нескольких десятков. Все они рассеяны и разбежались по окрестным холмам.

– Как с потерями после ночного нападения? – напомнил Федор, заставив Демофонта поморщиться.

Тот присел к костру, на котором жарился только что добытый на соседнем склоне кабан, и нехотя рассказал Федору о своих потерях.

В ночном бою у Демофонта погибло тридцать пять человек. Немало для тяжеловооруженных воинов, сражавшихся с легкой конницей. Были там и этолийские пехотинцы, но эти, по словам Демофонта быстро разбежались, едва схлестнувшись с македонцами. Правда, половина из погибших нашла свою смерть под обвалом. В сражении, последовавшем на следующий день, македонцы лишились почти полутора сотен всадников. Сейчас их оставалась чуть больше тысячи и трех сотен. Скифы же потеряли убитыми и раненым за время похода сорок шесть бойцов из трехсот, начинавших этот поход с Лариным от самого Брундизия.

Ни морпехи, ни кельты Нордмара повоевать, толком пока не успели. Они шли в почти авангарде пехотных частей, и первыми переправились утром, не попав под удар этолийцев. А с последним отрядом этолийцев разобрались сами македонцы, обозленные ночным нападением. «Ничего, война еще только началась, успеют топорами помахать, – мысленно успокоил себя и Нордмара Федор, – интересно, выжил ли этот чертов Ликиск или убит?».

Узнав о том, кто командовал напавшим на них войском, Демофонт вновь пришел в ярость. Он отлично знал Ликиска, тот уже давно воевал против македонцев с самого первого дня попыток Филиппа занять Этолию. Во много именно благодаря его стараниям македонцам не удалось в первую кампанию захватить эти места.

– Я не видел его среди мертвых, – с горечью ответил Демофонт, отпив вина из кувшина, – завтра же прикажу осмотреть трупы. И лучше бы ему оказаться убитым иначе я лично разрежу его на части, когда поймаю.

– Остается надеяться, что он не успеет организовать сколько-нибудь серьезное сопротивление за одну ночь, – проговорил Федор, поглядывая на звезды, зажигавшиеся над его головой. Даже костер не мешал ему их видеть.

– Он наверняка сбежал прямо в Ферм, – заявил Демофонт, – солдат у него здесь больше нет и остановить наше войско нечем. Так что можем спокойно двигаться прямо к городу, на соединение с Филиппом.

«Хотелось бы верить, – подумал про себя Федор, – до Ферма еще примерно двое суток пути по холмистой равнине, если не ввязываться в сражения. Возможно, Демофонт и прав, вряд ли здесь есть еще какие-нибудь крупные вооруженные силы. Филипп уже рвется к Ферму, а на два больших сражения сразу они не способны. Не настолько силен этот Этолийский союз. Хотя, кто его знает, на что способен сам Ликиск. Поживем, увидим».

Ночь прошла без происшествий. Наутро Федор велел вызвать к себе «завербованного» в проводники этолийца и расспросил его насчет прилегавшей к предгорьям местности. Его догадки подтвердились. За предгорьями начиналась равнина, которая становилась все более пологой по мере приближения к морю. Впрочем, до моря было еще далековато. Город Ферм располагался, как и положено столице союза, в центре Этолии, самого большого государства из входивших в этот союз. Все остальные «прятались» за его спиной. Неподалеку от Ферма, чуть южнее, располагалось огромное озеро.

«Если Филипп наступает успешнее, чем в прошлый раз, то озеро уже наверняка оставил за спиной, – размышлял Федор, покачиваясь в седле, когда войско с рассветом вышло из предгорий и углубилось в равнинную часть Этолии, – а, если македонцы, уже недалеко от Ферма, то у нас на пути вряд ли возникнут большие преграды».

Он проехал еще несколько метров, рассматривая поросшие зеленью холмы, и продолжая размышлять.

«Хотя, если этот Агелай действительно такой толковый, как о нем говорят, то он должен попытаться нас остановить еще раз. Он ведь понимает, если мы с Филиппом соединимся, ему конец. Впрочем, у него может просто не хватить сил воевать на два фронта. Уж не знаю почему, но с перевалами он сплеховал, а теперь уже поздно пытаться остановить меня летучими отрядами. Разве что, боги отвернулись от нас, и он уже разбил Филиппа и теперь спешит ко мне на встречу со всей своей армией».

Последняя мысль сначала позабавила Чайку, скользившего взглядом по холмам и дороге, по которой в облаке пыли быстро продвигалась его армия, но затем он все же решил принять дополнительные меры предосторожности. Жестом подозвав Ларина, который ехал неподалеку от основной колонны во главе отряда скифов, Федор указал на видневшуюся в стороне от дороги деревеньку.

– Македонцы ускакали далеко вперед, разведать путь до самого Ферма, а ты возьми своих людей и посмотри, что там такое, – произнес Чайка, придержав коня. – Мало ли придется свернуть.

– Сделаем, – бодро ответил Ларин, которому наскучило целый день исполнять при командующем роль мобильного резерва и не терпелось поскорее вступить в какое-нибудь сражение.

Он развернул коня в сторону холмов, меж которых к деревеньке вела едва различимая тропинка, и свистом приказал скифам следовать за ним.

– Только ты там осторожнее, – крикнул ему вслед Федор, без особой надежды, – сильно не шуми. Посмотри обстановку и назад.

Леха только кивнул, и отряд бородачей исчез в облаке пыли.

Почти целый день карфагенское войско шло, не встречая на пути никакого сопротивления, и это немного беспокоило Чайку. Он предпочитал знать, где враг и чем он занят. Поэтому Федор решил кое-что предпринять, чтобы прояснить обстановку. Для начала

он приказал Демофонту выделить целых двести человек и отправил их обходным путем вдоль гор на соединение с армией Филиппа. Если македонский царь уже прошел этот участок, то посланцы быстро найдут его и вернуться с новостями. Если же на пути их встретится враг, то двести тяжеловооруженных катафрактариев это все же достаточно мощный отряд, чтобы кто-нибудь из них, даже попав в западню, вернулся назад.

Затем Чайка усладал самого Демофонта, который не меньше Ларина рвался в бой, вперед, в глубокую разведку. Македонцам надлежало двигаться вперед до тех пор, пока не появится враг или стены самого Ферма. Правда, зная Демофонта, Чайка все же оставил в авангарде триста всадников под командой его заместителя. Они то и дело маячили на холмах впереди, осматривая все попадавшиеся по пути населенные пункты, но, не слишком отклоняясь от дороги. Тяжеловооруженные македонцы вообще не стремились обшарить все холмы вокруг. Уверенные, что враг давно отступил, они позабыли о ночном нападении у реки и выполняли приказ спустя рукава, вновь прейдя в относительно беспечное настроение. Но, Федор пока не был в этом так уверен. За день он заметил пару раз небольшие отряды конных разведчиков, появлявшиеся на далеких холмах и наблюдавшие за продвижением его корпуса. Поэтому отправил туда скифов.

– Эх, мне бы Угурту сюда с его нумидийцами, – даже вздохнул он вслух, посетовав на жизнь ехавшему возле него Кумаху, – скифы это хорошо, но их слишком мало. А как бы мне сейчас пригодилась легкая конница.

Но, приходилось обходиться, тем что есть. Справедливости ради, Федор должен был признать, что сражение на реке Ахелой не слишком отразилось на боеспособности его армии. Девять слонов и мощный обоз неуклонно приближались к столице этолийского союза. Во избежание внезапных нападений на обоз с тыла он еще усилил охранение, прибавив морпехов к хилиархии, в которой служил Летис. А слонов погонщики теперь держали постоянно в «боевом положении». Животные, лишенные поклажи, несли на себе башни с лучниками, и были готовы отразить любое нападение и даже атаковать, если потребуется. Все-таки армия уже далеко вклинилась на вражескую территорию, с каждым часом приближаясь к цели.

До вечера не произошло ничего интересного и Федор уже готов был поверить Демофонту, что Ликиск сбежал в Ферм. Однако, когда пришло время становиться на ночлег, недалеко от очередной деревни, произошло новое нападение на обоз. Сначала откуда-то сбоку, словно из-под земли, в небо взметнулись горящие стрелы, обрушившись огненным градом на обоз и напугав слонов. Затем, из узкой балки выскочил отряд пехотинцев, человек сто пятьдесят, и бросился в атаку, отчаянно пытаясь прорваться к повозкам.

Несколько телег загорелось, но их тут же потушили. Слонов погонщики быстро утихомирили. А боевое охранение встретило эту атаку сомкнутыми рядами и ошестинившись копьями. Однако, когда стало ясно, что это не мощный удар, а нападавших была всего лишь горстка, ответным ударом пехотинцы Кумаха уничтожили всех. Это был короткий и жестокий бой, во время которого все нападавшие были заколоты или разрублены на куски. Когда все было кончено, Федор прибыл на место битвы в сопровождении перебежчика-этолийца и десяти солдат с факелами. У него появилось смутное предчувствие, которое он захотел немедленно проверить. Уж больно неистовым было это нападение и слишком мало было людей у командира этолийцев, чтобы оно оказалось тщательно спланированным. Гораздо больше это походило на жест отчаяния, в котором угадывалось желание подороже продать свои жизни в борьбе за родину. Похоже, это были остатки отряда Ликиска, благодаря быстрому продвижению карфагенян неожиданно попавшие в окружение. А если так, то и сам вождь мог находиться среди них.

Вместе с этолийцем они медленно обходили все изувеченные тела, до тех пор, пока проводник не указал пальцем на невысокого бородача, плававшего в луже собственной крови. Из его груди торчал обломок копья, пробившего кожаный панцирь и пригвоздивший тело вождя к земле. Федор остановился и с минуту смотрел на лицо человека, так долго досаждавшего Филиппу, а с недавних пор и ему самому. Шлем тот потерял в бою, и на его

застывшем лице еще можно было прочесть выражение праведного гнева.

– Это Ликиск? – уточнил Федор.

– Да, – подтвердил этолиец, – это он командовал, когда мы напали по реке.

Федор немного помолчал и проговорил.

– Хороший ты был воин, Ликиск, но стратегом тебе уже никогда не быть.

А отвернувшись от него, заметил приближавшийся в свете факелов к месту недавнего сражения отряд македонцев и добавил, обращаясь к его командиру:

– Сообщите Демофонту, что Ликиск мертв, и он больше может его не искать. Этолиец сам нашел свою смерть. Он нам больше не мешает и теперь у нас осталась только одна цель, – Ферм.

Глава седьмая **«Битва за Этолию»**

Федор проехался перед строем баллист, установленных на холме, и остался доволен. Бейда не подкачал, – все, что можно было отремонтировать, было восстановлено и опять работало. Артиллеристы были готовы к отражению атаки противника. И Федор ничуть не сомневался, что его орудия, надежно отработав по пехоте, обязательно вступят в бой, а тот обещал быть жарким.

Армия противника, вернее то, что от нее осталось после многочисленных стычек с македонцами, по команде стратега Агелая была выстроена между двумя холмами чуть ниже по склону и растянута по всему фронту, чтобы перекрыть наступление любого из флангов превосходившей ее армии союзников. Эта армия, все-таки соединившаяся неподалеку от Ферма, в свою очередь, была выстроена согласно македонским традициям, – мощный правый фланг, который должен был атаковать врага, и менее малочисленный левый, которому предстояло сдерживать удар правого фланга этолийцев, если тот пойдет в атаку. Правым флангом наступавшего на столицу Этолии объединенного войска командовал царь Филипп, приведший сюда почти все свое воинство, состоявшее теперь из двенадцати тысяч македонцев, потерявших немало солдат за время прорыва. Этолийцы отнюдь не откатились к Ферму сразу, как он рассчитывал, а оказывали ему ожесточенное сопротивление, начиная от самого берега реки Ахелой. Преодолеть это сопротивление он смог только ценой непрерывных атак и больших потерь, на которые царь не рассчитывал. И вот теперь, когда он, наконец, стоял под стенами столицы Этолии, Филипп жаждал мести.

Соединение обеих армий почти у самого Ферма стало возможным, во многом благодаря обходному маневру корпуса Чайки, тут Филипп оказался прав. Как только Агелай узнал, что его затея с перевалами не удалась и Чайка быстро продвигается у него в тылу к безоружной столице, он немедленно отвел назад свои войска и стал готовиться к генеральному сражению. Численность его армии, по данным перебежчиков, была не многим более тринадцати тысяч. Но, это была все еще сила, способная оказать сопротивление. Кроме того, за спиной Агелая находился укрепленный город с высокими стенами, в котором можно было укрыться даже в случае поражения и тогда победу придется отложить до окончания штурма.

Этого штурма, хоть он и мог затянуть все дело, Чайка не боялся. Осадный обоз позволял заняться этим. У Филиппа тоже имелся осадный обоз, вдвое мощнее, чем у Федора, так что город был все равно обречен. Столица Этолийского союза могла лишь надеяться на помощь извне, но откуда могла прийти эта помощь, было трудно представить. Ахейцы, отразив нападение у своих берегов, с переменным успехом дрались на море с этолийским флотом, связав его полностью своими действиями и оттеснив к Навпакту. Узнав о победоносном продвижении царя македонцев вглубь территории Этолии, они даже выслали подкрепление по суше, захватив часть побережья, для участия в окончательном разгроме своих давних противников. Это было целых семьсот гоплитов, расположившихся сейчас между войсками Филиппа и Федора. Стратег Филопмен в этом сражении лично участия не

принимал, занятый в морских боях.

Глядя на панцири ахейцев, Федор отчетливо понимал, что они пытались загребать жар чужими руками, стараясь экономить свои силы. Но он также понимал, что за этим «скромным участием в общей победе» могла крыться и другая причина. Стратега ахейцев сейчас не позавидуешь. После разгрома Этолийского союза, а это можно было считать делом почти решенным, они окажутся между молотом и наковальней. Имея двух таких союзников, как Филипп и Ганнибал, рано или поздно им придется отказаться от своей самостоятельности в пользу одного из них. А это для свободолюбивых эллинов было мучительным выбором. Чайка невольно вспомнил Ликиска, с горсткой солдат атаковавшего его армию. Тот свой выбор уже сделал. Ахейцы в скором времени могли оказаться в таком же положении и вряд ли их стратег этого не понимал.

Оторвав взгляд от ахейцев, Федор перевел его на своих подчиненных, численность которых сейчас не превышала семи с небольшим тысяч. Для «слабого крыла», солдатам которого в македонской тактике отводилась роль мальчиков для битья, нужных лишь для того чтобы принять на себя главный удар противника, это была весьма внушительная цифра. Кроме того, Чайка, после разговора с Филиппом, слегка модернизировал эту тактику, выстроив перед своими пехотинцами полевую артиллерию, которая могла бить этолийцев в упор. А в центре, между собой и ахейцами Филиппа, было решено разместить слонов в боевых доспехах. Всех слонов. И тех, что привел с собой Федор и еще шестнадцать слонов македонской армии, которые поддержат атаку македонской конницы или отразят контратаку этолийских всадников. Несмотря на все старания Филиппа у Агелая еще оставалось около четырехсот всадников, недавно прибывшие к нему в составе ополчения, которое он сумел набрать.

Филипп и Федор регулярно посылали разведчиков в дальние рейды вокруг Ферма, и, хотя город еще не был полностью окружен, были уверены, что в ближайшие дни никаких подкреплений Агелай не дожидается.

– А мы чего ждем? – не понимал Федор, который вынужден был согласиться с требованием Филиппа ничего не предпринимать, до тех пор, пока этолийцы не попытаются контратаковать его крыло, – давно бы сам уже напал. Этот Агелай, похоже, надеется отбиться. Даже фалангу по такому случаю выстроил.

Сариссофоры⁷ Агелая, прикрывшись ежом из длинных копий, давно были готовы к отражению атаки македонцев, но царь все медлил, делая какие-то перестроения и перемещаясь в глубине порядков своей конницы.

Пока царь занимался перестроениями, Федору ничего не оставалось, как заняться разглядыванием шеренг противника, поскольку своих солдат он уже давно выстроил. Справа, там, где находился он сам, огромным прямоугольником, разделенным на хилиархии, стояли почти все имевшиеся морпехи и пехотинцы Кумаха, включая вторую хилиархию, в которой служил Летис. На дальнем краю, Чайка поставил две тысячи кельтов и оставшихся скифов, на тот случай если он задумает отдать приказ обойти противника с фланга. Лучше кельтов для такой атаки и не придумаешь, а почти две сотни скифов были единственной конницей, которой располагал левый фланг Федора. Всех македонцев Демофонта после воссоединения армий царь опять забрал себе. Чайка был не совсем согласен с такой диспозицией, но выполнял условия договора. «Пусть себе командует, – размышлял командир карфагенян, – если он так рвется в бой, то нам работы меньше останется».

Хотя настроение этолийцев было ему совершенно ясно, – они будут биться до конца. Нападение Филиппа они расценили как предательство некогда общих интересов. Ведь некоторые из стран, входивших в созданный недавно Эллинский союз под руководством

⁷ **Сариссофоры** – воины первых шести шеренг фаланги, вооруженные длинными копьями-сариссами. Длинна сариссы варьировалась от четырех, до 5–6 и даже 7 метров. С такими копьями было трудно нападать. Они использовались преимущественно для того, чтобы прикрыть фалангу от атак конницы ежом из острых копий разного размера.

самого Филиппа, – Акарнания, Беотия, Фокида и Фессалия, – совсем недавно еще платили деньги в казну Этолийского союза. А теперь македонский царь вознамерился и вовсе его уничтожить. Так что грекам из Этолии ничего не оставалось, как биться насмерть за свою свободу.

Перед центральной частью своего строя Чайка выстроил метательные орудия. Раз уж ему было приказано с самого рассвета стоять на месте в ожидании контратаки, Федор принял меры, чтобы можно было обороняться, не сходя с места, но с наибольшим уроном для этолийцев.

Однако и стратег этолийцев Агелай приготовил что-то новое для обороны своих порядков. Чайке не давали покоя какие-то странные, отливавшие металлическим блеском, веревки, натянутые вдоль земли на полуметровой высоте прямо напротив того места, где были сосредоточены слоны. Разведчиков к ним было не подослать, слишком близко от первых шеренг этолийцев, а издали не рассмотреть, бинокля у Чайки не было. «Что же это такое? – недоумевал Федор, – если бы мы были в двадцать первом веке, я бы рискнул предположить, что это колючая проволока, да только откуда она здесь, да и зачем?».

Поразмыслив над этим ранее не виденным делом и заметив, как легковооруженные пехотинцы во время построения противника горстями разбрасывали у этих странных заграждений какие-то блестящие на солнце металлические шипы, Федор решил, что Агелай таким образом пытается прикрыть свой центр от атаки слонов. А когда этолийцы на его глазах установили еще штук двадцать «противотанковых ежей», – иначе он не мог называть эти переплетенные между собой куски заостренной и торчащей в разные стороны проволоки, – все сомнения у него отпали. Пехоту такими ежами было не остановить, хотя урон тоже нанести можно, а вот огромным животным, защищенным только на уровне головы и боков панцирем, натянутая проволока своими шипами могла рассечь ноги. Если же слон падал на этом «минном поле», как тут же окрестил его Федор, то мог проколоть или разорвать себе не только ноги, но и все внутренности.

Впрочем, слоны перед битвой были облачены в собственные доспехи, – специальный панцирь из кожи и металлических пластин укрывал теперь все бока, зад и даже почти весь хобот огромного животного. На его массивном лбу был прикреплен удлиненный изогнутый щиток, защищавший лоб слона до самых ушей от прямого удара копьем или камнем. Для глаз оставались специальные отверстия. Бивни были окованы медными кольцами и даже заточены. Ни дать ни взять настоящий античный танк, способный топтать и давить живую силу противника. И все же ноги оставались его самым уязвимым местом. Похоже, на то и был сделан расчет теми хитроумными инженерами, кто додумался изготовить все эти приспособления.

– Ох уж мне эти чертовы греки, – все же с некоторым уважением пробормотал Федор, – чего только не придумают. И как только наши инженеры до этого еще не додумались. Надо будет после битвы рассмотреть поближе все эти шипы.

Он едва успел послать ординарца за инженером из обоза и, указав ему на заграждения, отдать такой приказ, как на правом фланге раздался звук труб. Потом боевой клич и поднялась целая волна криков, прокатившись по всей македонской армии. Приподнявшись в седле, чтобы видеть лучше, Федор заметил движение тяжеловооруженной конницы на правом фланге македонской армии. Обогнув собственную фалангу, царь Филипп, в искусно сделанных доспехах и шлеме с белым плюмажем, сам повел в атаку конницу, лавиной устремившуюся за ним. Его панцирь сверкал в лучах солнца, как зеркало. Да и остальные катафрактары не уступали царю пышностью своего вооружения. Никаких перестрелок или выпадов со стороны легкой пехоты и прашников, обычно предшествовавших большому сражению, на этот раз не было.

– Ну, наконец-то! – радостно выдохнул Чайка, и, обернувшись к находившемуся подле него Кумаху и нескольким ординарцам, добавил, – началось!

Атака македонской армии была мощной. На правом крыле никаких заграждений, похоже, не было, и фалангу Агелая отделяла от противника только малочисленная конница.

Те самые четыреста человек уцелевшие до этого дня. Тем не менее, это тоже были тяжеловооруженные всадники, и они встретили отважно превосходящие силы македонской конницы.

Филипп с ходу врубился в порядки этолийцев, опрокинув несколько первых шеренг, и сражение завязалось. Треск ломаемых о панцири копий вскоре перешел в непрерывный звон мечей. Драка была жестокой, и македонцы наседали по всей длине левого фланга противника, стремясь пробить брешь в глухой обороне, занятой этолийцами. Однако этолийцы первый удар выдержали, и вскоре сражение перешло в схватки между отдельными воинами, более привычные не любившим дисциплину грекам.

– Ты смотри, что творят подданные Филиппа, – проговорил Федор, наблюдая за схваткой, – молодцы, этак мы быстро разберемся с этолийцами.

Его слова относились к отчаянным попыткам сходу прорвать оборону и уничтожить последнюю конницу союза, не считаясь с собственными потерями. Македонцы размахивали мечами направо и налево, срубая головы своих противников, выбивая щиты и отсекая конечности. Кровь брызгала во все стороны. Но и этолийцы оказались не последними бойцами. Умело отбиваясь, они лишили щитов и выбили из седла уже не один десяток македонских солдат. Дрались, правда, только первые шеренги двух конных соединений, что лишало македонцев возможности использовать численное превосходство. Царь это быстро понял, и однажды Федору показалось, что часть его всадников попыталась обойти этолийцев по самому краю вдоль подножия холма. Но этот маневр не прошел, – Чайка так и не понял, почему. С того места, что он занимал на вершине своего холма, этого было не разглядеть за огромной массой коней и тел воинов, схватившихся в ожесточенной битве.

Впрочем, первое конное сражение скоро завершилось. Под не прекращавшимся натиском этолийцы все ближе отодвигались к своей пехоте и, наконец, побежали, показав противнику тыл. Быстро оставив свои позиции, остатки этолийской конницы просочились сквозь открывшиеся проходы в пехотных частях.

А перед пехотинцами неожиданно обнаружились метательные орудия, встретившие македонских всадников волной дротиков и ядер. Этого Филипп явно не ожидал. Волна уничтожающего огня накрыла бойцов, бесславно лишая жизни лучших из лучших. Ядра врезались в толпу обезумевших всадников, отрывая головы, руки и ноги, калеча лошадей, превращая македонцев в кровавое месиво. Дротики, пущенные мощными торсионными механизмами, прошибали насквозь любые доспехи. Наступление забуксовало, испуганные кони метались в разные стороны вдоль строя метательных орудий противника, Филипп терял людей десятками. Его атака, казалось, захлебнулась, а самого предводителя македонцев Чайка уже давно не видел.

– Не убили бы царя, – озадачился Чайка, напряженно вглядываясь в расстроенные ряды лучшей македонской конницы, – тогда, дело может дальше пойти не так гладко.

– Ничего, – ответил ему Кумах, тоже не отрывавший взгляда от этой бойни, – Филипп везучий, он уцелеет.

– Хотелось бы верить, – ответил Федор, поймав себя на странной мысли, что полевые метательные орудия хоть и не очень прицельно бьют, но против атакующей массы крайне эффективны.

Наконец, македонцы справились с первым потрясением, и всадник с белым плюмажем вновь вынырнул из гущи сражения, показавшись своим солдатам.

– Жив, наш Филипп, – обрадовался Чайка, – значит, еще не все потеряно... для македонцев.

Филипп, а это был он, в ярости бросился в атаку на ряды метательных орудий, увлекая за собой воинов. Несмотря на летевшие в него ядра и дротики, царь первым добрался до баллисты и раскроил голову одному из оказавшихся на его пути артиллеристов. А другого этолийца он рубанул мечом уже по спине, которую тот решил показать македонцам.

– При попытке к бегству, – заметил на это Федор, криво усмехнувшись.

Затем Филипп вновь пропал в гуще сражения, его закрыла от взгляда Федора лавина

македонских всадников. Добравшись до артиллерии противника, одни македонцы в ярости крушили ее, а другие обрушились на фалангу этолийцев. Но, из этой атаки уже ничего не получилось. Фаланга даже не дрогнула. Одна за другой несколько атак накатывалось на ошестинившуюся длинными копьями фалангу этолийцев, но перед ней лишь росло количество мертвых македонцев. И тогда Филипп принял решение отойти назад. Он вскинул руку с мечом и развернул своих воинов. Конная масса всадников, сверкая доспехами, устремилась за своим царем, пересекла поле и вскоре вновь оказалась на правом фланге, рядом со своими пехотинцами. Сам же Филипп, едва вернувшись к выстроенным войскам, отдал новый приказ.

– Конница этолийцев разбита, артиллерия тоже. Сейчас в дело пойдет и наша фаланга, – решил Федор, сказав это Кумаху, но ошибся.

Вместо этого, он заметил шевеление в центральной части, там, где располагались ахейские «волонтеры» и боевые слоны.

– А вот это зря, – покачал головой Чайка, поправив шлем, – зачем-то они ведь понастроили этих противотанковых укреплений.

Исполинские животные, понукаемые погонщиками с ревом двинулись на этолийцев, которые и не думали атаковать. Конницы у них больше не было, если не считать полсотни всадников, чудом успевших избежать полного уничтожения. Фаланга Агелая, который, то и дело маячил на холме за ней, просто ожидала действий противника. И это было Федру понятно, с такими длинными копьями атаковать было крайне затруднительно, хотя это иногда и случалось. Гораздо легче обороняться. Что этолийцы уже продемонстрировали, отбросив лучшую македонскую конницу.

Глядя за продвижением слонов, шествовавших в шеренгу по десять, Чайка с невольным интересом ждал, что произойдет дальше. Переставляя массивные ноги, они надвигались как раз на центральную часть этолийского построения, где начинались эти странные линии. Он хотел предупредить Филиппа о своих подозрениях, но не успел, – тот начал сражение, а теперь было уже поздно. Да и, честно говоря, Федор не был до конца уверен. За всю историю сражений с использованием слонов, в которых он принял личное участие, Чайка ничего подобного не видел. Возможно, эта защита была придумана здесь, и применялось вообще впервые.

Перед слонами, короткими перебежками действовали пращники и метатели дротиков, которые пытались не столько «раскачать» оборону противника, сколько обеспечить беспрепятственное продвижение ударной силы. Чайка не видел в этом уже особого смысла, но командовал не он. Приходилось пока все глотать. Справа от слонов в бой шли ахейцы. Подняв щиты, они изготовили копья для метания, и вскоре их первая волна обрушилась на фалангу этолийцев. Надо сказать, ахейцы оказались достаточно меткими. На глазах удивленного Федора добрый десяток воинов из фаланги, рухнул на землю замертво, выронив копья. Ахейцы метнули вторую волну, пробив даже несколько брешей в монолитном строю, но вскоре их продвижение замедлилось и, кое-где, вовсе остановилось.

Это случилось сразу после того, как первые ахейские воины раньше слонов ступили на «полосу препятствий». Чайка успел увидеть, как многие из них с криками падали, не получив, казалось, никаких повреждений от противника, словно наступали на что-то. Если проволоку, они еще кое-как переступали, то наталкиваясь на «ежи», от которых во все стороны торчали наточенные прутья, ахейцы были вынуждены размыкать строй и обтекать эти неожиданные препоны, возникшие на ровном месте.

Лучники этолийцев немедленно этим воспользовались. Расставленные по краям фаланги, они начали методичный обстрел раскрывавшихся ахейцев, быстро уложив на месте несколько десятков воинов. Более того, Чайке показалось, что из самой фаланги ведется такой же массированный обстрел. Еще толком не уступив в бой, ахейцы понесли большие потери. Удивленный, откуда там взялись лучники, Чайка пристально обшарил взглядом все войско этолийцев. Приосмотревшись, Федор заметил, что Агелай построил свои порядки не совсем по науке. Огромная фаланга, державшая центр, разделялась как минимум на две, а то

и на три составные части, между которыми, при необходимости, возникали мобильные соединения лучников или пращников. А сейчас как раз возникла такая необходимость.

– Да он еще и новатор, этот Агелай, – с неудовольствием пробормотал Федор себе под нос, чуть сжав лошадь ногами, отчего та фыркнула, седлав шаг вперед, – интересно, что он нам еще приготовил?

Между тем, командир ахейцев, поняв, что сейчас ожидает приближавшихся с неспешной грацией слонов, попытался просигнализировать их погонщикам, но едва он вскинул руку и взмахнул ей несколько раз, обернувшись назад, как был убит стрелой в шею. Его солдаты с потерями прорвались сквозь заграждения и попытались атаковать фалангу уже без командира.

Огромные «бронированные» туши слонов, казавшиеся неуязвимыми, прошли половину поля и уже приблизились к заграждениям, отделявшим их относительно тонкой полосой от шеренг противника. Вся македонская армия замерла в предвкушении прекрасного зрелища, – не каждый день доводилось увидеть, как разъяренный слон топчет и рвет на части бивнями вражеских солдат.

Погонщики специальными пиками теперь постарались «разогнать» своих слонов, чтобы те на большой скорости врезались в фалангу, рассекли и уничтожили ее. Но, когда первый слон распорол себе ногу о колючую проволоку, рванул ее, выдернув часть заграждений из земли, запутался и грузно упал на расставленные «ежи», над равниной раздался такой дикий рев, что вздрогнул даже Чайка.

Фалангиты немедленно расступались, и на несчастного слона обрушился град копий. Следующий слон, с разбега наскочивший на заграждения, также повредил себе обе передние конечности и рухнул на колени, сбросив со спины всех воинов и погонщика, прямо на копья фаланги. Он был еще жив, но упал, похоже на рассыпанные шипы, и его рев слился с криками третьего слона, которого постигла та же участь, только метрах в ста правее.

– Если так пойдет дальше, скоро у нас не останется ни одного слона, – констатировал Чайка, – эти чертовы греки придумали неплохую оборону от них.

Один слон, поранившись и увидев окровавленные туши своих собратьев, утыканные копьями, словно подушечка для иголок, впал в бешенство, которое обернулось против своих. Он развернулся, бросился в сторону, раздавил дюжину ахейцев и попавшихся по дороге пращников, протоптав сквозь них настоящую кровавую просеку. А, вырвавшись на простор, направился в сторону македонских порядков, где его вынуждены были умертвить, пока он не перебил половину собственной конницы. Бешенный слон, – это страшно. Чайке приходилось видеть такое пару раз, да еще в армейском лагере, где его бешенство приносило еще больше разрушений. Так что он не осуждал македонцев, убивших своего слона.

Остальным слонам и погонщикам повезло больше. Заметив неладное, они, несмотря на постоянный обстрел огромных животных, заставили их двигаться осторожнее, – слон, животное умное, – и, в конце концов, сразу трем слонам удалось преодолеть полосу с колючей проволокой, «ежами» и рассыпанными шипами относительно невредимыми. Ноги у них были исполосованы, сбоку в доспехах торчало по несколько копий, но они вполне могли драться. Эти слоны, словно желая отомстить, врезались в фалангу, ломая длинные сариссы своей мощной грудью. Одного этолийские фалангиты все же завалили, пробив панцирь и вогнав в подбрюшье несколько пик. Но два других развили успех, доставшийся такой ценой. Они смяли первые шеренги копейщиков и стали в ярости разбрасывать воинов бивнями и топтать всех, кто попадался на пути. В фаланге обнаружилось целых две огромные бреши, сквозь которые туда хлынули ахейцы. За ними до фаланги добрались еще два слона, раскрошив первые ряды.

Увидев, что твориться, Филипп, наконец, осознал, что может потерять всех слонов на одном поле под Фермом, и приказал вернуть оставшихся в лагерь. Пять животных были уже мертвы, успех развивали сейчас четыре выживших слона, а остальные под крики погонщиков, пятились назад. Македонский царь, справедливо рассудив, что конница может также пострадать от этих заграждений, приказал собственной фаланге помочь пехоте

ахейцев. Правый фланг, вздрогнул, прикрывшись сариссами, двинулся на врага вниз по склону.

Это неповоротливое, на взгляд Федора, соединение, все же добралось до этолийцев и нанесло удар в их левый фланг, до сих пор прятавшийся за полуразрушенной линией метательных орудий. Других заграждений там не имелось. Битва начал входить в решающую фазу, но до конца было еще далеко.

Наблюдая за тем, что происходило в центре и на правом фланге, – где атаковали слоны, а македонская фаланга сошлась с этолийской, Федор в нетерпении ерзал в седле. Он ждал приказ наступать, которого могло и не последовать вовсе. Однако ему неожиданно повезло. Агелай, чтобы спасти ситуацию, которая начала складываться уже не в его пользу, решил сам нанести удар. И этот удар он нанес на левом фланге объединенной армии своих противников.

Часть его непомерно растянутой фаланги, вдруг отделилась от остальных и двинулась вверх по склону, прикрываясь копьями. Заметив движение, скифы и кельты едва не бросились в наступление, и Чайке стоило больших трудов сдержать их, послав к ним, одного за другим, сразу трех гонцов.

– Пусть сначала говорит артиллерия, – решил он, подзывая Бейду, – а ну, покажи, на что способны твои орудия! Не зря же мы тащили их сюда из самой Италии.

– С радостью, – усмехнулся бородатый ливиец, – сейчас этолийцы узнают, что такое наши машины.

– Переплюнем их? – поинтересовался Федор, указав в ту сторону, где еще не так давно этолийцы расстреливали македонскую конницу.

– Конечно, – махнул рукой Бейда, – я видел, как они бьют. Наши катапульты и баллисты посылают ядра гораздо дальше, хотя здесь стоят и не осадные машины.

Порадовавшись за достижения собственных инженеров, – не все грекам его удивлять, Федор стал ждать залпов собственных орудий. Ждать пришлось не долго. Не успело правое крыло этолийцев миновать половину расстояния, как в них полетели дротики и ядра. Бейда передал артиллеристам приказ Федора Чайки и дальше в дело расчеты включились самостоятельно. Орудия были разбиты на группы, у каждого пяти был один командир, который имел опыт массовых стрельб и воевал, с оглядкой на остальных. Так что стрельба получилась вполне слаженной, едва только командиры начали давать отмашку. Катапульты и баллисты с бешеной скоростью посылали в наступающих ядра и дротики, волну за волной. После первого же залпа по фронту фаланги этолийцы стали падать десяткам, на себе испытав силу торсионных машин.

– Молодцы, – радовался Федор, выжидая момент, чтобы оправить в атаку свой левый фланг, где кельты давно рвались вперед, – пусть поближе подойдут. Надо хорошенько взбодрить противника.

Они успели сделать еще пять залпов, выкосив несколько шеренг наступающих, – среди фалангитов с сариссами появились даже разрывы, заполненные мечниками, – когда две колонны сблизилась на такое малое расстояние, что дальше стрелять было бессмысленно. Несмотря на то, что разъяренные лица и длинные копья этолийцев мелькали буквально двух шагах, артиллеристы Карфагена дали еще залп, разорвавший в клочья не меньше двух десятков пехотинцев. И все же масса атакующей фаланги была еще достаточно велика, чтобы уничтожить артиллерию. Федор не стал больше ждать.

– Пехотинцы, вперед! – рявкнул он, перекрывая шум сражения. Тотчас Кумах повторил его приказ зычным голосом, а конные адъютанты разнесли по соседним подразделениям. Сразу четыре хилиархии устремились на врага. Вторая линия солдат, – примерно полторы тысячи морпехов, стратегический резерв на случай прорыва, – осталась на месте.

Бросив взгляд на левый край своих построений Чайка, прежде чем затих его голос, увидел, как кельты устремились в атаку, размахивая боевыми топорами и огромными двуручными мечами. Нордмар, не дождавшись приказа, все же бросился в бой. Скифы последовали за ними, обгоняя бегущих нестройной толпой воинов из долины реки По. Но,

Федор не винил их за это. Все произошло вовремя.

Хилиархии африканцев, находившиеся справа, слева и за артиллерией, быстрым шагом двинулись вперед и успели сомкнуться прежде, чем этолийцы растерзали артиллеристов. И все же их мощный удар опрокинул не столь сильную оборону в центре этого строя. Около сотни сариссофоров прорвалось к орудиям и умертвило ударами копий много артиллеристов, а также повредило с десятков баллист, пока пехотинцы не отбросили их назад. Драка вокруг орудий длилась еще некоторое время, поскольку задние шеренги этолийцев наседали, не считаясь с потерями, явно имея приказ прорвать оборону противника и ударить в тыл его основными силами.

На краю левого фланга события развивались еще более стремительно. Достигнув первых фалангитов, кельты, — многие из которых были защищены лишь шкурами или кожаными панцирями, а некоторые вообще не носили доспехов, — умудрились с первого раза пробить строй противника и опрокинуть несколько шеренг копьеносцев. Работая двуручными мечами, они быстро прорубили просеку среди гоплитов. В эту широкую брешь устремились все остальные бойцы, а за ними и скифские всадники, хорошо различимые на фоне этолийской фаланги. Две тысячи кельтов сделали свое дело, остановив наступление на самом краю. Но, так было не везде.

Уклоняясь от пролетающих то и дело стрел, Чайка внимательно осмотрелся.

Бой шел уже повсюду. Удар македонцев в центре, при поддержке слонов, поначалу увенчался успехом. Но, вскоре ахейцы были раздавлены, а слоны перебиты, хотя это и стоило воинам Агелая огромных потерь. Сражение в самом центре позиций почти прекратилось, сейчас бой шел между флангами войск Этолийского союза и Македонско-карфагенского. Македонцы теснили этолийцев на дальнем краю, изрядно «исхудавший» центр которых, вновь стоял недвижимо. А здесь, у Карфагенян, линия фронта изогнулась словно змея.

Центр наступавшей колонны продавливал оборону Чайки. Вскоре молчавшие орудия и часть солдат, сражавшиеся рядом с ними, были замкнуты в кольцо. Этолийцы, обтекая это место, устремились дальше, развивая наступление. Они были уже в паре сотен метров от вершины холма, когда Федор понял, что пора вводить в дело свой стратегический резерв. Иначе его сомнут. Несмотря на то, что у него на этом фланге было даже больше солдат, чем у этолийцев. Уж слишком они хотели победить противника и ненавидели македонцев, а заодно и тех, кто им помогает. Филипп же не спешил на помощь Федору со своей хваленой конницей, наблюдая, чем закончится атака его собственной фаланги. Видимо, на взгляд царя, все шло по плану. Но, Федор не собирался просто так отдавать врагу победу.

Поняв меч, он крикнул:

— Вперед, за Ганибалла!

И этот клич подхватили сотни глоток морпехов, двинувшихся за своим командиром.

— Держи центр! — приказал Чайка Кумаху, проезжая мимо него, — а я помогу кельтам на левом краю. Когда мы разобьем там врага окончательно и прорвемся к нему в тыл, тебе станет легче. Главное, продержись.

— Продержусь, — отмахнулся Кумах, поднимая повыше овальный щит, — не в первый раз. Пусть боги пошлют тебе удачу!

Чайка кивнул, но ничего не ответил. Он верил, что удача всегда на его стороне. Обойдя центр сражения у захваченной в котел артиллерии, где, словно непрерывно работала мощная мясорубка, отправляя солдат на встречу с богами, Чайка нанес удар в левый фланг. Там и без него было, где разгуляться, — кельты и скифы пробили хорошую брешь в порядках атакующих, остановив наступление. Движения вперед у разваленной фаланги этолийцев здесь уже давно не было. Бой шел просто на истребление. Доспехи скифов, шкуры и топоры кельтов мелькали в сотне метров впереди, посреди солдат противника, когда Чайка привел своих бойцов и ввел их в прорыв. Он нанес удар в край фаланги, еще сохранявший хоть какое-то единство.

— За мной, бойцы! — рявкнул он, принимая на щит удар копья и в ответ обрушивая на

голову несчастного фалангита свою массивную фалькату. Изогнутый клинок со звоном отскочил от шлема и разрубил, даже раскрошил плечевую кость. Этолиец охнул и пропал внизу, затоптанный ногами своих же соплеменников.

Развивая успех, Чайка бросил коня вперед и наотмашь рубанул по рукам следующего копьеносца, которому длинна сариссы не позволяла орудовать ею на короткой дистанции. Фальката отсекла этолийцу левую кисть. В ужасе тот вскинул вверх окровавленный обрубок и закричал, – брызги крови попали на лицо Федора, – но вопль пехотинца потонул в реве голосов и звуков сражения.

– Что, нравится? – сплюнул Федор, отбивая щитом сразу два копья, направленные в его тело, – тогда, получай еще!

Он подался вперед и достал одного из ближних копьеносцев, сбив шлем с его головы. Бросив копье, тот попытался выхватить короткий меч, чтобы защититься, но не успел. Федор оказался проворнее и его фальката, как арбуз, расколола череп пехотинца. Едва оттянув клинок назад, он уловил краем глаза движение слева и, повинуясь чутью, бросил руку с клинком туда. Острые фалькаты со звоном ударило в нащечник шлема, и, скользнув по нему, рассекло лицо фалангита. Лишившись глаз, весь залитый кровью, грек рухнул на колени.

Но своей активностью в битве и тем, что дрался на коне среди пехотинцев, Чайка привлекал к себе слишком много внимания. Несколько копий все же нашли одновременно тело его коня и вскоре Федор ощутил, как лошадь под ним теряет силы. Конь покачнулся, рухнул на колени, а потом стал заваливаться на бок. Чайка едва успел соскочить с него на землю, чтобы не быть придавленным мертвой тушей.

Здесь он тут же получил удар копьем в плечо, который смягчил, прикрывшись щитом. Копье скользнуло по его кромке и сорвало наплечник, едва не вонзившись в голову командиру экспедиционного корпуса. От удара Федор покачнулся, отступил назад и, споткнувшись о труп убитого им же этолийца, упал рядом, крепко сжимая оружие.

Добить поверженного противника, к счастью, этолийцы не успели, хотя Федор и видел их разъяренные лица буквально в трех шагах. Помогли морпехи, след вслед продвигавшиеся сквозь строй противника за своим командиром. Сразу четверо морпехов в синих панцирях бросились вперед, оттеснив пехотинцев Агелая мощными ударами фалькат, и прикрыли его своими щитами и телами до тех пор, пока Федор не поднялся.

Получив возможность осмотреться, Чайка бросил быстрый взгляд по сторонам. Его атака превратила остатки прямоугольного строя этолийцев на этом краю, уже основательного «разъединенного» атакой кельтов, в бесформенную массу. Позади них Чайка уже мог разглядеть пустое пространство, свободное от войск. «Еще немного, – понял Федор, – и пробьемся! Нужен еще один удар». Что происходило позади него и в центре, держится ли Кумах, он не смог заметить, находясь в гуще сражения. Но, что бы там ни было, его атака могла решить все.

В этот момент впереди слева раздались дикие крики радости, – это кельты окончательно сломив оборону на своем пути, прорвались в тыл этолийской фаланге чуть раньше него самого. С ними были и десятки скифов, чьи копья и высокие шлемы Федор заметил уже позади строя этолийцев.

– Ну, вот и все! – сплюнул Федор, скорее почувствовав, чем увидев, пробежавшую по лицам этолийских фалангитов тень, предвестницу поражения, – пора и нам поставить точку в этом деле. За мной, ребята!

Удар морпехов, воодушевленных первым успехом кельтов, смял остатки этолийской фаланги на этом краю фронта и пробился к неприятелю в тыл. Благодаря быстрому перемещению, которое теперь стало возможным, Чайка обошел построения этолийцев и нанес им удар в спину. Теперь весь левый фланг, еще недавно так отчаянно атаковавший карфагенян, оказался зажатым между силами Кумаха и Федра.

– Еще немного и я окружу весь этот фланг! – ликовал Федор, орудуя клинком впереди

своих пехотинцев, – и плевал я на македонскую стратегию⁸. Филипп просто лопнет от зависти.

Продолжая развивать успех, Чайка вскоре заметил, что на вершине ближайшего холма в этолийском тылу построен небольшой отряд пехотинцев, – человеке триста, – который ведет себя как-то странно. Этот отряд прикрывал несколько шатров, поставленных на холме. Видимо там находились командиры, следившие за сражением. От холма к городу вела широкая дорога. Но, вместо того, чтобы атаковать прорвавшиеся силы Федора и заткнуть брешь, этот отряд, похоже, собирался отступать к городу как раз по той самой дороге. «Уж не Агелай ли собрался сбежать от нашего праведного гнева? – пришла шальная мысль в голову Федора, – так надо его остановить, пока не поздно».

– А ну-ка, бери свою хилиархию и за мной, – приказал Чайка находящемуся рядом командиру, выводя часть сил из боя. И, махнув рукой в сторону бесформенных остатков фаланги, добавил, – с этими справятся остальные.

Морпехи, приняв опять боевой строй, почти бегом направились вверх по холму. Заметив их движение, неприятель засуетился, но, к удивлению Чайки, никто не был выслан, чтобы ему помешать. Напротив, все этолийские пехотинцы дружно покинули холм и направились к городским воротам, видневшимся буквально в паре километров.

Преодолев половину подъема, Чайка обернулся, чтобы окинуть взглядом панораму боя и все понял.

– Теперь ясно, почему Агелай решил бежать, – проговорил он, остановившись на мгновение посреди песчано-желтого холма, – тем более, нельзя дать ему улизнуть в город. Быстрее, орлы!

И побежал впереди всех к вершине холма, так быстро, как позволяли ему доспехи и уже порядком уставшее в сражении тело.

То, что он увидел внизу, объясняло поведение стратега этолийцев. На правом фланге пехота македонцев почти уничтожила своих многочисленных противников, и чтобы приблизить победу на помощь ей прибыла тяжелая конница во главе с самим царем. Филипп, – воин в золотых доспехах с белым плюмажем на шлеме, – был отчетливо виден впереди большого, около трех тысяч всадников, отряда катафрактариев. Он размахивал разящим мечом направо и налево, срубая головы, и его отряд быстро пробивал себе дорогу среди этолийской пехоты, рассекая ее на части словно волнолом. И, хотя этолийцы сражались из последних сил, и до сих пор не побежали, до окончательной победы Филиппу оставалось немного. Скорый прорыв тяжелой конницы македонцев в тыл фаланги был неизбежен.

Центр этолийской фаланги, защищенный «противотанковым заграждениями», умудрился обить атаку боевых слонов и ахейцев, но был изрядно потрепан. Защитникам Ферма удалось остановить продвижение войск противника, только лишившись двух третей своих солдат. Поэтому лишь несколько шеренг гоплитов прикрывали сейчас центр теснимого со всех сторон войска. Его правый фланг разбил Федор Чайка со своими кельтами, и сейчас он развивал наступление вместе с морпехами, пытаясь замкнуть окружение оставшихся на поле боя этолийцев. Однако, не только Федор заметил бегство стратега Агелая, поверившего в скорое поражение. И это означало, что этолийцы вот-вот могли вообще показать спину и начать беспорядочное бегство, вслед за своим военачальником, бросившим армию. Это означало бы победу, но сам Агелай, мог в суматохе успеть укрыться за стенами города, и тогда падение союза отложилось бы еще на некоторое время, а Федор этого не хотел. Он решил покончить с этим надоевшим делом, как можно быстрее.

Когда Чайка был уже почти на вершине холма, позади него послышался конский топот.

⁸ Согласно македонской стратегии, победа в бою одерживалась ударом наиболее мощного правого фланга. Обычно, решающий удар наносила тяжелая конница.

Обернувшись, он, вместо ожидаемой македонской конницы, увидел небольшой отряд скифов, что пылил, догоняя их по склону.

– Куда торопишься? – раздался вскоре над ухом Федора знакомый голос Лехи Ларина, когда стих топот копыт.

Человек пятьдесят скифов, в потрепанных и запачканных кровью доспехах, остановили своих коней на склоне холма позади него. Сам бравый адмирал и по совместительству начальник конного воинства был цел и невредим, лишь задет мечом вскользь по руке, о чем говорил разодранный в этом месте чешуйчатый нарукавник.

– Ты вовремя! – обрадовался Федор, чуть отдышавшись, – а то я уж начал думать, что не догоним. Слишком уж они быстро улепетывают.

– Ты о ком? – не понял Леха.

Вместо ответа Чайка преодолел оставшиеся тридцать метров до вершины холма, обошел брошенные шатры, и указал другу на отряд пехотинцев, взбивавших пыль на дороге по направлению к городским воротам. Замыкавшие колонну воины постоянно оборачивались назад, ожидая погони. А впереди отряда медленно ехал на коне, в окружении еще нескольких всадников, воин в дорожных доспехах. Он мог бы пустить коня вскачь и вскоре быть в городе, но не делал этого. Видимо, Агелай хотел, чтобы его бегство выглядело как тактическое отступление. Это могло хоть как-то оправдать его в глазах тех, кто доверил ему защиту союза. Но, Чайке было уже все равно, что движет стратегом этолийцев. Очень скоро он перестанет быть стратегом союза, как и сам союз, перестанет существовать.

– Это бежит Агелай, – пояснил Федор другу, указав на отряд пехотинцев острием своей фалькаты, – и если он успеет скрыться за воротами этого города, то мы застрянем под его стенами на долгое время. Надо его догнать.

– Сейчас сделаем, – кивнул Леха, надав коню пятками, – я обгоню его и задержу на дороге. А ты уже дальше сам поспешай. Народу у меня маловато, чтобы всех разогнать.

– Ты мне главное Агелая захвати, – кивнул Федор, – или хотя бы задержи до моего подхода.

Ларин издал громкий свист, и его скифы устремились вдогон последнему отряду Агелая. Они обогнули спешивших пехотинцев противника по краю холма и налетели так быстро, что сделать было уже ничего невозможно. Путь к отступлению был отрезан. Услышав крики преследователей, Агелай обернулся. Дернул, было, коня, но было поздно. Между ним и городскими воротами находилось несколько десятков воинов в чешуйчатых панцирях. Охватив голову отряда полукольцом, Ларин бросил своих копьеносцев в атаку. Это было если не самоубийством, то уж во всяком случае, смело. Им противостояло почти пятьсот человек, – теперь, сбега с холма, Федор мог точнее оценить количество пехотинцев в эскorte Агелая. Но за его спиной находилось еще больше солдат. Чайка их не пересчитывал, но из потрепанной в бою хилиархии морпехов в строю оставалось без малого тысяча воинов. Достаточно, чтобы захватить Агелая. Оставалось успеть, ведь в первых рядах этолийских пехотинцев, как и в последних, находились лучники. Они немедленно начали массированный обстрел скифов, пуская стрелы в упор. Точно такой же обстрел начали лучники из арьергарда колонны отступавших этолийцев, вынужденных остановиться и принять бой.

– Колонне разделиться! – приказал Федор на бегу, когда между ними оставалось не более двухсот метров, – охватить строй противника с двух сторон и уничтожить.

Этот маневр морпехи в темно-синих панцирях, проделали безукоризненно, охватив полукругом и с ходу атаковав строй этолийцев под непрерывным обстрелом лучников. Остановив продвижение этолийцев, которые поднимали щиты, изготовившись к обороне, сам Чайка с четырьмя спейрами бросился в прорыв вдоль строя противника, чтобы побыстрее оказаться в его голове. Там скифы из последних сил сдерживали наступление Агелая, рвавшегося к спасительным воротам.

Лучники противника «работали» очень точно и Федор прорвался к скифам всего с парой сотен человек. Да и от скифов, то налетающих на шеренги пехотинцев, за которыми

спрятался Агелай с ординарцами, то откатывавшихся назад под их давлением, осталось не больше трех десятков воинов. Но Ларин был еще жив и Чайка был доволен его атакой, – Агелай не смог сбежать и находился здесь, охраняемый своими солдатами. «А остальное, дело техники, – радостно осклабился Федор, отбивая щитом пущенную в него стрелу, – сейчас разберемся с этим стратегом. Пора. Время пришло».

– Эй, Агелай! – подняв щит, крикнул он, приближаясь к строю противника, который медленно продвигался ему навстречу, – битва проиграна! Мы победили. Союзу конец. Но, ты еще можешь сдаться и тогда я, Федор Чайка, сохраню тебе жизнь.

Он не рассчитывал на ответ, лишь хотел позлить этолийцев, но, неожиданно ответ поступил.

– А что ты хочешь взамен? – раздался, перекрывая шум битвы, зычный крик из-за спины трех шеренг пехотинцев, отделявших Федора от Агелая, все еще восседавшего на коне, – чтобы свободные эллины, стали служить Ганибаллу, этому новому выскочке и тирану?

Чайка не успел ответить, поскольку новая стрела едва не поразила его в лицо, чудом отскочив в сторону от шлема с плюмажем. Когда он поднял голову, то Агелай дал свой окончательный ответ.

– Мы не хотим служить ни македонцам, ни Ганнибалу, – крикнул Агелай, выхватывая меч, – мы лучше умрем, но не покоримся.

Он видел, что его дело проиграно и карфагенские морпехи, перебив половину этолийских солдат, все плотнее сжимают кольцо окружения.

– Что же, – кивнул Федор с некоторым облегчением, – ты сам выбрал свою судьбу. Сейчас ты умрешь.

Новый удар скифов пробил брешь в шеренгах пехотинцев, защищавших Агелая, и тот с мечом бросился навстречу одному из конных скифских воинов, которым оказался сам Ларин. Стратег и предводитель скифов, сблизившись, но скиф был вооружен копьем и нанес удар первым. Он выбил щит из рук Агелая, выкинув того из седла. Стратег этолийцев свалился в пыль, исчезнув там на короткое время. Пока Леха отбивался от подскочивших пехотинцев и заносил руку для второго удара, Агелай встал. Но, тут же получил новый удар копьем в плечо и вновь рухнул на землю.

– Возьми его в плен! – крикнул Федор, бросаясь к месту схватки с несколькими морпехами, сквозь открывшуюся брешь, но не успел.

Окровавленный Агелай, сумев подняться лишь на колени, схватил свой меч и бросился на него, лишив себя жизни и позора за поражение в битве. Оказавшись рядом спустя несколько мгновений, Федор увидел лишь окровавленное тело грека, не пожелавшего служить своим завоевателям.

– Ну, что же, – выдохнул Федор, глядя на мертвого Агелая, – для воина это не самый плохой конец.

Пока его морпехи добивали все еще сражавшихся этолийцев, Федор покинул место схватки и вышел к подножию холма, устало присев на камень. Оттуда он посмотрел на город. Стены и башни Ферма возвышались в каких-то пятистах метрах. Массивные ворота столицы Этолии, до последней минуты, остававшиеся открытыми, на его глазах медленно захлопнулись, не дождавшись своего стратега. Это была победа.

Глава восьмая «Новый приказ»

Налетевший шквал был коротким и лишь вспенил волны вокруг кораблей, никого не обманув и не напугав. Это был последний жест отчаяния со стороны Посейдона. Чайка видел, что далеко впереди, на выходе из Коринфского залива, облака рассеиваются, предвещая несколько дней хорошей погоды, а, значит, спокойного плавания.

– А больше нам и не надо, – пробормотал себе под нос Федор, стоявший на корме

флагманской квинкеремы, в окружении офицеров, — за это время мы должны успеть добраться до южной оконечности Пелопоннеса. А, если боги и дальше будут благоволить, то и до восточной.

Он обернулся назад, словно пытаясь рассмотреть пенной дымке волн далекий Навпакт, уже давно оставшийся позади. Сейчас город Навпакт, вернее, то, что от него осталось после совместной военно-морской операции ахейского и карфагенского флота, находился по правому борту. Там теперь хозяйничали войска Филиппа, которому Федор передал этот город в управление, сам же с остатками армии направился назад к Калидону, до сих пор не желавшему сдаваться. Путь его лежал в обратном направлении вдоль побережья, с той лишь разницей, что для достижения Калидона, лежавшего чуть в стороне от моря, придется вновь углубиться в земли Этолии.

Столица Этолийского союза сопротивлялась не долго. После недельной осады и разрушения большей части укреплений Ферм сдался на милость победителей. Вернее, победителя, которым был македонский царь Филипп. Федор Чайка, с остатками своей армии, к тому времени уже был далеко. Двигался по направлению к Навпакту, главному гнезду морского флота этолийского союза, который, потеряв голову, все еще сопротивлялся несколькими своими щупальцами, не желая признавать поражения. Это делало честь некоторым отчаянным военачальникам, но Федор уже давно понимал, что дни этолийского союза сочтены. Его армия разгромлена, остатки разбежались по всем окрестностям Этолии, в надежде добраться до своих родных городов. Но это было бесполезно, поскольку очень скоро все оставшиеся страны и города бывшего союза войдут в сферу влияния Македонии. И Карфагена.

По сути, рейд на побережье к Навпакту уже был вторжением в земли соседнего полиса, Локриды-Озольской, но, поскольку сами жители этого полиса очень давно себя называли не иначе, как этолийцами, то это было просто продолжение военных действий против Этолийского союза. Нужно было поставить еще несколько жирных точек, прежде чем сопротивлению эллинов в этой части Греции будет окончательно сломлено.

После начала осады Ферма, Чайка обсудил с Филиппом необходимость немедленного рейда к Навпакту и царь согласился отпустить Федора к побережью. Здесь ему больше не нужны были военачальники, с которыми впоследствии потребуются делиться славой. Хватило и того, что сражение было выиграно во многом благодаря контрудару карфагенян, а македонцам осталось лишь добивать обескровленного и сломленного противника. Даже то, что Федор едва не пленил Агелая, царь не мог ему простить, поэтому и задерживать не стал.

— У меня хватит сил в одиночку захватить этот город, — уведомил царь Федора на пиру, который он закатил для своей армии немедленно после победы над войском этолийцев, не дожидаясь взятия Ферма, — осадной артиллерии и людей у меня предостаточно. На суше воевать пока больше не с кем. Так что ты смело можешь заняться Навпактом вместе с нашими союзниками.

Отпив вина, он взмахнул рукой с кубком, указав на город, отлично различимый из шатра в котором был накрыт длинный стол для военачальников. Здесь, кроме Федора Чайки и Ларина, можно было заметить Демофонта, Плексиппа и Девкалиона, как выяснилось, также хорошо знакомого Лехе Ларину по предыдущим походам скифов за Истр.

— А потом, когда я разделаюсь с неразумными жителями этого города, — заявил Филипп, — мы с тобой продолжим наш поход на восток вглубь Греции. Через Дориду, Локриду-Озольскую и Фокиду в Беотию на Фивы. А оттуда, возможно, и в Аттику. Во всяком случае, прежде всего, следует напомнить всем полисам, которые до сегодняшнего дня входили в Этолийский союз, что у них появился новый хозяин.

— Возможно, так оно и будет, — уклончиво ответил Федор, пригубив вина из раззолоченного кубка, имевший насчет «хозяина» свои соображения, — но, я человек подневольный и жду новых приказов от Ганнибала. А пока немедленно отправлюсь в Навпакт. Оттуда же, если по окончании этого похода, не поступит сведений о сдаче Калидона, мы выступим туда.

– Разумно, – согласился Филипп, ухмыльнувшись, – если Ферм падет быстро, я и сам справлюсь с Калидоном. Если же придется здесь немного задержаться, то буду рад, если твое доблестное войско займется этими мятежниками.

На том и порешили. Обреченные на смерть жители Ферма всю ночь могли наблюдать со стен города тысячи костров и слышать звуки кифар, видя, как гуляет македонская армия, перед тем как начать смертоносный штурм.

Дав армии отдохнуть денек, за время которого македонцы подтянули к городу осадные орудия и начали бомбардировку, Федор решил, что пора поставить Ганнибала в известность о происшедшем. Конечно, он и сам узнает, но от Федора новый тиран ждал детального описания ситуации.

Наутро, перед тем, как выступить в поход, Чайка отправил гонца с сообщением к Ганнибалу, отписав ему обо всем, что произошло и, заодно, о планах Филиппа. В том же письме он просил дальнейших приказов о том, что ему делать, после окончательного разгрома Этолийского союза. Письмо было не из тех, что могли попасть в руки врага и Чайка отдал его в руки скифу, отрядив в качестве охраны с ним почти всех выживших соплеменников. Конный гонец должен был проделать весь путь обратно до лагеря, из которого они начали свой поход, и, сделав дело, вернуться к побережью, разыскав Чайку либо у Навпакта, либо уже по дороге в Калидон. Письмо же из лагеря на специальном корабле отправится напрямик к Ганнибалу в Италию, а ответ «настигнет», его где-нибудь на побережье Этолии. Вторым письмом Федор вызвал весь свой флот к Навпакту. Во всяком случае, все должно было произойти именно так. А пока что Федору было чем заняться.

Его армия после сражения с этолийцами несколько поубавилась в размерах и насчитывала теперь всего лишь пять с половиной тысяч пехотинцев, включая морпехов, и шесть слонов. Остальные пали на поле боя. Там же осталось и дюжина баллист, уничтоженных этолийцами во время контратаки. Тем не менее, армия Чайки все еще оставалась вполне боеспособным соединением, хотя и нуждалась в подкреплениях на тот случай, если Ганнибал решит возложить на нее еще какое-нибудь задание.

За следующие двое суток карфагеняне беспрепятственно преодолели расстояние до побережья и охватили Навпакт с суши, блокировав все подступы к этому порту, в гавани которого уже несколько дней назад был плотно «запечатан» хоть и потрепанный, но все еще боеспособный флот этолийцев. Всего здесь было восемнадцать кораблей, уцелевшие в сражениях с ахейцами. Против них выступало двадцать пять триер, принадлежавших ахейцам и сиракузская эскадра Евсида. Этих сил хватило на то, чтобы загнать противника в гавань и пресекать все попытки выбраться на оперативный простор. Пока Федор восстанавливал порядок в прилегавших к городу предместьях, отрезав его от снабжения и проведя ряд стычек с пехотными частями, решившими проверить насколько сильны карфагеняне в ближнем бою, в Коринфский залив прибыла его собственная эскадра из двадцати двух квинкерем.

Проведя массированную бомбардировку укреплений, следствием которых явился пожар, который едва смогли потушить, Чайка заставил защитников города поверить в скорый конец и бессмысленность сопротивления. Огромный флот, ожидавший их в море и полная блокада с суши, быстро привела город в истощенное состояние и, спустя неделю, Навпакт сдался. Но, перед этим, сжег весь свой флот, кроме войны, нередко промышлявший пиратством.

– Вот и исчезла последняя надежда этолийского союза, – констатировал Федор, глядя из своего шатра на то, как пылают корабли, дым от которых временами застилал солнце.

Разобравшись с флотом этолийцев, Чайка получил сообщение от Филиппа, что осада Ферма затягивается и поспешил со своей армией назад вдоль побережья Этолии к городу Калидону, не желавшему внять голосу разума и сложить оружие. Отправляясь в этот поход, Федор предчувствовал скорое получение новых инструкций из-за моря, которые изменят направление главного удара, и готов был предоставить Филиппу возможность в одиночестве наступать вглубь Греции, как тот и хотел, через Дориду, Локриду и Фокиду на Фивы. У

Чайки росло убеждение, что вскоре ему понадобятся все свои солдаты и распылить силы на благо Филиппа он не особенно хотел.

Флот ахейцев, частью остался патрулировать воды Навпакта, большая же часть последовала за армией карфагенян, присоединившись к ее флоту, согласно приказу Чайки. В недавних сражениях флот ахейцев под командой Филопемена показал себя хорошо, но потерял немало кораблей, чему Федор ничуть не огорчился. Он уже начал разделять общее мнение, бытовавшее среди политиков высшего ранга, – чем слабее союзник, тем меньше с ним проблем.

Осадив Калидон, Чайка приказал Филопемenu снять половину солдат с кораблей и отправить их на штурм города. Ахейский стратег нехотя подчинился, хотя и долго ворчал, что это не флотская операция. Калидон, хоть и не был столь обширен, как Ферм, но занимал господствующую возвышенность и потому оказывал упорное сопротивление целых десять дней. Осадная артиллерия Чайки превратила его ворота в решето, частью обрушила стены и башни. За это время пал Ферм, и Федор с радостью сообщил защитникам города об этом, предъявив им македонских посланников, прибывших к нему с этим радостным известием. Защитники города ответили яростной вылазкой, уничтожившей половину метательных орудий.

Узнав о том, что произошло, он выбежал посреди ночи из шатра и явился на позиции артиллеристов, но застал лишь пожарище, на том месте, где еще недавно находились его лучшие катапульты.

– Эти эллины никак не хотят умирать, – в ярости крикнул Федор, и, увидев подле себя Бейду и Кумаха, заявил, – мы немедленно идем на приступ. И, клянусь богами, это будет последний приступ для этого проклятого города.

Пехотинцы Карфагена приступили к стенам, и с боем прорвались сквозь бреши в стенах, которые защитники успевали каждый раз почти восстановить за ночь после обстрела. На этот раз Чайка не стал ждать, пока взойдет солнце. К рассвету Калидон был превращен в груды развалин и залит кровью. Разъяренный Федор сам вел своих бойцов в бой и, захватив центральные кварталы, приказал казнить всех старейшин, а город предать огню, запретив даже грабить.

Спустя день к нему прибыл посланник с письмом от Ганнибала. Он прискакал посреди ночи на коне от самого побережья Этолии, где сейчас стоял флот Чайки в ожидании дальнейших приказов. Ознакомившись с посланием Ганнибала, Федор был удивлен меньше, чем ожидал. После разгрома Этолийского союза ближайшее к месту дислокации экспедиционного корпуса «проблемной зоной», если не считать ахейцев, оставалась Спарта с ее революционными настроениями. Там сейчас властвовал царь Маханид, давний знакомец Филопемена, при упоминании имени которого у ахейского стратега руки в ярости сжимались на мече, а зубы начинали скрежетать. Ганнибал знал об этой ситуации и решил использовать ее себе во благо. Он сообщал Федору, что информация о новом походе должна достигнуть Филиппа сразу после того, как он выдвинется в сторону Фив. На начальном этапе операцию предстояло начать вместе с ахейцами по суше, это не слишком насторожит македонского царя. Но, сразу же после начала сухопутного наступления через Аркадию, Чайке предписывалось морем перебросить всю свою армию на Пелопонесс и, высадив десант, двигаться к Спарте, с тем чтобы захватить ее раньше войск ахейского союза. После этого, Федор должен был объявить Спарте собственностью Карфагена.

Закончив читать донесение, Чайка, словно заправский шпион, сжег папирус в огне свечи у себя в шатре и задумался. Чего-то подобного он и ожидал. Конечно, Филипп вряд ли будет рад захвату своими союзниками части греческих территорий, но и к войне между ними это также вряд ли приведет. «Грецию они как-нибудь поделят, – решил Чайка, рассматривая пламя догоравшей свечи, – Филипп уже спит и видит себя хозяином Афин. И, если это ему удастся, да еще с нашей помощью... То, насчет Спарты он возражать не будет. Даже если захочет, то придется смириться, – будет уже поздно. Да и насчет Афин еще тоже не все так ясно. Пообещать то помощь мы можем, а как оно повернется, знают только боги

и...Ганнибал. Я ему не судья. В конце концов, наше дело маленькое, – приказали захватить Спарту, захватим. А там, как карта ляжет».

Федор вышел из шатра и приказал адъютанту вызвать к себе немедленно Филопемена. Прежде чем вернуться обратно, он скользнул взглядом по лагерю, тонувшему в предрассветной дымке. За частоколом виднелись развалины Калидона, напоминавшие обгоревший скелет морского чудища из мифов.

Вернувшись в шатер, Федор отпил вина из кувшина и, в ожидании стратега ахейцев, продолжил свои размышления. Хотя сейчас Спарта была уже не той силы, что лет триста назад и, вместо гегемонии надо всей Грецией, мечтала лишь о сохранении своих границ, но и вовсе со счетов ее сбрасывать было нельзя. Брожения там шли последние лет тридцать, но этот полис переживал, можно сказать, новое рождение, вынашивая революционные идеи. Спарта периодически воевала с Ахейским союзом, то отрывая от него куски, то отдавая их назад после поражений. И, если дать Маханиду укрепить свои позиции, то для ахейцев и многих других это могло кончиться плохо.

Царь Филипп пытался и здесь распространить свое господство, но если раньше ахейцы, как могли, противостояли его попыткам, то теперь сдались на милость македонцев в расчете на их военную помощь против неслыханных изменений. Однако, Ганнибал решил сыграть свою партию. Филипп, мечтавший о всегреческой гегемонии, уже выступил в поход вдоль этолийского побережья на Фивы и, не собиравшись распылять свою армию на два фронта. Покоренную в недавнем прошлом Спарту, он не считал сейчас опасным союзником в отличие от ахейцев, постоянно страдавших от ее выпадов. Один из таких выпадов произошел буквально на днях. Армия Маханида напала на приграничный аркадский город, ограбила его и выжгла дотла, прежде чем вернуться назад. «Это может сыграть нам на руку», – подумал Федор, глядя, как поднимается полог шатра, после сообщения часового.

Идею предпринять немедленное наступление на Спарту с попыткой захвата столицы Филопемени воспринял с воодушевлением. Мгновенно исчезло все недоверие к карфагенскому военачальнику. Ахейского стратега даже не смутил намек Федора на то, что это не приказ Филиппа, а его собственная инициатива.

– И когда мы можем начать это наступление? – поинтересовался Филопемени, в глазах которого уже горел огонь предстоящих битв.

– Я отправил гонцов к Филиппу с сообщением о том, что наш флот завтра переправится на другую сторону Коринфского залива и высадит там армию для сухопутного наступления на Лаконику через Ахаю и Аркадию.

– Это хорошо, – кивнул Филопемени, попавшись на удочку и неожиданно решив за Федора главную проблему, – но, по суше до Спарты путь не близкий и шпионы Маханида узнают о нашем продвижении. Он сумеет подготовиться. А что если отправить морем часть армии и высадить ее в союзной Мессении или...

Филопемени в задумчивости почесал бороду, закончив мысль.

– Прямо на спартанский берег.

Федор смерил его озадаченным взглядом, хорошо разыграв изумление.

– Мы готовы отдать для этого часть своих кораблей, но их будет мало, – признался Филопемени, – вот если твой флот поможет нам в этом нападении, – у вас большие корабли, – то мы наверняка разобьем Маханида. Нужен сокрушительный удар. Наступления с двух сторон он не ждет и вряд ли сможет отразить.

Чайка сделал вид, что крепко задумался. Филопемени ждал его ответа, не проронив ни слова. Он скрестил руки на груди своего панциря, впевнив взгляд в представителя Ганнибала.

– Ну, что же, – наконец очень медленно проговорил Федор, – пожалуй, это можно попробовать. Завтра мы переправим твоих солдат, что сражались у Калидона вместе с тобой в Ахаю. В Патры. Там ты погрузишь на мои корабли столько солдат, сколько сможет выделить ахейский союз, и мы, не мешкая, отплывем в сторону Спарты, условившись начать наступление одновременно.

– Но, сражение со спартанцами на суше потребует всех моих сил, – ответил слегка

озадаченный Филопмен, – а я потерял уже немало солдат в битвах за Этолию.

– Зато теперь у ахейцев нет врага по эту сторону Коринфского залива, – резонно заметил Чайка, – за эту победу вы заплатили не столь уж большую цену. Здесь гибли по большей части мои воины и солдаты Филиппа.

– Это так, – не стал спорить Филопмен, но все же добавил, осторожно подбирая слова, – но, мне предстоит наступать по суше и столкнуться с главными силами Маханида, поэтому ...морскую операцию было бы удобнее провести только с помощью твоей армии и флота и ваших союзников.

– Только моей? – вновь разыграл удивление Федор, хотя в глубине души был такому повороту очень рад, – ты уже передумал отдать для этой цели даже свои корабли?

– Корабли мы, конечно, дадим, – поспешил успокоить его Филопмен, – правда, не все. Часть тоже придется оставить для защиты побережья.

Чайка ухмыльнулся, ох и скользкий же был этот Филопмен, но действовал он именно так, как и было нужно Федору. А потому Чайка не стал напрягать его даже насчет кораблей. Словно в ответ на эти мысли Ахейский стратег тоже решил проявить участие.

– Хватит ли на этот поход твоих собственных сил? – озадачился Филопмен, – может быть, попросить помощи у Филиппа?

Федор выдержал паузу. Его армия после осады неожиданно упорной обороны Калидона уменьшилась еще на тысячу воинов и не превышала теперь четыре с половиной тысячи пехотинцев. Это была уже почти половина той армии, что вступила в Этолию. А спартанцы, в каком бы упадке они не находились, это не этолийцы. Гены не пропьешь. И тут Филопмен был прав, – начинать наступление с четырьмя тысячами воинов на Спарту, – это еще не гарантия успеха. С другой стороны не стоило сбрасывать со счетов восемь тысяч ахейцев, которым предстояло напасть на Спарту посуху и оттянуть на себя главные силы противника. Таким образом, Федору предстояло высадиться на берег и нанести удар по незащищенным тылам. И все же, Филопмен был прав, – его армия была не слишком большой для такого предприятия. А, отважившись напасть на Спарту, следовало наносить только смертельный удар.

Чайка, молча, поднял глаза на ахейского стратега, сидевшего напротив него за столом, и подумал о том, что никак не может ему раскрыть истинного положения дел. Новый приказ Ганибалла предписывал Федору обогнуть Пелопоннес и высадиться с десантом на побережье Спарты в районе города Этил. Оттуда до столицы Лаконии ближе всего. В условленную точку уже шли корабли из Брундизия с необходимой пехотой и артиллерией. Так что, в точке сбора армия Карфагена будет выглядеть вполне внушительно для того, чтобы сокрушить кого угодно. Но ахейскому стратегу и Филиппу Македонскому знать об этом не стоило до самого последнего дня. Хотя какую-то часть правды ему предложить стоило, иначе Филопмен мог заподозрить неладное.

– Что же, ты прав, – произнес Федор, чуть подаваясь вперед, – но, во-первых продвижение армии Ахейского союза отвлечет на себя главные силы спартанцев, а они малочисленны. Так что вряд ли мне в тылу будут противостоять большие армии. Но, на всякий случай, я привлеку к этому наступлению эскадру из Сиракуз. На их кораблях достаточно пехотинцев, которых я смогу использовать, если в Спарте произойдет какая-нибудь неожиданность.

– Согласен, – ответил Филопмен, у которого от этих сведений испарились последние сомнения.

– Тогда будь готов сегодня же выступать, – приказал Федор, окончательно принимая роль главнокомандующего объединенными силами в новом походе, – как рассветет, ты со своими воинами отправишься на берег и начнешь грузиться на корабли. Я со своей армией сделаю тоже самое чуть позже. Но, все мы отплывем в Ахайю завтра утром. Дольше ждать не зачем. И главное...

Федор встал, поправив кожаный пояс и ремни, на которых висели ножны фалькаты.

– Никому из приближенных ни слова о морской операции, – иначе для спартанцев это

не будет полной неожиданностью.

– Я не привык болтать лишнего, – обиженно кивнул Филопемён, – особенно, когда речь идет о том, чтобы отомстить спартамцам.

На том и расстались. Теперь Федору было ясно почти все относительно своих ближайших действий в Греции. Не возможно было просчитать только один фактор, – появление на этой арене скифов. Орды Иллур находились сейчас, по некоторым данным, где-то в районе Месембрии и Аполлонии, осаждая эти города, но вот-вот должны были пройти по землям Фракии и появиться в северной Греции. Однако, точного времени появления скифов никто предугадать не мог, – памятуя о судьбе Херсонеса и Ольвии, греческие колонисты сопротивлялись очень упорно, понимая, что борьба идет не на жизнь, а на смерть. Даже Леха Ларин не имел более точных сведений, поскольку долго оставался без связи со своим царем. В последних битвах он потерял почти всех людей и теперь находился на положении одного из военачальников с личными адъютантами при штабе экспедиционного корпуса карфагенской армии. Поскольку больше, чем на личных адъютантов его восемнадцати уцелевших бойцов не хватало. Разве что, из уважения к преданности и боевому опыту этих бородачей Федор решил использовать их иногда в качестве личной охраны. Так они хотя бы находились при деле. Поскольку посылать их в таком количестве в любой прорыв теперь было трудновато. Впрочем, Ларин не грустил. Он и в этом положении находил свои плюсы.

– Ничего, – уверял он Федора, – вот прорвется сюда Иллур, тогда вновь армию получу, а пока и на кораблях поплавать можно. Я же все-таки адмирал.

Последние слова Леха произнес, узнав о том, что им вскоре предстоит морская прогулка, о конечном пункте которой Федор до выхода в море пока умолчал, зная нрав друга, любившего побалагурить.

– Если придется, поставлю тебя и кораблями командовать, – пообещал Федор, поднимаясь на следующий день вместе с Лариным по сходням на палубу боевой квинкеремы, – а пока при мне будешь. На этом корабле.

– Можно и при тебе, – ухмыльнулся Леха, – какая разница, где плыть, лишь бы на месте не сидеть.

– Ну, веселую прогулку я тебе обещаю, – улыбнулся Федор, обводя рукой свой флот, – вон, видишь, сколько сил с собой берем. И, это еще не все.

Леха приблизился к кормовому ограждению и, осмотрев пристань, устроенную в одной из уютных гаваней неподалеку от Калидона, даже присвистнул, пересчитав корабли. Здесь был пришвартован весь боевой флот Федора, с которым он прибыл в Акарнанию, пополнявший сейчас припасы. Кроме него, у берега находился ахейский флот и сиракузская эскадра под командой Евсида. Всего около пяти десятков кораблей разного калибра. И это не считая грузовых плоскодонных судов, перевозивших весь осадный обоз, артиллерию, коней, слонов, и припасы.

– Куда плывем? – поинтересовался Леха, не выдержав, – Египет, что ли завоевывать?

– Ну, для Египта тут силенок маловато собрано, – отшутился Федор, с гордостью оглядывая свои морские силы, – но, для небольшой морской операции хватит.

– Ох, темнишь, капитан, – в свою очередь усмехнулся Ларин. – А Египет ты лучше нам, скифам, оставь. У нас к нему свои счеты. Древние. По такому случаю я к Александрии подгоню свою эннеру и как дам из главного калибра, ни одного здания на берегу не останется.

– Да ты настоящий варвар, – заметил Федор, – там же много ценного храниться. И не только золота. Библиотека, например, карты древних мореплаваний, свитки всякие от фараонов.

– Ну, ладно, – согласился Леха, слегка обиравшись на замечания друга, – я хоть и варвар, а библиотеку пощажу. Сам читать и не люблю, только глаза портить, а остальные пусть балуются этими свитками. Мне и золота хватит.

Федор оторвал взгляд от готовившихся к походу кораблей и заметил вскользь,

задумавшись о чем-то своем.

– На Египет нам пока нельзя, – пробормотал он тихо себе под нос, но Ларин его услышал, – в этой операции с нами ахейцы будут воевать, а Птолемеи Египетские их исконный союзник. Деньгами регулярно помогают.

– Да? – Леха с подозрительностью уставился сначала на Федора, а затем попытался отыскать глазами корабли ахейцев, – зачем же мы тогда с ними дружим?

– Политика, брат, – криво усмехнулся Федор, и постарался побыстрее перевести разговор в другое русло, а то по лицу друга было заметно, что он готов хоть сейчас схватиться с Филопеменом, за то, что тот посмел дружить с египтянами, – но, нам сейчас не до Египта. Так что можешь быть спокоен. Мы дальше Греции не поплывем.

– Значит, с местными греками что-то не поделили? – вновь обрадовался Леха, – другое дело. Хорошо бы со спартанцами, а то я так и не смог с ними у Одесса по душам поговорить. Драпать пришлось так, что стыдно вспоминать.

– Кто знает, – туманно ответил Федор, стараясь не раззадоривать друга, – кто знает.

Глава девятая «Пелопоннес»

Высадка в Ахайе прошла спокойно. Чтобы лишний раз убедить стратега ахейцев, что они действуют заодно, Федор настоял на том, чтобы Филопемени все же отдал ему для морского предприятия часть своих кораблей, а именно шесть триер, оставив остальные для защиты собственных берегов. От кого их нужно защищать после полной победы над этолийцами, Чайка не представлял, но настаивать на большем количестве не стал, сделав вид, что не заметил никакой хитрости в действиях Филопемени, не желавшего, чтобы пострадал его итак не слишком большой флот. Чайке и не нужно было от ахейцев никакой поддержки, кроме главного наступления по суше. Остальное он намеревался сделать сам, при помощи тех подкреплений, что как раз сейчас должны были покидать Брундизий. А шесть триер, взятые в поход для выполнения союзнического долга, всегда можно было отправить назад за ненадобностью. Шпионы в собственном стане ему были тоже не нужны. Федор так и предполагал сделать, едва достигнув Этилы, если вдруг у него на пути не окажется какого-нибудь неучтенного флота, заставившего принять морское сражение. Флота Спарты, – а он у нее теперь был, вопреки заветам Ликурга, и насчитывал не больше пятнадцати старых кораблей, – Чайка не боялся.

Еще в Этолии Филипп, узнав о походе на Спарту, ничуть не встревожился, даже наоборот. Выразил уверенность, что вместе с ахейцами они легко одолеют Спарту, уже однажды поверженную силой македонского оружия. Он даже отписал Чайке, что тот может, в крайнем случае, использовать его небольшие гарнизоны, расположенные в нескольких городах Аркадии, как раз на предполагаемой дороге армии Филопемени. Это секретное послание Филиппа догнало Чайку буквально в день отплытия из Ахайи и слегка озадачило. Македонский царь, ревнивый к чужим успехам, пусть даже еще и не состоявшимся, был удивительно сговорчив. То ли на самом деле он не верил в успешный исход операции, то ли поработали дипломаты Ганнибала. Впрочем, Федору это было без разницы. Главное, что знатный македонец не мешал ему выполнить приказ своего начальства, остальное само собой прояснится со временем.

Посетив ненадолго крепость в Патрах, Чайка заметил следы недавних обстрелов с моря и уличных боев: обугленные и разрушенные в нескольких местах стены, а в порту еще оставалось не разобранными обгорелые остовы военных и торговых кораблей.

– Досталось вам от этолийского флота, – посочувствовал Федор ахейскому стратегу, когда они вместе с ним осматривали порт, находясь на одной из башен, и решали вопрос о том, какие и сколько кораблей выделить для похода на Спарту.

– Они едва не захватили весь город, – кивнул Филопемени, махнув рукой назад, где находились основные городские постройки, – прорвались в порт и уже успели выбить наших

солдат, заняв часть стены. Хорошо, что я успел вовремя вернуться и нанести им удар в спину.

Он с некоторой благодарностью посмотрел на Федора, не помешавшего ему тогда выполнить этот рейд.

– Так что, обошлось.

– Зато вашу месть они запомнят надолго, – поддержал разговор Федор, положив руки на пояс, – Навпакт захвачен, а флот этолийского союза сожжен.

– Сожжен, – подтвердил Филопемен, взявшись за край стены, – жаль только, что это сделано не моими руками.

– Главное, что его уже нет, – успокоил Федор своего союзника, – и больше этолийцы никогда не нападут на эти берега. А о том, что не ты лично поднес факел к бочке со смолой не стоит горевать. Еще успеешь повоевать на море, если так сильно хочешь. Хотя, я слышал ты не большой любитель морских походов.

Ахейский стратег слегка вздрогнул, но Федор, читавший в донесениях своих шпионов о его просчетах на море, не стал раздувать эту тему. Вместо этого, Чайка вздохнул, и, снова посмотрев на порт, где теснилось у пирса множество военных кораблей, напомнил:

– Так какие из этих триер ты отдашь мне для победоносного похода на Спарту?

Первый день плавания прошел спокойно. Вдоль побережья Элиды караван из военных и грузовых судов двигался достаточно быстро и на большом удалении. Внезапность была главным козырем Федора Чайки, хотя его то и дело подмывало сбросить ход. Была вероятность, что караван из Брундизия идет следом и вскоре появится в этих водах, так что можно было бы прийти в Этил в едином строю. Но, как ни вглядывался Чайка в горизонт, который быстро затягивало тучами, так никого и не увидел.

В целях сохранения внезапности операции против Спарты, Федор вообще не хотел останавливаться на ночлег, а провести эти два дня в море. Но, небольшой шторм, грозивший потопить его корабли, все же заставил сделать вынужденный ночлег в узкой гавани у каменистого мыса на краю Мессении. Буквально в половине дня пути от намеченной цели. Федор выбрал наиболее удаленное от городов место и, причалив к берегу, выставил охрану по кромке прилегавшего скалистого холма, чтобы отгоняла непрошенных гостей. Корабли вытащили на берег. Конечно, мессенцы хоть и были сейчас союзниками, обязанными своей свободой от Спарты Ахейскому союзу, но в курс дела их никто не вводил. Они могли испугаться и решить, что этот грозный флот прибыл к берегам Мессении с недружественной задачей. А даже выяснив, что это не так, они могли все равно поднять ненужный шум. Пешком отсюда до Спарты, если напрямик, было гораздо быстрее, чем плыть вокруг полуострова. А при желании можно было и через горный хребет Тайгета перебраться, чтобы достичь самой столицы Лаконии. Если бы кто захотел заблаговременно предупредить Маханида о приближении вдоль берега ахейского флота, то вероятно, успел бы это сделать, отправив быстрого гонца. Поэтому распивать вино с мессенцами было еще рано.

К счастью, всю ночь погода была ужасной, низкие облака накрыли бухту, и тем самым спасли флот от излишнего внимания. А утром, едва развиднелось, ветер поутих, и Федор приказал немедленно покинуть стоянку. Он надеялся, что его краткое пребывание здесь останется незамеченным, хотя к своему неудовольствию увидел на холмах нескольких местных жителей, издали разглядывавших неизвестный флот. Вероятно, были и другие. «Да, у меня все же не одна рыбацкая лодка, – должен был признать Федор, оказавшись в море, – такое количество военных кораблей кого хочешь, заинтересует. Проклятый шторм».

Впрочем, дальнейшее плавание вдоль берегов Спарты тоже не вселяло спокойствия, но здесь было волноваться уже не о чем. Следующая стоянка была запланирована Федором уже на вражеской территории.

Город Этил, намеченный для высадки десанта, находился вблизи западного побережья

полуострова, который оканчивался мысом Тенар. Здесь горный хребет Тайгет⁹ терял свою высоту и распадался на холмы, переходящие кое-где в равнины. Чайка собирался захватить с ходу этот город, соединиться с подкреплениями и двинуться на столицу Лакедемона в обход отрогов Тайгета по кратчайшему пути. В случае удачной высадки с этой стороны открывался прямой путь по равнине в самое сердце Спарты, до которой можно было дойти без помех примерно за два дня. Если, конечно, сами спартанцы будут не против, в чем Федор сильно сомневался. Поэтому рассчитывал достигнуть стен столицы Лакедемона вместе со своим экспедиционным корпусом не раньше чем через четыре дня.

С нападением тянуть не стоило, но и прибыть раньше на один день тоже было не лучшим вариантом. К этому времени ахейцы уже должны были напасть на северные границы и весть об этом долететь до Маханида. Чайка рассчитывал начать десантирование на западное побережье одновременно с выходом спартанской армии к своим северным рубежам.

– Еще полдня пути и мы на месте, – сообщил он Лехе, что неспешно прогуливался вдоль ограждений квинкеремы, поглядывая на пустынное море.

Вблизи берегов Лаконии корабли плавали не слишком часто, хотя случалось. Спартанцы в последнее время не брезговали открытым грабежом проходящих мимо судов, то есть предавались пиратству для пополнения своей казны. Но Чайка располагал данными о том, что большинство военных спартанских кораблей стоят в портах на другой стороне страны, обращенной к Аттике, – в Тиросе, Прасиях, Эпидавр-Лимере. Здесь же, со стороны Мессении если и были корабли, то один-два, не больше. В этот момент Федор лишний раз поблагодарил Ликурга, давшего в древности этой стране завет не строить флота вообще и воспитывать воинов только для битвы на суше. Поэтому сейчас, даже отступив от этого завета, Спарта обладала очень малым флотом, чтобы противопоставить его Карфагену. Одна эскадра Чайки превосходила все военно-морские силы Лакедемона.

– Что-то кораблей здесь маловато, – заметил в тон мыслям Федора бравый адмирал, – не боятся нас спартанцы?

– Может, и боятся, только кораблей у них действительно маловато, – подтвердил Федор, – им древние завещали кораблей не строить.

– Дураки у них были эти древние, – заявил, недолго думая Леха, всматриваясь в морскую гладь.

Услышав такое безапелляционное заявление, Федор посмотрел на друга, ожидая подробных объяснений. И они последовали незамедлительно.

– Вот у нас, у скифов, тоже кораблей не было. И среди наших древних были такие, которые только в коня верили. Конь, конечно, хорошо. Но, с кораблями мы вон, сколько успели завоевать. Все греческие колонии отвоевали, – а греки корабелы знатные, – до Истра дошли.

Леха вдруг осекся и посмотрел на друга.

– Эти спартанцы, они же вроде бы тоже греки?

– Греки, – подтвердил Федор.

– А кораблей не строят? – уточнил Леха, словно в первый раз не расслышал.

– Раньше вообще не строили, – кивнул Федор, – а теперь начали понемногу.

– Тогда они, какие-то странные греки, – резюмировал Леха свои соображения. – Все строят, а они нет. Вот потому они и стали битвы проигрывать. Если бы Иллур своих древних послушал, то мы с территории Крыма никогда в жизни бы не выбрались.

– Ты понимаешь, брат, – приобнял Федор своего друга за плечо, улыбнувшись, – они предпочитали ковать железных воинов, а те только посуху передвигаются. И пешком.

⁹ **Тайгет** – горный хребет, отделявший территорию Лаконии (Спарты) от Мессении. В древности государство спартанцев именовалось Лакония (Лакедемон), а Спартой изначально называлась только группа из четырех-пяти поселений на правом берегу реки Эврот в центре Лаконии. Позднее вся территория расширившегося государства стала именоваться Спартой.

– Что и коней нет? – озадачился Леха.

Федор подтвердил кивком головы, что и с конницей у спартанцев тоже не густо. По лицу скифского адмирала было видно, что его заочное уважение к подвигам спартанских воинов стало улетучиваться.

– Ну, тогда мы их быстро разобьем, – резюмировал он.

– Не торопись, – осадил его Чайка, – они все же неплохие воины. Одна радость, их мало. А то, что флота нет, так нам от этого только лучше. Спокойнее к берегу подойдем. Но, в целом ты прав, – мы должны их победить. Особенно, если подкрепление не опоздает. Плыть уже не долго.

Леха развернулся вперед и указал на появившуюся слева по борту полоску зеленого берега, над которым в глубине поднимался горный хребет. Они почти миновали залив, между Мессенией и Спартой, и на далеком холме показался небольшой городок, отделенный от гавани редким лесом.

– Это случайно не твой Этил?

Федор присмотрелся в указанном направлении.

– Возможно и он, – ответил командир экспедиционного корпуса. – Спарте пора бы уже показаться. Во всяком случае, следует подготовиться к бою.

– Это точно, – подтвердил Леха, махнув куда-то в сторону, – но, сначала к морскому. Вон те корабли, кажется не наши и не слишком дружелюбно к нам настроены.

Обернувшись, Федор Чайка действительно заметил четыре приближавшихся триеры. Корабли направлялись наперерез его каравану и, судя по парусам и другим опознавательным знакам, это были именно спартанцы. «Леха прав, у спартанцев редко бывают дружелюбные намерения, – подумал Федор, разглядывая приготовления к бою, которые начались на приближавшихся судах, – тем более, когда чужой военный флот без спроса приближается к их берегам. Я их понимаю. Спартанцы, конечно, храбрые ребята, и все же четыре корабля для береговой охраны маловато».

Закончив философствовать, Федор подозвал жестом капитана и начальника морпехов, находившихся неподалеку.

– Это наш почетный эскорт, – указал он на шедшие курсом на сближение корабли, – нужно их встретить. Да так, чтобы ни один не ушел. Пленные нам не нужны.

Капитан исчез, получив приказание, и вскоре баллисты на корабле ожили. Пристреливаясь, артиллеристы посылали первые ядра в сторону приближавшихся спартанских кораблей.

– А ты подготовь на всякий случай бойцов, – предупредил широкоплечего командира морпехов Чайка, – думаю, до abordage не дойдет, но мало ли что может случиться.

Крепыш кивнул и отошел к своим солдатам, выстроив их на палубе для возможной атаки или отражения попытки захвата со стороны противника.

Вскоре корабли сблизилась настолько, что ядра флагмана карфагенян стали доставать до цели. Несколько штук уже зацепило корпус ближайшей спартанской триеры, вызвав целый фонтан из щепок. Следующее ядро угодило в самую гущу одетых в красные плащи гоплитов, убив сразу нескольких человек. Это попадание огласилось криками радости морпехов с флагмана Чайки. Но, радость тут же потускнела, когда в ответ прилетело шальное ядро спартанцев и ударило точно в строй синих панцирей морпехов, разможив несколько черепов. Кровь залила палубу квинкеремы.

– А они, оказывается, тоже умеют стрелять, – невольно поежился Леха, – так глядишь, и еще кого поранят.

– Ничего, это ненадолго, – скрипнул зубами Чайка.

Увидев кровь своих солдат, он, словно проснулся, и перешел от благодушного настроения долгого плавания к реалиям боя с серьезным противником.

– Принять влево! – приказал он, – развернуть строй и усилить огонь! Утопить эти триеры.

Пока он произносил эту команду, их слегка нагнал второй корабль каравана, а затем

третий и теперь баллисты сразу трех квинкерем принялись утюжить ядрами корабли спартанцев, несшиеся на веслах им наперерез. Одна из триер вскоре получила такие повреждения, что завалилась на борт, взметнув киль к небу. Многие гоплиты, путаясь в своих алых плащах пошли на дно. Остальные отчаянно цеплялись за обломки.

– Первый готов, – констатировал Федор.

Шедшая за ней триера спартанцев на полном ходу едва не врезалась в собственный поверженный корабль, лишь в последний момент, избежав столкновения. При этом она замедлила ход и стала легкой мишенью для баллистариев Чайки. Сосредоточив огонь на втором корабле, все три квинкеремы почти мгновенно превратили его в решето. На глазах Лехи и Федора десятки отважных спартанских гоплитов, которых так долго готовили к войне, глупо гибли от ядер. Обрывки алых плащей усеяли измочаленные борта кораблей и воду вокруг них. И все же триера продолжала отстреливаться до последнего, пока не получила еще несколько пробоин и не последовала за первой.

Между тем, берег стремительно приближался. Между кораблями и берегом оставалось уже не больше трех стадий, и Чайка заметил на берегу какое-то оживление и перемещение небольших групп людей. Там явно заметили приближение флота.

Оставшиеся две триеры, все же выскочили наперерез флоту Чайки и, развернувшись, пошли на таран.

– Отчаянные ребята, – ухмыльнулся Леха.

– А что им еще остается, – подтвердил Чайка, – когда не хватает кораблей и людей, тут поневоле станешь храбрым. А у них драка в крови. У молодого Ганнибала был учитель из местных.

Услышав об этом, Леха воздержался от ерничества, решив, молча наблюдать, как гибнут хваленые спартанцы. Оба корабля наметили себе цели в первом ряду судов карфагенян и с упорством камикадзе под непрерывным обстрелом продвигались навстречу.

Та триера, что выбрала своей целью флагман Чайки, не дотянула до столкновения совсем немного, – точное попадания ядром снесло ей носовые надстройки, а затем и вовсе разрушило ей нос. После этого корабль стал набирать воду, резко замедлил ход и даже развернулся почти поперек движения.

– Раздавить ее, – спокойно приказал Федор, – пусть знают, что такое Карфаген в море.

Ударив сходу окованным тарном в борт, флагманская квинкерема всей своей массой навалилась на поверженный корабль и разломила его пополам. Снизу послышались крики утопающих, но Федор даже не обернулся. Он смотрел на второй таран, который происходил чуть в стороне. Другая квинкерема, увернулась от израненной триеры, и проскользнула к берегу, оставив ее на растерзание следующему кораблю. Тот мастерски выполнил таранный удар в носовую часть судна противника, проломив ему борт. Поскольку и карфагеняне, и спартанцы шли на большой скорости, раздался страшный грохот, и благодаря мастерству моряков Федора в этом бою охотник стал дичью. Протащив некоторое время на своем таране издыхающую триеру, квинкерема стала снижать ход, чтобы сбросить ее с себя. Но спартанцам этого хватило. На палубу полетели веревки с крюками, и вскоре Чайка увидел, как по ним карабкаются воины в алых плащах.

– Ого! – заметил на это Леха, – живучие черти!

Спартанцы на удивление ловко поднялись наверх. Видно сказывался опыт абордажных сражений, который они получили за время своих пиратских налетов в прибрежных водах. Федор слышал о том, что новоявленные спартанские моряки не брезгают грабить проплывавшие мимо суда.

Однако, у ограждения их уже ждали морпехи, встретившие спартанских гоплитов рубящими ударами фалькат. Добравшись таки до ограждений, некоторым спартанцам удалось буквально слету, каким-то чудом поразить ближних морпехов и пробиться на палубу квинкеремы. Таких было человек десять-двенадцать. Поскольку обе квинкеремы шли с отставанием на полкорпуса, Федор смог издали наблюдать за быстротечной схваткой. Оказавшись в окружении, десять спартанских гоплитов сумели-таки нанести немалый урон

своим противникам. Они вертелись и жалили как осы, а соединившись, стали прикрывать друг друга. Вскоре вокруг них образовался целый бруствер из синих панцирей морпехов Карфагена и все же, силы были не равны. Спустя еще минуту последний спартанец пал под ударом фалькаты, приняв смерть в бою. А квинкерема, сдав назад, освободилась от мертвого груза, и направилась к берегу вслед за флагманом.

– С береговой охраной покончено, – с удовольствием констатировал Федор, слегка напрягшийся, когда увидел неожиданный и отчаянный прорыв спартанцев на палубу, – пора взяться за наземную операцию всерьез.

Вскоре весь его флот выстроился у входа в открытую бухту, где их ожидало каких-то пар дюжин рыбацких лодок и несколько торговых кораблей. Ни одного военного. Пирсы были невелики на вид, и вообще у Федора возникло ощущение, что мгновенно опустевшая с их приближением гавань Этила никогда для этих целей и не использовалась, а спартанские триеры появились здесь по воле случая.

– Если не считать этой морской стычки, – констатировал Федор, разглядывая пустынную гавань, отделенную от города полосой холмов и редкого леса, в котором терялась единственная ведущая отсюда вглубь суши дорога, – то, можно сказать, мы заняли гавань без боя.

– Народ, наверное, в город подался, под защиту стен, – предположил Леха.

– В древности у спартанских городов и стен не было, – озадачил его Федор своими познаниями, – правда, сейчас уже кое-что изменилось.

– Ну да? – не поверил своим ушам бравый адмирал, – так они еще и стен не строили, это еще почему?

– Их старейшины считали, что так воины будут лучше драться, – пояснил Федор, отдавая приказ триерам ахейцев войти в гавань, выгрузить солдат на берег и занять его, чтобы обеспечить остальным спокойную выгрузку, – когда за спиной ничего нет, вся надежда только на себя.

– В это есть резон, – согласился, немного подумав Леха, – и все же со стенами продержись дольше. Особенно кода противник сильнее и многочисленнее.

– Постепенно, они это поняли, – добавил Федор, скрестив руки на груди и ухмыльнувшись, – поэтому сейчас у Спарты стены есть. Как и небольшой флот.

– Если стены у них такие же крепкие, как их флот, – не удержался Леха. – Думаю, нас это надолго не остановит.

– Тогда давай выгружаться, – решил Федор, заметив, что из леса показался какой-то отряд, – и посмотрим, на что способны спартанцы на суше.

Гавань оказалась достаточно глубокой, чтобы в нее вошли квинкеремы. Поскольку мореплавание в Лаконии находилось еще в зачаточном состоянии, то и к оборудованию прибрежных построек относились пока спустя рукава. Здешние пирсы едва могли принять для погрузки несколько триер, да и то с большим трудом. Для более высоких бортов квинкерем швартовка и разгрузка представляла еще большую сложность. Никаких больших складов для товара вокруг тоже не наблюдалось, лишь несколько амбаров и хибар для хранения сетей примыкали к берегу. Но, Чайка, хоть и провел последние годы вблизи Карфагена, – самого совершенного по здешним меркам порта, – не впервые высаживался на необорудованной территории. Война всему научит, если поначалу удалось выжить.

Поэтому вслед за триерами ахейцев, солдаты с которых уже выстроились на берегу, завидев отряд спартанских гоплитов спешивших к месту высадки, Федор ввел в гавань еще пять квинкерем. Они подошли к берегу и, сбросив заранее подготовленные для такого случая удлиненные сходни, начали высадку десанта. Одной из этих квинкерем была флагманская. Остальные военные и грузовые корабли ожидали пока своей очереди в море, покачиваясь на волнах у самых берегов. Чайка не рискнул начать полномасштабную выгрузку, не захватив хотя бы побережье.

– Быстрее ребята, – подгонял своих морпехов Федор, глядя, как спартанский отряд на ходу перестраивается для атаки ахейского заграждения, – сдается мне, нашим друзьям их

Ахайи скоро потребуется помощь.

Однако, пересчитав спартанцев, он немного успокоился. Это были отборные гоплиты, но их было не больше двух сотен. «Может, разведчики, – вновь озадачился Федор, не раз посылавший такие силы в разведку, – если так, то в городе нас ждет боле многочисленный гарнизон. Хотя я с трудом в это верю. Если Филопемен уже начал свой поход и армия Маханида ушла на север, вряд ли нас ждут большие силы».

Тем временем, спартанцы вышли на открытую местность и выстроились напротив ахейцев в боевой порядок, напоминавший фалангу. Их командир что-то крикнул и спартанцы, запев боевую песню, строем двинулись на врага.

– Если только Маханид своевременно не проведал о нашем приближении и не изменил план, – пробормотал Федор, наблюдая вторую подряд самоубийственную атаку за этот день, – но, даже если и так, кто-то должен воевать с Филопеменом. Так что, очень скоро мы узнаем, что нас ждет впереди.

– Это точно, – услышав друга, вставил слово Леха, не отрывавший взгляда от атакующих спартанцев, хорошо различимых с высокой палубы корабля даже за прибрежными постройками, – давно мечтал схлестнуться со спартанцами, да все как-то не выходило. Посмотрим, на что способны эти железные ребята.

Он даже потянулся к мечу, чтобы вытащить его из ножен и броситься вслед за морпехами, сбегаящими на берег по сходням, но Федор его удержал.

– Подожди, – сказал он, схватив друга за локоть, – успеешь еще. Дай союзникам отличиться. А мы пока отсюда посмотрим.

Леха нехотя подчинился, вогнав наполовину вытащенный клинок обратно в ножны. Сражение на подступах к гавани вот-вот должно было начаться. Когда оставалось не больше сотни метров до передних шеренг ахейцев, перегородивших дорогу, спартанцы вдруг резко смолкли и, перейдя на бег, устремились в атаку вниз по холму. Федор не зря мысленно назвал эту атаку самоубийственной. Численный перевес был вновь на стороне его армии, – ахейцев выстроилось на дороге не меньше семисот человек. Их построение почти вдвое по ширине фронта и втрое по глубине превышало атакующий строй спартанских гоплитов. Но, это обстоятельство, похоже, ничуть не беспокоило последних.

Казалось, эта атака изначально обречена, но Федор из уважения к тому, что знал об этих воинах, уже приказал морпехам занять вторую линию обороны и выстроиться позади ахейцев у кромки обветшалых строений. Синих панцирей на данный момент набралось там не меньше чем на половину хилиархии и количество их только росло. Морпехи с других кораблей начали высадку почти сразу за флагманом, правда, чуть дальше по берегу. На дальней стороне гавани сейчас формировался еще один отряд готовый выступить к полю боя, если понадобится. Чайка, однако, дал указания не ввязываться в сражение до получения прямого приказа. Сил, выставленных против атакующих гоплитов в алых плащах, итак было предостаточно. Хоть начиная под их прикрытием выгрузку артиллерии и товаров. И все же Федор решил подождать.

– Ла-ке-де-мон!!! – вдруг разнеслось по округе, и алые плащи врезались в строй ахейских гоплитов.

Треск ломаемых копий был слышен даже здесь. Впрочем, сразу создалось ощущение, что ломаются только копья ахейцев о броню спартанцев. А те так ловко орудовали своими копьями, одновременно, всем строем поражая врага и отводя оружие назад, при этом оставаясь невредимыми, что Федор невольно залюбовался. Молниеносная атака красных плащей, в последний момент выстроившихся почти клином, опрокинула несколько шеренг и рассекла надвое строй ахейцев. Воины Спарты в ближнем бою разили своих противников наповал. Красные гребни их шлемов и щиты с изображением лямбды мелькали уже почти в середине колонны оборонявшихся. Впрочем, ахейцы тоже не впервые держали в руках оружие. Вскоре они стали теснить с флангов спартанцев, пользуясь своим преимуществом в силе и обрушив на них всю мощь сотен мечей. Красный клин из спартанских воинов заметно «похудел».

Однако, Чайка был не слишком удивлен, когда строй ахейцев, после получасовой схватки все же распался надвое и воины в алых плащах, усеяв трупами поле позади себя, появились вблизи строений гавани, прикрытых морпехами. Но, Федору стало ясно, что спартанский командир допустил стратегическую ошибку, если только не хотел снискать себе славную смерть. Позади спартанцев замкнулось окружение из ахейцев, которых теперь было едва ли больше чем нападавших. А спереди их ожидало непроходимое препятствие в виде колонны морпехов, чьи синие панцири превосходили нападавших числом почти в десять раз.

– Вот это номер, – присвистнул Леха, – а они действительно неплохо дерутся.

– Очень даже неплохо, – подтвердил Федор, – но, раз уж Ганнибал решил их покорить, придется уничтожить большую часть.

– Думаешь, остальные присмирят? – уточнил Леха, быстро поняв, к чему клонит его облеченный властью друг.

– Не знаю, – ответил Федор, пристально вглядываясь в происходящее. – Может с ними надо, как с кельтами. Сначала победить, а потом дать волю, и они станут лучшими подданными.

– А может лучше сразу, – предложил Леха, – пустить против них кельтов. Пусть померятся силами.

– Сейчас уже поздно, – ответил, усмехнувшись шутке друга Чайка, скрестив руки на груди, – пусть ахейцы отдуваются. У них свои счеты друг с другом.

– Ну да, – согласился Леха. – Пусть отдуваются. Только, помнится, ты хотел этих союзников отправить назад при первой же возможности. А, если так дело дальше пойдет, то некого будет отправлять. Замучаешься искать новый экипаж на триеры.

– Это верно, – кивнул Федор, – но моряки все на месте. Гибнут только гоплиты. Так что, триеры мы по любому вернем Филопему. Только мне интересно, ради чего так старается этот спартанский командир?

– Может, решил задержать нас подольше, – предположил Ларин, – чтобы город успел подготовиться к встрече. Или, наоборот, чтобы все жители подальше ушли?

– Дело говоришь, – согласился Федор, резко положив ладонь на рукоять фалькаты, – тогда нельзя терять время. Надо закончить с ними быстрее и напасть на город, пока не стемнело.

Федор повернул голову назад, убедившись, что все его морпехи уже покинули борт судна.

– Даже не будешь дожидаться подкреплений? – уточнил скифский адмирал, – а может, там засада?

– А ты бы стал ждать? – переспросил Федор, хитро прищурившись.

Ларин усмехнулся и отрицательно мотнул головой.

– То-то и оно, – назидательно заметил Федор, – давай за мной.

Чайка спустился по трапу и, сделав знак командиру морпехов следовать за ним, направился вдоль берега к месту схватки. Там бой уже подходил к концу. Окруженные спартанцы гибли но, не сдавались. Несколько раз с криками «Лакедемон», они пытались вырваться из окружения, и всякий раз их отбрасывали в центр круга, не давая пробиться. Когда Федор приблизился к первым шеренгам своих морпехов, которые уже стали одной из действующих сторон, включившись в схватку, спартанцев оставалось не больше дюжины.

– Возьмите мне пленников! – крикнул Федор, когда красные плащи бросились в очередную атаку.

Ахейцы преградили им дорогу щитами и копьями. Но, спартанцы, словно услышав приказ Чайки, бились с остервенением, не обращая внимания на опасность и, на этот раз, не отступая вовсе. Пятеро вскоре были убиты, унеся жизни дюжины ахейцев. Затем рухнуло еще двое, пробитые насквозь копьями. Следующего гоплита поразил рослый ахеец ударом в голову. Еще троих зарубили мечами. Но, прежде чем они умерли, каждый вонзил меч своему противнику в бок или живот, уводя их с собой в царство Аида. Остался последний, которого обезоружили ударом копья и меча. Солдаты обступили его, оставив вокруг небольшое

пространство.

– Возьмите мне пленника! – вновь крикнул Федор.

Но этот спартанец, вдруг выхватил нож из-за пояса и, прежде, чем кто-то смог перехватить его руку, вонзил его себе в живот. Федор испустил недовольный вздох одновременно с последним движением гоплита в красном плаще. Допрашивать теперь было некого. Впрочем, примерно такого исхода он и ожидал. Спартанцев так часто и подолгу истязали в процессе подготовки к военной службе, что пытки не смогли бы развязать им язык. Так что, горевать было особенно не о чем. Но, нужно было принимать решение, и Федор принял его, прислушавшись к собственной интуиции.

Он разыскал глазами Кумаха и приказал.

– Бери всех, кто уже высадился и отправляйся к городу. Он недалеко, на холме, вон за тем лесом.

Кумах кивнул, слегка улыбнувшись.

– Я внимательно смотрел на берег, когда мы подплывали.

– Это Этил, гоплиты оттуда, – пояснил Федор, не обратив на его слова никакого внимания, – ты должен разведать подходы к нему и, если это возможно, атаковать с ходу имеющимися силами. До захода солнца мы должны постараться его захватить. Как начнешь, сразу пришли мне весть.

– Если там не боги, я захвачу его, – вскинул подбородок Кумах.

– Там не боги, – охладил его пыл Федор, указав на мертвых спартанцев, скосивших половину ахейского войска и потрепавших морпехов, – там всего лишь вот такие воины.

– Они храбрые, – согласился Кумах, – но, безрассудные. Я захвачу город.

– Оставь ахейцев здесь, – сжалился над союзниками Чайка, и, вскинув руку в направлении видневшихся в глубине отрогов Тайгета, добавил, – отправляйся немедленно, нам еще предстоит большой путь к центру страны.

Кумах поклонился и увел воинов за собой. Когда колонна из трех тысяч бойцов, среди которых были африканцы и морпехи, подняв столбы пыли, исчезла в лесу, Чайка обернулся к гавани и приказал начать разгрузку.

– Не будешь ждать гонца? – опять ухмыльнулся Леха, кивнув в сторону авангарда Кумаха, пропавшего за поворотом дороги.

– А ты бы стал? – в тон ему ответил Федор, стряхнув осевшую пыль с доспехов, – не для того меня сюда Ганнибал прислал, чтобы бежать обратно в море при первой опасности. Мы с тобой Рим взяли. Поэтому, что бы там ни было, это уже наша земля.

Он помолчал немного и добавил.

– Только ее обитатели об этом пока не знают.

– И царь Филипп, – напомнил Леха, указав на проходивших мимо ахейцев, которые, собрав убитых, решили предать их земле вблизи от гавани Этила, – может уже пора их отправлять назад, пока всех не перебили? А то некому будет сообщить Филопемени о твоих делах.

– Верно, для достижения моих целей, видели они уже достаточно, – кивнул Федор Чайка. – Скоро подойдут подкрепления, а вот их ахейцам уже нежелательно видеть. Если даже встретят караван в море, то будут гадать, сюда ли они идут.

Федор жестом подозвал к себе военачальника ахейцев.

– Вы дрались как львы, – сообщил он окровавленному гоплиту, рука которого была подвешена на перевязи к шее, а на щеке виднелся свежий рубец от скользнувшего по ней клинка, – вы сделали даже больше, чем я хотел. Сдержали первый натиск спартанцев. Теперь вы можете отправляться назад, к армии Филопемена.

– Назад? – не поверил своим ушам ахеец, – мы ведь только что приплыли сюда. И мои воины готовы драться со спартамцами до тех пор, пока не перебьют всех.

– Я обещал вашему стратегу вернуть корабли как можно быстрее, – спокойно заметил Федор, – кроме того, вы потеряли много бойцов в этой схватке, а Филопемени еще понадобятся воины, ведь главный удар он нанесет с другой стороны. Поэтому забирайте всех

живых и завтра на рассвете отправляйтесь в Ахайю. А здесь дальше мы справимся сами.

Командир хотел было возразить, но затем посмотрел на трупы убитых воинов, бросил взгляд на свои корабли в гавани, и не стал спорить. Лишь кивнул.

– Сейчас мы похороним убитых, а на рассвете отплывем назад.

– Вот так-то лучше, – проговорил Федор, когда ахейский военачальник отошел на приличное расстояние, – а то еще попробуй, отделайся от этих героев.

– Да, – согласился стоявший рядом Леха, – видно у них на спартанцев действительно большой зуб.

До самого вечера шла разгрузка артиллерии, инженерных принадлежностей из обоза, слонов и оставшейся пехоты. Толпы народа и животных заполони безлюдный ранее берег. За это время Кумах дважды присылал Чайке гонцов с известиями. Первый, вскоре после отбытия колонны, доложил о том, что город Этил невелик размерами и почти пуст. Тем не менее, его охраняет небольшой гарнизон, который закрыл ворота и отказался сдаться. В ответ на это, Кумах окружил город и начал осаду, попытавшись взять стены без метательных орудий.

– Соберите и отправьте немедленно десять орудий Кумаху, – приказал Федор, когда артиллерия оказалась на берегу.

После того, как приказ был выполнен, и повозки потянулись в сторону Этила, Чайка присел на придорожном камне, предавшись размышлениям. Заскучавший за время плавания скифский адмирал, которому не терпелось в бой, сел рядом.

– Итак, все население сбежало и движется сейчас по дороге либо в сторону Спарты, – подумал вслух Федор, прикидывая варианты, – либо, что более вероятно, подалось к отрогам Тайгета, ища там спасения. До гор ближе. Слухи о нашем прибытии скоро начнут распространяться по все стране. Но, меня больше интересует, отправил ли местный гармо¹⁰ гонца в Спарту. Наверняка какой-нибудь скороход сейчас бежит не жалея ног в столицу, чтобы предупредить о нашем появлении в глубоком тылу.

– Так, его же можно еще перехватить, – вдруг заговорил Ларин, увидев, как с грузового корабля сводят на берег нескольких коней, принадлежавших его скифским воинам.

– А это мысль, – сразу согласился Федор, – бери свою чертову дюжину и скачи по дороге до тех пор, пока не увидишь гонца. Он, наверняка один. Короче, хватай всех подозрительных одиночек. Конницы, да и просто лошадей у меня больше нет, поэтому будь осторожен. Если до самой ночи никого не встретишь, возвращайся. Встретишь войско спартанцев, – тоже сразу разворачивайся. Спартанцы шуток не понимают, а задаром помирать не стоит. Задержишься до темноты, не вернешься. Ночью они еще опаснее и к боям во тьме привычные.

– Да ладно, командир, – повеселел Ларин, направляясь к лошадям, у которых уже собрались его люди в чешуйчатых панцирях, – где наша не пропадала.

– Вот этого я и боюсь, – пробормотал Федор, провожая друга взглядом.

– Найду я тебе этого гонца, – бросил через плечо Ларин, – не бойсь.

Глава десятая «Спартиаты»

Отправив скифов в глубокую разведку, Федор лично проверил выгрузку армии и затем посетил город, узнав, как идет осада. Прибыв на место, командующий экспедиционного корпуса был несказанно удивлен, что город почти взят. Солдаты уже прорвались за внешнюю стену, которая выглядела не слишком высокой и, Федору даже показалось, что больше она пострадала от времени, чем от бомбардировки.

– Орудия подвезли очень вовремя, – ответил на его удивленный взгляд Кумах, указывая

¹⁰ Гармо^{ст} – военный комендант.

на пробитые ворота и несколько разломов в каменной кладке, из которых торчали штурмовые лестницы, – стены и ворота тут ветхие, неизвестно, сколько лет назад построенные, но таран еще как-то держали.

Разглядывая полуразрушенную стену, Федор вспомнил о том, что спартанские города действительно не были верхом фортификационного искусства. Многие из них сохранили стены, построенные еще до введения запретов Ликурга на строительство новых. Такие стены могли быть построены не одну сотню лет назад и к настоящему моменту разрушиться просто от времени. А все новое начали строить не так и давно. «Ну, это явно привет из прошлого, – резюмировал Федор свои наблюдения над оборонительными сооружениями Этила, – город стоит давно и не на главном направлении, потому и не подновлялся толком. Интересно, что нас ждет в самой Спарте? Если там такие же стены, а не попроще, мы ее также возьмем за полдня».

– Гарнизон тут был слабый, человек триста, да и то, похоже, не все из них гоплиты. Больше половины ополчение, – заявил Кумах.

– С чего ты так решил? – удивился Чайка, разглядывая попадавшиеся по дороге трупы, одетые точно также как и все спартанцы.

– Дерутся совсем не так, как те, – Кумах махнул рукой в направлении берега, – по сравнению с ними, едва умеют держать в руках оружие.

– Ясно, – кивнул Федор, – значит, главные силы сдерживали нас, пока население убегало. А здесь остались одни переишки. Ну, пойдем, посмотрим, что там внутри.

– Бой еще не окончен, – предупредил Кумах, – лучше обождать сообщения о полном захвате.

– Ничего, мы же не ополчение, – ответил Федор, – возьми человек двадцать охраны и пойдем. Время дорогое.

Кумах исполнил приказание, взяв со собой целую спейру пехотинцев, – ровно втрое больше людей, чем хотел Чайка. Похоже, командир африканцев имел основания переживать за жизнь Федора, – слишком памятным был еще бой на берегу. И даже от дюжины спартанцев он ожидал больших проблем. И не без оснований. Так что Федор не стал отчитывать его за перестраховку.

Войдя в Этил сквозь разрушенные ворота, он направился напрямик к центру города, по узким улочкам, застроенные преимущественно низкими глинобитными домами с плоской крышей. Ориентиром центра ему служил большой дом с колоннами, почти дворец, очень подходящий для собрания местной герусии,¹¹ как ему казалось. Чайка еще в прошлой жизни любил читать исторические книжки и кое-какие обрывочные сведения у него сохранились. А в этой новой жизни ему невольно приходилось проверять и сравнивать, насколько ошибались историки.

«Может там, что интересное обнаружиться, – подогревал свой интерес Федор, перешагивая через убитых и обходя завалы, – документы какие или золото».

Но, добравшись до здания, вокруг которого он увидел просто горы мертвецов, – площадь была устлана красными плащами и синими панцирями в результате особенно жаркой схватки, – Федор был разочарован. Внутри все было так же разгромлено, повсюду виднелись следы поспешного бегства.

– Ну, если что и было, то уже сплыло, – пошутил Федор, поправив ножны фалькаты, и, обернувшись к Кумаху, осторожно пробиравшемуся вслед за ним, чтобы не наступить на разбитые глиняные черепки, – идем назад. Больше здесь смотреть нечего.

¹¹ **Герусия** (греч. gerusia, от geron – старец, старейшина) – в Древней Греции совет старейшин в городах-государствах преимущественно аристократического устройства. Рассматривал важные государственные дела, подлежавшие затем обсуждению в народном собрании (Апелле). Число членов Герусии, – геронтов – и их роль этого органа власти в разных полисах были неодинаковы. В Спарте Герусия состояла из 30 геронтов (28 геронтов и 2 царей), избиравшихся пожизненно. Геронтом мог стать уважаемый гражданин Спарты в возрасте не моложе 60 лет.

Выйдя на улицу, Чайка решил вернуться к воротам через другую часть города, осмотрев по дороге крепостные стены и примыкавшие к ним сооружения изнутри. Хотя долго задерживаться в районе Этила он не собирался, – лишь дожидаться прихода подкреплений для начала полномасштабного наступления вглубь страны, – но, вдруг сюда явиться огромная спартанская армия и ему придется обороняться в этих стенах.

По дороге до него доносились отрывочные крики и звуки схватки. На соседних улицах еще шла драка, – пехотинцы Кумаха добивали остатки сопротивления. Когда Чайка проходил в сопровождении охраны мимо одного из ветхих домишек, которыми был застроен этот небогатый городок, из-за его угла что-то сверкнуло и полетело в сторону Чайки. Шагавший рядом охранник вскрикнул, схватившись за пронзившее его копье двумя руками, и удивленно уставился на Федора. Из его живота ручьем полилась кровь. Боец упал на колени, а затем завалился на бок посреди пыльной улицы.

– Поймать его! – приказал Федор, вскинув руку в сторону узкого переулочка, из которого прилетело предназначенное ему копье.

Но солдаты итак уже делали свое дело, бросившись в переулочек. Часть сгрудилась вокруг него с поднятыми щитами, – и вовремя, тут же прилетело еще три копья, – кто-то пытался доделать свою работу. Два из них, брошенные с удивительной меткостью, нашли цель, пронзив двух ближних к Чайке охранников. Третье отразил Кумах своим щитом. После этого навстречу ливийцам выскочило пятеро спартанских гоплитов, из закаленных, это было видно сразу, и принялись орудовать мечами так лихо, что Федор схватился за свою фалькату. Шестидесяти человек охраны могло и не хватить. Солдаты Кумаха падали вокруг этих спартанцев, словно срубленные стволы тростника. И не удивительно, – ближний бой был их главным преимуществом.

Тем не менее, спустя пару мгновений, Чайка испытал-таки гордость за своих бойцов. Трех спартанцев зарубили фалькатами, оставшихся двоих лишили щитов, но они все еще пытались пробиться к Чайке, явно признав в нем командира, которого нужно уничтожить даже ценой своей жизни. Им это почти удалось. Извиваясь, словно ужи, спартанцы ухитрились свалить еще пятерых, поразив кого в шею, кого в ногу, кого в бок, и почти добрались до середины улицы. Только здесь, израненные, они натолкнулись на плотные шеренги морпехов и были добитые несколькими ударами фалькат. Обоим пехотинцы в ярости отрубили сначала руки, а потом и головы, в медных шлемах с красными плюмажами.

Когда опасность миновала, Федор вернул фалькату на место, пересчитал убитых морпехов и на мгновение остановился над обезглавленным спартанцем. Затем пнул ногой его отрубленную голову в шлем, которая откатилась со звоном в сторону, и произнес, обращаясь к Кумаху и всем солдатам одновременно.

– Молодцы. Пленных не брать.

А затем добавил, уже только для командира африканцев.

– Идем, осмотрим дальние стены.

Последняя часть осмотра прошла без происшествий. Чайка оценил толщину основания стен, – явно древней кладки, – кое-где она превышала несколько метров. На этом основании сотню-другую лет назад была возведенная «новая» стена, к настоящему моменту почти развалившаяся. Скрепляющий камни раствор отпадал кусками, и разрушить ее с помощью метательных машин представлялось делом достаточно простым. И все же Федор не исключал возможности обороняться от нападения в этом городе, поэтому их следовало хоть немного укрепить.

– После того, как добьешь всех, кто еще сопротивляется, – наказал он Кумаху, прогуливаясь вместе с ним по стене и посматривая на море и гавань, едва различимую отсюда, – оставишь здесь гарнизон, одной хилиархии хватит. С берега я пришлю инженеров из обоза Бейды, пусть подновят ворота и кое-где стены.

– Мы здесь надолго задержимся? – удивился Кумах.

– Надеюсь, что нет, – туманно ответил Федор, – прока не ясно, что происходит в округе. Тронемся мы отсюда только тогда, когда придут подкрепления. Ночуем точно

здесь. А там, глядишь, на день или на два можем еще задержаться. За это время мало ли что может произойти.

Командир африканцев кивнул и, сопроводив Федора Чайку со своими солдатами до ворот, отправился наводить окончательный порядок в крепости, вверенной его заботам.

Чайка вернулся на берег, когда уже начало темнеть. Разыскал Бейду и сразу же отправил половину его инженеров с рабочими подновлять крепость Этила.

– У спартанцев не было времени этим заняться, – усмехнулся он, увидев удивление на лице начальника обоза, – надо им помочь немного.

– Я немедленно отправлю туда людей, – подтвердил приказ смуглолицый Бейда.

– Давай, – кивнул Федор, проведя рукой по бороде, – и поторопись. До захода солнца они должны починить хотя бы ворота.

Бейда исчез среди телег и всевозможных тюков, которыми был усеян весь берег из-за отсутствия нормальных складов и вскоре по направлению к Этилу заскрипел с десятков повозок. На одних сидели инженеры с рабочими, на других везли инструменты и даже материалы. Бейда отправил в Этил целую телегу с древесиной, которая шла на ремонт торсионных орудий.

«Надеюсь, они успеют разобраться с воротами», – подумал Федор, проводив взглядом телеги, которые постепенно растаяли в сгущавшихся сумерках, и направился вдоль берега, чтобы осмотреть, как шла выгрузка его армии. Как выяснилось, вся пехота была уже на берегу. Обоз, артиллерия и слоны Исмека тоже. Они иногда издавали трубный зов за сараями, где для них устроили временное пристанище. На берегу не нашлось ни одного строения, где можно было бы разместить всех этих животных.

– Отведи их в город, – приказал Федор, когда повстречал Исмека, – можешь взять себе любое здание, куда они поместятся. Передай Кумаху, что это мой приказ.

И добавил, посмотрев на слона, который размахивал ушами, отгоняя назойливых мух.

– Там они хотя бы не разбегутся.

– Это верно, – кивнул широкоплечий Исмак, – а еще там наверняка найдется какая-нибудь еда и пресная вода для них.

– Действуй, пока совсем не стемнело, – поторопил его Федор.

Погонщики взобрались на спины животных и вскоре слоны, один за другим, направились по дороге в Этил. Закончив осмотр кораблей, запрудивших гавань и подступы к ней, Чайка вернулся к своему походному шатру, что приказал поставить здесь же, на высоком холме. Вокруг этого холма треть его армии была занята обустройством лагеря, возводя частокол на случай внезапного нападения. Федор решил, что гораздо важнее обезопасить корабли, чем отводить всех солдат в город, оставив их без мощного прикрытия. И хотя он не слишком верил в такое нападение, ночевать решил здесь же, вместе с армией.

«Кумах отлично справиться и без меня, случись что, – размышлял Федор, сняв, наконец, шлем и доспехи, и позволив себе немного расслабиться за ужином у себя в шатре, – с инженерами и метательными машинам он удержит этот городок достаточно долго, случись что. А укрепленный лагерь спартанцы тоже с первого раза не возьмут, будь они хоть трижды железными».

Отужинав и выпив вина, Федор немного расслабился, но тревога не проходила. Отдохнув, он вновь вышел из шатра и успел застать последние лучи заката. Солнце медленно окуналось в море, погружая Спарту во мрак.

– Что-то разведчиков моих нет, – озадачился Федор, забывшись и проговорив это вслух.

После победы над гоплитами, он отправил несколько отрядов в разные стороны, чтобы оценить обстановку. Затем еще и Ларин со своими скифами ускакал догонять гонца. Но, пока никто из них не вернулся, и Федор начинал нервничать. Пора бы уже дать знать о себе. Ночь на дворе.

В этот момент начальник караула, до которого случайно долетели слова Федора, позволил себе нарушить его уединение.

– Два отряда разведчиков только что прибыли, – доложил он, приблизившись.

– Отлично, – просиял Федор, – хоть что-то узнаем.

Он тотчас приказал привести к нему их командиров и выслушал доклады пехотинцев. Это были отряды, посланные вдоль берега в разные стороны. Они оба вернулись без потерь, прочесав все окрестности на довольно большом расстоянии. Пока Чайка беседовал с ними, прибыл третий отряд, уходивший вглубь территории по дороге. Туда же ускакал и Ларин, которого они видели, но о скифах пока не было никаких вестей.

– Мы нашли и осмотрели несколько деревень, – поведал один из командиров Федору, – все они пусты. Население знает о нас и бежало.

– С холма, на который мы поднялись, – добавил другой, – было видно обоз, который уходил на юг. Мы подобралась к нему довольно близко и захватили нескольких оставших крестьян, не став задерживать остальных. Перед тем, как умереть, они рассказали нам, что позавчера армия, стоявшая в Этиле, ушла в сторону Спарты. Сколько людей там было, они не знали. Ходят слухи о большой войне с ахейцами, и тиран Маханид собирает войска по всей стране.

– Значит, слухи о войне уже ходят даже среди крестьян, – ухмыльнулся Федор, взглянув на темное небо, на котором еще были различимы облака, – это хорошо. Значит Филопмен уже начал свое продвижение и Маханид пошел ему на встречу.

Отпустив разведчиков, Чайка вновь вышел из шатра и посмотрел на ночное море.

«Где же корабли из Брундизия? – подумал он, на этот раз, осмотревшись по сторонам, словно боялся, что кто-нибудь из приближенных смог услышать его мысли, которые он часто произносил вслух, – без них мне придется задержаться здесь дольше, чем я рассчитывал. А время не ждет. Наступать надо немедленно, иначе благоприятный момент может быть упущен. Да и Леха куда-то запропал. Не попался бы он в руки спартанцам».

Однако, наступившая ночь не принесла ему больше никаких новостей. Скифы так и не появились и, выслушав отчет от гонца Кумаха о том, что ворота в город отремонтированы в спешном порядке, Чайка отправился спать. Приказав, конечно, будить его при появлении скифов или в случае внезапного нападения. Частокол с башнями и воротами до ночи был уже выстроен и оставшаяся на берегу часть армии карфагенян, поужинав, впервые после отплытия из Ахайи улеглась спать на берегу.

Ночь прошла спокойно. Никто не напал ни на город, ни на лагерь. Солдаты хорошо отдохнули. Федор тоже выспался и на рассвете его разбудили лишь тогда, когда к нему прибыл командир ахейцев. Сообщить о своем отплытии.

– Мы снарядили корабли, – доложил он Чайке о выполнении его неожиданного приказа, словно надеясь, что тот в последний момент передумает и отменит его, приказав остаться.

Но, Чайка не передумал. Слишком уж важное дело было ему поручено, чтобы в последний момент что-нибудь пошло не так из-за поведения союзников, пусть даже и не злонамеренного.

– Передайте Филопмену, что у него отличные воины, – похвалил он напоследок ахейцев, и добавил, – надеюсь, скоро мы встретимся вновь.

Не успели триеры с остатками ахейцев достичь горизонта, как Федор услышал у ворот лагеря топот копыт и зычный знакомый голос.

– А ну, отворяй ворота! – кричал его обладатель, – подарок везем командиру.

Обернувшись, Федор с радостью заметил, как в лагерь въезжает Ларин со своими воинами, к седлу одного из них был приторочен большой алый сверток, из которого торчали сандалии. Это был явно завернутый в алый плащ человек, который безуспешно пытался освободиться от пут. Он делал это до последнего момента, даже когда скифы подъехали к шатру командующего экспедиционным корпусом и сбросили его прямо Федору под ноги.

– А я уж думал, ты не вернешься, – усмехнулся Чайка, с радостью оглядывая целого и невредимого друга, на теле которого не было видно никаких особых ран или повреждений, хотя его воины вели под уздцы двух свободных лошадей, – где же вы шатались всю ночь?

– Понимаешь, – начал, не слезая с коня, излагать Леха свою версию, изредка поглядывая на извивавшегося в пыли спартанского гоплита, а это был именно он, – мы долго скакали по этой пустынной земле и не встретили ни одного солдата. Только крестьяне от нас шарахались во все стороны, а гоплитов все не было.

Леха все же спрыгнул на землю, пнул лежащего пленника и продолжал.

– Так вот. Мы хотели уже до самой Спарты доскакать и взять ее, ты что-то долго собираешься, – приговорил он, усмехнувшись, – но, тут ночь стала опускаться, уже и назад надо бы, но как же без языка? Стыдно возвращаться ни с чем. Обещал же.

Леха подбоченился и гордо закончил.

– И вот уже под самые сумерки, вылетаем мы на один холм и смотрим, пылит по дороге вот этот хлопец. Ну, думаю, надо хоть его прихватить. Вдруг, тот самый гонец и есть. Догнали, так он отбиваться стал. Здорово дрался, зараза. Двоих моих людей убил своим копьем, пока обезоружили. Еле сдержал остальных, чтобы его не продырявили. А надо бы.

Леха еще раз со злостью пнул спартанца в бок, но Федор осадил его.

– погоди, надо с ним прежде поговорить.

– Попробуй, – согласился Ларин, нехотя делая шаг назад, – да только не скажет он ничего, печенкой чую.

– Посмотрим, – стоял на своем Федор, и взглянул на друга пристальнее, словно хотел и его вывести на чистую воду. – А ты сам-то, где всю ночь пропадал? Я уж тебя в покойники записал.

– Тут такая история вышла, – нехотя признался Леха, – мы слегка с пути сбились...ну, заплутали, в общем, пока тот отряд отследить пытались. Пришлось в лесочке до рассвета схорониться. Ты же сам предупреждал, чтобы мы со спартанцами в драку не лезли.

– Я-то предупреждал, только ты ведь все равно не послушал, – ухмыльнулся Чайка, прищурившись, – давай, рассказывай, что за отряд ты там пытался выследить.

Предводитель скифов, посмотрел по сторонам, словно ищущий поддержки и признался.

– В общем, как захватили мы этого бегуна, – продолжил Леха, как бы оправдываясь, – заметили на дальнем холме движение, явно военный отряд шел. Ну и решил я проследить, кто такие. Подобрались поближе, краем леса, – точно, спартанцы, человек триста гоплитов по дороге идут.

– А ты кого здесь хотел увидеть? – усмехнулся Федор, – эфиопов что ли? Ты лучше скажи, в каком направлении они шли.

– Шли они не к нам, а от берега, в центр местных земель, – пояснил Леха, скользнув взглядом по усталым лицам своих воинов, – как мы их догнали, уже ночь опускаться стала. Проводил я их немного, да во тьме скоро потерял. Они в лесок вошли и как сквозь землю провалились. Дальше я за ними не пошел.

– Молодец, – похвалил друга Федор, – молодец, что хоть не додумался напасть на них, а то с тебя стало бы. Ну, а если серьезно, то, раз они маршировали отсюда вдаль, то, похоже, и не знали о нашем приближении. Твое счастье, что никто из крестьян им по пути не попался, да бегуна этого время перехватил.

Закончив нотацию, Чайка повернулся к пленнику.

– Ну, Фидипидис¹² хренов, – спросил он громко, – и кто же ты такой?

Федор нагнулся и подергал за кожаные ремни, надежно спеленавшие пленника по рукам и ногам. Худощавый и жилистый спартанец яростно вращал глазами, один из которых был едва виден из-за огромного синяка. На лбу запеклась кровь, натекая из раны на голове, да и вообще пленник выглядел изрядно помятым. Чайка даже решил, что у него сломана пара ребер.

– Развязать хочешь? – уточнил Леха, положив ладонь на рукоять меча, – не советую.

¹² 12 сентября 490 года до н. э. грек Фидипидис впервые пробежал в полном вооружении дистанцию 42 км 195 метров от Марафона до Афин, чтобы принести в Афины известие о победе греков над персами в Марафонской битве.

Больно приткий.

– Не буду, – согласился Федор, посмотрев на два пустых седла, сиротливо выглядевших, после потери своих хозяев, – так пообщаемся.

На всякий случай он даже сделал знак охране из морских пехотинцев приблизиться и обступить место допроса. Пленник за это время ухитрился сесть на корточки и озирался по сторонам, явно не теряя надежды сбежать.

– Кто ты и где служишь? – спросил Федор.

В ответ спартанец только, стиснул зубы.

– У меня мало времени, – проговорил Федор, сделав шаг вперед, – поэтому, если не хочешь говорить, можешь просто кивать головой, если я прав. Ты гонец, которого отправили из Этила в Спарту к войскам Маханида?

Спартанец с ненавистью воззрился на Федора, но не шелохнулся.

– Похоже, я прав, – ухмыльнулся Федор, поймав этот обжигающий заряд ненависти, – всю твою армию или тех, кто остался защищать Этил, мы уничтожили. Так что ты все равно опоздал. Где сейчас, Маханид? Ушел к северным границам?

Спартанец открыл рот и громко харкнул в сторону Федора. К счастью, не попал. Но зато его «ядовитая» слюна угодила на сандалии скифского предводителя. Ларин не сдержался и с размаху залепил этой же ногой в ухо пленнику, повалив того на землю.

– Грубо, но сойдет, – одобрил Федор.

И хотел было продолжить этот молчаливый допрос, но, откатившийся под ноги морпехам пленник, вдруг вскочил и распрямился во весь рост. Чайка с изумлением увидел, что тот каким-то чудом сумел-таки расслабить и сбросить ремни со своих стоп. Руки на запястьях, к счастью, у него все еще были связаны. Тем не менее, он умудрился молниеносным движением ноги оттолкнуть ближнего морпеха и, пока тот выхватывал фалькату, выбить щит из рук второго и, нанеся удар головой в лицо, завладеть его оружием. Однако пустить в ход фалькату пленник не успел. Едва спартанец смог вскинуть ее над головой связанными руками, как клинок другого морпеха нашел его грудь. Смертельно раненный пленник пошатнулся. Выронил оружие и упал на траву, окрасив ее своей кровью.

– Вот и поговорили, – резюмировал Федор.

– Все равно ничего бы не сказал, – отозвался на это Леха без всякой обиды за напрасно проделанный труд и разглядывая окровавленное лицо морпеха, которому спартанец сломал нос, – я же предупреждал. Хорошо еще никого убить не успел.

– Ладно, – смирился Федор, и приказал, кивнув на мертвого спартанца, – унесите это. Если боги больше не пошлют нам известий, придется действовать на свой страх и риск. Во всяком случае, пока вокруг нас серьезных войск не наблюдается. Дорога на некотором протяжении свободна, так что сразу двинемся вперед, как только подойдут подкрепления.

В этот момент, услышав его последние слова, командир морпехов указал куда-то в море.

– На горизонте паруса.

Чайка резко обернулся, устремив взор к горизонту. Заметив целый лес парусов и знакомые силуэты квинкерем, Федор довольно улыбнулся.

– А вот и знак. Боги любят нас. Значит, уже завтра мы выступим отсюда.

Глава одиннадцатая

«Направление главного удара»

Разгрузка прибывшей армии заняла целый день и не прекращалась всю ночь. Солдат прибыло так много, что лагерь на берегу, построенный с небольшим запасом, вскоре был заполнен до отказа, а остальных Федор отправил в Этил. И даже после этого он не представлял, куда деть три тысячи пехотинцев и пятьсот испанских всадников, которые еще не закончили выгружаться на берег. Численность прибывших из метрополии подкреплений впечатляла. Теперь у него «под ружьем» находилось без малого пятнадцать тысяч человек

африканской пехоты, целых два осадных обоза, несколько десятков полевых и осадных метательных орудий, и пять сотен тяжеловооруженных всадников. Более того, у него еще был флот. Правда, прибывшие с подкреплением корабли имели приказ тотчас вернуться обратно, но и собственных двух десятков квинкером было более чем достаточно, чтобы поддержать в случае необходимости армию какой-нибудь десантной операцией. Их никто не отзывал назад, предоставив в полное распоряжении Чайки.

С новым корпусом пехотинцев прибыл сам Атарбал. Узнав об этом, Федор лишний раз утвердился в своих подозрениях, что новый тиран придает этой небольшой войне слишком большое значение. И поход на Спарту это только начало какой-то новой грандиозной кампании. Возможно, она уже идет и Чайка является ее непосредственным участником, но пока не догадывается о ее истинных целях и масштабах. В этот раз Ганнибал приоткрывал ему завесу над своими планами по частям, словно Федору следовало пройти полдороги, чтобы узнать о том, куда двигаться дальше. Это было немного обидно, но Федор успокоил себя тем, что он все же солдат, а не придворный. Его дело воевать там, где скажут, а наград у него было уже предостаточно.

Увидев заслуженного военачальника, Федор поначалу решил, что теперь ему придется передать командование «старшим товарищам». Но, Атарбал удивил его сообщением, что прибыл сюда в качестве наблюдателя, а все командование Федор будет и дальше осуществлять единолично.

– Наблюдателя? – Чайка не смог скрыть удивления.

Военачальники обсуждали все это с глазу на глаз у него в шатре, за чашей вина, которую он предложил уставшему с дороги Атарбалу. Годы и многочисленные ранения уже не позволяли ему также легко, как раньше переносить усталость. Он был почти седым. Несколько шрамов, – отметины, полученные в армии Карфагена за время многочисленных кампаний, – испещряли его широкое и слегка одутловатое лицо. И все же он был еще полон сил и мудр, гораздо превосходя своим опытом Федора, и такое назначение одного из приближенных Ганнибала в его армию в должности «серого кардинала» скорее озадачило Чайку, чем обрадовало. Раньше Ганнибал ничего такого не делал.

– Именно, – подтвердил тот, с удовольствием отпивая вина, – моя роль лишь следить за происходящим и сообщать Ганнибалу последние новости. Но, не беспокойся, это продлится недолго.

Федор помолчал. Прежде чем, что-либо сказать, он решил крепко подумать. Однако, оставить все как есть он не мог, слишком уж это было необычно. Требовались кое-какие разъяснения.

– С походом на столицу Лакедемона ты справишься и без меня, – продолжал выдавать информацию небольшими порциями Атарбал, – а у меня здесь скоро будут свои заботы.

– Но вы не откажитесь взять на себя роль начальника нашего штаба, если...я вам ее поручу? – проговорил он, решив рискнуть и выведать истинные мотивы Ганнибала, – мы должны выступить немедленно и я не вижу более опытного военачальника, который лучше вас правился бы с этой задачей. Нам предстоит захватить целый полис, а в нем много городов. Я думаю, с такими силами стоит спланировать не одно, а два одновременных наступления на различные районы Спарты. А также провести высадку морского десанта на противоположном побережье, чтобы ускорить падение столицы Лакедемона и окончательно лишить спартанцев возможности отбиться.

– Несколько дней я в любом случае буду отвечать за тылы этого наступления, – кивнул Атарбал, слегка усмехнувшись, – но, затем сюда прибудет еще один флот. Он переправит в Этил примерно такое же количество солдат и артиллерии, не считая слонов.

– Но тогда наша армия будет насчитывать... – Федор даже не стал произносить вслух эту цифру, ему итак стало все почти ясно.

Он помолчал немного, отпив еще вина, и закончил мысль, оформив свои подозрения.

– Такая армия будет слишком большой для захвата всего лишь одного, пусть и сильного полиса, – проговорил он, глядя на Атарбала, сидевшего с безмятежным видом

отдыхающего старика, – с ней можно сделать гораздо больше.

– Именно так, – подтвердил его догадки Атарбал, – так что, пока ты будешь штурмовать со всеми прибывшими силами столицу Спарты, я буду сидеть здесь, прикрывать твои тылы и ждать прибытия нового флота. Он должен появиться буквально через три-четыре дня.

– Но, за это время я могу не успеть захватить Спарту, – поделился сомнениями Федор. Впрочем, в глубине души он был уверен, что успеет. Ганнибал решил не скупиться на подкрепления, и его армия уже превосходила армию Ахейского союза, а скоро будет превосходить и экспедиционную армию Филиппа Македонского. И это если не вспоминать о флоте, который тоже мог прибыть сюда сразу из нескольких гаваней в Италии.

– Уверен, ты захватишь ее с первого удара, – по-отечески улыбнулся Атарбал, – не зря же ты учился когда-то воевать под моим началом. Тем более, что Филопемени оказал нам большую услугу, поддавшись на твои уговоры. Все сложилось очень удачно для нас. Сейчас он уже должен сражаться с главной армией Маханида, оттянув на себя все внимание спартанского царя. Так что ты сможешь быстро подойти к Спарте и взять ее за горло, прежде чем Маханид окажет тебе серьезное сопротивление.

Атарбал поменял позу, развалившись на походном кресле с короткой спинкой, и неторопливо отпил вина, закусив фруктами, прежде чем продолжить.

– Услышав о продвижении ахейцев, он, наверняка увел с собой почти всю армию, оставив лишь часть для защиты главного города и небольшие гарнизоны в остальных поселениях. У него просто не хватит сил. Да и Филопемени на этот раз настроен серьезно и его армия почти не уступает спартанской. Так пусть же они перебьют друг друга, а нам достанется Спарта.

– Не думаю, что Ахейский союз будет доволен, узнав о наших действиях, – проговорил Федор, – да и царь Филипп, тоже.

– А кто спрашивает Ахейский союз? – спокойно возразил Атарбал, и Чайка с удовлетворением убедился, что в данный момент он посвящает его в глубины политического замысла Ганибалла, – разбив спартанцев с нашей помощью, Филопемени будет рад. Но, ему никто не обещал Спарту. Угроза исчезла, – ахейцы довольны. С них и этого хватит.

– Я отослал несколько триер обратно Филопемени буквально перед вашим прибытием, – вспомнил Федор, – они, наверняка, видели ваш флот.

– Да, мы видели ахейские корабли, – подтвердил Атарбал, – но, это ничего не меняет. Чтобы они не сообщили Филопемени по прибытии, уже поздно. Им понадобится два, а то и три дня, чтобы добраться до места событий, а за три дня все в Спарте может перемениться.

Федор поставил пустую чашу на стол и, чуть наклонившись вперед, спросил напрямик.

– А что случится, когда сюда придет второй флот?

Атарбал немного подождал, словно раздумывая, говорить или нет. Потом поставил свою чашу рядом с чашей Федора и ответил.

– Когда здесь появится вторая армия, то флот отсюда уже не уйдет. Мы начнем второе наступление по суше и по морю через Кинурию на Аргос, Коринф и дальше. К тому моменту, когда Филипп разберется с Фивами и подойдет к Афинам, мы тоже будем там.

Федор не поверил своим ушам.

– Но, Аргос входит в Ахейский союз, – медленно произнес он, – это означает, что после совместной победы над Спартой...

– Вот именно, – спокойно ответил Атарбал, – этим эллинам пора распрощаться со своей свободой. Слишком долго мы это терпели.

– У Филопемени все же есть вполне боеспособная армия, – осторожно напомнил Федор.

– Пока есть, – не стал спорить Атарбал, – но, после встречи с Маханидом ее силы будут подорваны. И нам не составит большого труда присоединить после Спарты Мессению, Аркадию, Ахайю и остальные полисы к своим новым владениям на Пелопоннесе. Мы сделаем это бескровно, если они согласятся не выступать против нас. А если не согласятся, то к отплытию уже готовится и третий флот, который может начать высадку пехотинцев

прямо в Ахайе или в соседней Элиде. После победы над Римом сил у нас хватит на все.

– А как посмотрит на это наш главный союзник, Филипп Македонский? – задал, наконец, главный, беспокоивший его вопрос, Федор, – с ним мы тоже начнем войну?

– Зачем? – искренне удивился Атарбал, отправив в рот сразу гроздь засахаренного винограда, – Филипп хороший союзник, он давно нас поддерживает. Уверен, будет это делать и дальше. Македонский царь просто получит неопровержимые доказательства заговора ахейцев и египтян, с которыми они поддерживают давние связи. Заговор вдохновили Птолемеи, подкрепив его египетским золотом, с целью лишить Филиппа власти в этих землях.

Атарбал вновь откинулся назад, улыбнувшись еще шире.

– А мы раскроем этот заговор и накажем предателей, заодно присоединив их земли. Так уж все получилось.

Федор посмотрел на Атарбала и тот прочитал в его взгляде недоверие. Филипп не был полным идиотом и не поверил бы в этот столь своевременный заговор, хотя все предпосылки бесспорно имелись. И тогда мудрый карфагенский военачальник решил пояснить Чайке еще кое-какие детали, чтобы окончательно развеять сомнения в успехе замысла Ганнибала.

– Филиппу придется смириться. Ведь мы же не отнимаем у него всю Грецию. Но и позволить, чтобы он единолично распоряжался не только в Эпире и Македонии, а и в Элладе, тоже не можем. Кроме того, конные полчища скифов Иллур, которые стремительно надвигаются с севера, сделают его сговорчивее. Скифы не любят греков, финикийцы тоже, но Филипп вскоре останется единственным греком среди наших союзников. В память о былых заслугах. Единственным. Так что, остальных придется поделить.

Федор был впечатлен перспективой, которую перед ним только что развернули в этом походном шатре. Планы Ганнибала насчет Греции стали для него намного яснее. Но, тем не менее, Чайку не окидало ощущение, что этот хитрый и мудрый военачальник из плеяды главных героев Карфагена, рассказал ему не все. «Ладно, пока мне хватит, – одернул себя Федор, едва не раскрывший рот, чтобы задать новый вопрос, – нельзя быть слишком любопытным. Прежде чем появится что-то еще, надо воплотить в жизнь эти мечты Ганнибала».

Впрочем, он понимал, что это далеко не мечты. Это был совершенно конкретный план захвата греческих территорий с учетом возможных действий всех врагов и главное, союзников, на несколько шагов вперед.

– Что ж, – вымолвил Федор, – Ганнибал еще никогда не ошибался. Думаю, он и на этот раз поступил верно.

– Я всегда говорил ему, что из тебя выйдет хороший стратег, – вновь ухмыльнулся Атарбал, слегка развеяв возникшие ранее опасения, что Чайку до сих пор использовали втемную, – именно поэтому он и поручил это щекотливое дело тебе. С Этолией ты уже справился. Теперь разберись с ахейцами.

– Тогда нам пора выступать, – сказал Федор, поднимаясь, и добавил, словно вспомнив о сущей безделице, – но, для начала нужно разобраться со спартамцами.

Буквально на второй день похода, его армия разделилась сразу на три части, благо возможности позволяли. Первая под руководством Федора Чайки быстро продвигалась вдоль отрогов Тайгета к центру страны, обозначив направления главного удара и привлекая к себе основное внимание спартанских разведчиков. Между тем, на серьезные действия спартамцы не решались, собирая по данным Федора свои силы у города Амиклы, в надежде дать генеральное сражение. Так что, армия Чайки пока продвигалась без особых проблем, занимая все встречные деревни, и ожидая возможной контратаки.

Вторая часть, под командой Кумаха, свернула круто на восток и с ходу взяла укрепленный город Лас, выйдя на другое побережье полуострова, у основания которого располагался Этил. Расправившись с немногочисленным гарнизоном Ласа, армия Кумаха двинулась вдоль побережья в сторону дельты Эвроты, главной реки Лакедемона, впадавшей в

море неподалеку от места происходивших событий. По пути ему предстояло захватить еще две крепости, два довольно больших по местным меркам спартанских города, – Гифий и Гелос. Лишь затем он должен был достичь дельты и двинуться вверх по течению реки на соединение с Чайкой.

В среднем течении Эврота и находилась столица. На большом протяжении Эврот был судоходен, и по плану к дельте, обогнув лежавший позади наступающих войск мыс Тенар¹³, вскоре должна была подойти небольшая флотилия из грузовых судов с пехотинцами и пять триер для охраны. Федор задумал проникнуть в сердце Спарты срезом несколькими путями. Однако, после разговора с Атарбалом, ограничился пока одной десантной операцией вместо двух, оставив Атарбалу место для маневра.

Мыс Тенар, который они отрезали от остальной Спарты в первую очередь, тоже не был пустынным. На нем, не считая рыбацких деревень, находилась пара небольших городов. А на самой дальней оконечности, выдающейся в море, стоял знаменитый храм Посейдона, в котором прятались беглые илоты во время криптий. Туда, Федор знавший все это из прошлой жизни, просто не мог не отправить еще один отряд, который мог столкнуться не только со спартанцами, но и с беглыми рабами.

– Если повстречаешь много беглых рабов, – отдавал наказ Чайка командиру отряда испанской конницы, которую он решил отправить для скорейшего выполнения задачи, – не убивай их и не пугай.

– Может быть, – удивился военачальник, происходивший из знатного карфагенского рода, – еще пообещать им свободу?

Федор сдержался, чтобы не осадить его, а лишь назидательно произнес.

– Это было бы лучше всего, и помогло бы нам посеять в стране смятение. Но...

Он замолчал ненадолго, явно наслаждаясь возникшим недоумением, которое легко читалось на лице высокородного всадника.

– Но, они итак слишком долго ждут освобождения. И, если мы пообещаем им это и не дадим, то вместо поддержки, они могут соединиться со своими угнетателями. И мы получим вдвое больше людей, сопротивляющихся нам. А терять им нечего.

Федор выдохнул, закончив напутствие.

– Нет уж, хватит с нас и регулярной армии. Рабы пусть остаются рабами. Но, их нельзя убивать, особенно сейчас. Постарайся объяснить им, если придется, что Карфаген может дать им лучшую жизнь, чем была у них до сих пор.

Всадник, молча, смотрел на Федора, не понимая, шутит тот или нет.

– Надеюсь, ты меня понял, – заявил Федор уже вполне серьезно, – отправляйся немедленно и уничтожь всех гоплитов, которых обнаружишь. За тобой двинутся пехотинцы. Храмы и деревни пусть остаются в целости.

– А города? – уточнил начальник конницы, не очень довольный таким приказом. По всему было видно, что он не привык церемониться с гражданским населением страны. Тем более страны, которую им предстояло захватить.

– Если будут сопротивляться, их можно разрушить или сжечь, – чуть подсластил пилюлю Федор.

Всадник слегка повеселел и усккал выполнять приказание. Вскоре его отряд втянулся на узкую горную дорогу, что петляла меж каменистых холмов и была единственным путем к мысу Тенар. Федор провожал их взглядом до тех пор, пока отряд не скрылся за ближайшей скалой. Вслед за ними отправилась хилиархия африканских пехотинцев.

– Надеюсь, этих сил хватит, чтобы обезопасить мой тыл, – проговорил он, разворачивая коня в противоположную сторону, – но, ждать больше нельзя, нужно идти вперед.

¹³ **Мыс Тенар** – крайняя южная точка Пелопоннеса. Здесь был расположен храм Посейдона, где часто находили убежище илоты. Считалось, что любого человека, вошедшего в храм, нельзя убить, пока он не покинет его по собственной воле. А до тех пор он находился под охраной божества.

То же касалось и храмов, посвященных всем другим греческим богам.

За следующие сутки его армия, в которой временно насчитывалось всего шесть тысяч пехотинцев, далеко оторвалась от своих, совершила марш-бросок и преодолела плоскогорье, простиравшееся до самых Амикл. Только здесь разведчики Федора обнаружили достаточно крупные силы врага, готовые попытаться его остановить. Узнав о появлении в тылу еще одной неприятельской армии, Маханид приказал мобилизовать всех периеков¹⁴ с восточного побережья и снять регулярные гарнизоны с ряда крепостей. Этим мер хватило на то, чтобы набрать три с половиной тысячи человек. Во всяком случае, именно о такой численности войска получили сведения разведчики Чайки от нескольких пленных периеков, которым удалось быстро развязать языки. Периеки только с виду напоминали спартанцев. Они были одеты также и вооружены, но до подготовки настоящих спартанских гоплитов, которая длилась всю жизнь, им был далеко.

По меркам Спарты собранное войско было достаточно большим, – средняя спартанская армия, в которой в не такой уж далекой древности могли служить только граждане, – насчитывала восемь тысяч человек. В силу отличной подготовки спартанцы гибли реже, чем их противники и никогда не были для своих командиров расходным материалом. Их так долго готовили, что такой «материал» выходил золотым и потери в тысячу воинов, которые для каких-нибудь персов были вообще не заметны, пробивали невосполнимую брешь в генофонде Спарты. Чтобы сохранить своих граждан, – самое ценное, чем обладала Спарта, – правители этой страны вынуждены были разрешить службу в армии периекам, выполнявшим воинскую повинность в случае необходимости. Это позволило увеличить численность воинов, но именно периеки и стали расходным материалом. А также все, кто назывался союзниками Спарты, поскольку себя спартанцы ценили выше всех.

– Интересно, сколько среди них настоящих воинов, – размышлял Федор, сидя у костра в окружении ближайших военачальников, пока его воины строили укрепленный лагерь на холме вблизи Амикл, – если верить пленным, то не больше трети. Это сильно упрощает задачу.

На костре готовилось мясо, запах которого будоражил ноздри всех, кто собрался у огня. Все воины были голодными и предвкушали сытный ужин после столь стремительного перехода.

– Даже если бы они все были гражданами, прошедшими настоящую подготовку, – вставил слово Бейда, – это бы их не спасло. Наша армия, даже разделенная на несколько частей, все равно сильнее.

– Теперь у меня пятнадцать слонов, – похвалился Исмек. – Если выпустить их в бой всех одновременно, никакая фаланга не устоит. Побегут до самой Спарты.

– Я их не боюсь, но не стоит недооценивать противника, – предупредил собравшихся Федор, – вы видели, что смогли сделать двести спартанцев на берегу. Поэтому, пока я не принял решения насчет битвы, будьте осторожны. Стоит удвоить охрану. Они могут напасть и ночью, это их любимое время. Попытаться поджечь лагерь и распугать слонов. Это особенно вероятно сейчас, когда численное превосходство на нашей стороне.

– Лагерь охраняется хорошо, – ответил Бейда, – мы стоим на холме. Метательные машины, с которых можно простреливать все подступы, уже установлены на башнях. Так что мы отобьемся в любом случае. А за слонов Исмек может ручаться.

Коренастый ливиец кивнул.

– Я не дам им запаниковать и разнести половину лагеря, даже если нас забросают

¹⁴ **Периеки** – дословно «окрестные жители» – свободное, но бесправное население Лаконии, не входившее в состав гражданского коллектива Спарты. Периеки, согласно традиции, жили своими общинами, сформировавшимися из остатков ахейского населения Лаконии после завоевания ее дорийцами, и занимались торговлей и некоторыми ремеслами. То есть тем, чем гражданам Спарты было заниматься категорически запрещено. В городах и общинах периеков было сохранено местное самоуправление, но никакого права голоса в общественной жизни Спарты они не имели. Кроме того, в случае объявления войны, они обязаны были исполнять воинскую повинность.

факелами.

– Ну, что же, тогда я спокоен, – резюмировал Федор, хотя его все же немного беспокоило, что лагерь был еще не до конца достроен, – к утру вернуться разведчики, и будет ясен план наших действий, а пока можно отдохнуть и перекусить.

Однако, он как в воду глядел. Едва собравшиеся военачальники принялись за еду, отрывая куски сочного мяса от зажаренной туши, как в той части лагеря, где частокол еще не был замкнут, раздались крики, а вскоре послышался и звон оружия. Федор вскочил, отбросив еду, и попытался рассмотреть, что там происходит. Но, уже стемнело и толком он ничего увидеть не смог, кроме того, что в дальнем углу лагеря потухли все факелы. Однако по неясным очертаниям и доносившимся крикам можно было понять, что совершено нападение.

– Спартанцы, – прошептал Федор, уже пожалевший о том, что приказал минимально освещать свой лагерь, чтобы противник сам не смог составить точного представления о количестве его войск. Но, фокус не прошел, это лишь помогло спартамцам подобраться ближе и напасть. Охранение, между тем, свою службу знало, и бой шел пока на подступах к лагерю, в который спартанцы, судя по всему, намеревались прорваться. Факелов, чтобы поджечь его, никто не бросал. Воины Лакедемона отлично ориентировались в темноте и предпочитали победить противника силой оружия. Однако Чайка хотел увидеть в лицо своего врага.

– Бейда, – приказал он, – у тебя хватает запасов жидкого огня?

Начальник осадного обоза кивнул с пониманием.

– А ну, дай несколько залпов по нашим гостям! Надо подсветить поле битвы.

Ливиец также бросил есть, и убежал к артиллеристам, пропав в о тьме. А Чайка, прихватив оружие и десяток солдат для своей охраны, направился ближе к месту схватки. Он не успел еще пройти и ста шагов, как откуда-то справа небо прочертил первый огненный снаряд и рухнул далеко за частоколом. Дикие вопли, раздавшиеся после падения горшка, были подтверждением точного попадания. В последнее мгновение Федор увидел как эта «осветительная ракета» пролетает над головами спартанских гоплитов, которые четким строем атаковали пехотинцев Чайки у самой ограды, и падает прямо в гущу вражеских солдат, разливая жидкий огонь во все стороны. Этот неожиданный гостинец быстро превратил нескольких гоплитов в факелы, лишив их возможности драться. А прилетевшие следом еще три горшка внесли сумятицу в организованные действия спартамцев и осветили место действия так хорошо, что Федор смог все вполне отчетливо разглядеть.

Их атаковало человек пятьсот, – достаточно большой отряд по спартанским меркам, – что говорило о важной задаче, которую возложило на этих гоплитов командование. Им каким-то чудом удалось быстро подобраться почти к самым стенам незамеченными и атаковать строивших частокол воинов. Скорее всего, все внешние патрули были грамотно перебиты, и, если бы не дополнительное охранение, то спартанцы уже были бы в лагере.

– Они, похоже, надеялись проскочить по-быстрому и воспользоваться эффектом неожиданности, – констатировал Федор, глядя на корчившихся в огне в самом центре спартанского строя гоплитов, – но, не вышло.

Впрочем, спартанцы только начали свое наступление и, несмотря на неожиданный обстрел, первые шеренги уже опрокинули заслон, и кое-кто даже пробился в ров. Благодаря смутным отблескам пожара было видно, что лакедемоняне рвутся вперед изо всех сил, методично работая копьями. Этот обстрел спутал им все карты, но они не привыкли отступать. Бой еще не был закончен. Повсюду раздавались крики «Лакедемон» и новый удар окончательно сбросил остатки защитников прохода в ров. Алые плащи замелькали уже совсем близко от границы лагеря.

– Зажечь все факелы вдоль ограды, – приказал Федор, – чего уж теперь прятаться. Не хватало еще, чтобы они прорвались.

Когда его приказание было выполнено, ров и все происходящее в нем, стало видно гораздо лучше. Слегка подсвеченные мишени, начали обстреливать лучники со стен. Навстречу прорвавшимся, сквозь недостроенный частокол, выступила едва ли не целая

хилиархия африканских пехотинцев, заткнув брешь в обороне. Баллисты обрушили новый шквал огня на задние шеренги спартанцев и наступление забуксовало.

Однако, жестокая драка продолжалась почти несколько часов. Спартанцы никак не хотели отступать. Напротив, они смогли уничтожить почти половину выставленной против них хилиархии и продолжали насесть. Их ряды таяли, но не так медленно, как хотелось бы Федору. Было похоже на то что в эту атаку спартанцы послали настоящих гоплитов.

– Да когда же у них закончатся воины! – в сердцах сплюнул Федор, которому не дали в этот вечер ни поесть, ни поспать, – передайте артиллеристам, чтобы усилии обстрел из баллист. Уже достаточно светло, чтобы стрелять ядрами.

Кроме того, он выслал еще один отряд, который должен был обойти спартанцев и атаковать с тыла. Вскоре каменные шары стали подсекать спартанцев десятками, но это лишь придало им сил для последней атаки. Часть гоплитов Лакедемона с воплями ярости пробилась в лагерь, и даже кое-кто из них добрался до метательных машин. К тому месту, где стоял сам Чайка они не успели добраться, – их изрубили морские пехотинцы, на шеренги которых навалились нападавшие. Но несколько копий все же пронеслось над головой командующего, поразив троих солдат из его охраны. Сам Федор был невредим, но в ярости сжимал рукоять фалькаты.

– Черт побери, – ругался он, – да сколько же надо народа, чтобы сдержать этих проклятых спартанцев. Их тут и хилиархии-то не наберется!

Словно в ответ на его слова, морпехи уничтожили всех, кто смог прорваться в лагерь. Перекрывший спартанцам отступление отряд остался без дела.

– Говорят, они не умеют отступать, – констатировал тяжелую победу Федор, разглядывая дымившееся и местами еще горевшее поле перед лагерем. – Похоже, не врут.

Глава двенадцатая «Амиклы»

Это неожиданно ночное нападение, лишило Федора последних сомнений. Если еще несколько часов назад он раздумывал, ждать ли подхода остальных частей собственной армии, которые были уже не так далеко от Амикл, то теперь он решил не ждать. Ярость спартанцев говорила о многом. И прежде всего о том, что у них явно не хватает сил для полномасштабной войны на два фронта, а помощь к ним вряд ли подоспеет. Федору в этой войне достался, по счастливой случайности, второй, более слабый фронт. Конечно, хотелось бы знать подробнее о том, что происходит на первом, где лакедемоняне под предводительством Маханида уже должны были столкнуться с ахейцами. Но, по тем данным, что уже удалось собрать относительно обороны спартанцев здесь, итак было ясно, что сил у них на все не хватает.

Той армией, что стояла у Амикл, командовал спартанский полемарх¹⁵ по имени Анаксилай. Был более знатный претендент на право руководить армией, – некий Набис¹⁶, происходивший из царского рода, – но Федору доносили, что он находился сейчас в самой Спарте. Как бы там ни было, Анаксилай готовился дать бой и уже даже предпринял первую

¹⁵ **Полемахии** , – «военные предводители», – составляли штаб царя.

¹⁶ В описываемой в данном отрезке текста ситуации, мы позволили себе несколько сместить и сблизить годы правления реально существовавших властителей Спарты. Поэтому предлагаем любознательному читателю некоторое разъяснение по поводу того, кто есть кто. Итак, Маханид (Machanīdas), знатный спартанец, присвоивший себе власть тирана в Спарте после смерти царя Клеомена III. Был побежден в войне с Ахейским союзом и убит в 207 г. до Р. Х. Все это время он был также опекуном действующего малолетнего царя Пелопа.

После его смерти опекуном Пелопа, а затем и царем Спарты (предположительно убив Пелопа) стал Набис из рода Эврипontiдов. Это произошло примерно с 207 по 206 год до н. э.

Анаксилай – в данном случае выдуманный персонаж.

атаку, чтобы остановить вторжение карфагенян в самое сердце страны.

Федор решил ответить внезапным ударом на удар, не дожидаясь пока придут остальные войска. Его армия итак превосходила войско спартанцев почти вдвое.

Не успели потухнуть огни на поле боя, а дым развеяться, как Чайка собрал всех своих военачальников.

– Немедленно вывести из лагеря четыре хилиархии. Пехотинцев и морпехов, – приказал он, поправляя ножны фалькаты, которую ему так и не удалось использовать в этой стычке. – Десять слонов. Двадцать полевых баллист. Инженерам заделать брешь. Оставить для обороны укреплений одну хилиархию. Я сам возглавлю наступление.

Он обвел взглядом присутствующих, еще не отошедших от ночного боя.

– С рассветом мы должны быть уже под Амиклами, – закончил Федор, – мы не будем ждать остальных и новых ударов врага. Мы нападём на спартанцев первыми. Все.

Однако, не успели воины Чайки покинуть укрепления и, бряцая оружием, направиться в сторону вражеского города, имевшего хоть и древние, но самые мощные укрепления из тех, что пока успел увидеть Федор в местных землях, как из предрассветной мглы появился гонец от Кумаха. Он возник со стороны реки и очень спешил. Его усилия не пропали даром.

Федор остановил коня, вопросительно посмотрев на прибывшего. Морской пехотинец, который не передал ему никакого свитка, был не один, а в окружении дюжины таких же бойцов.

– Ну, что велел передать тебе Кумах? – не выдержал Федор.

Отдышавшись, морпех поправил лямку болтавшегося за спиной щита, и доложил.

– Лас и Гифий взяты. Он движется к тебе на соединение, но прослышав о твоём быстром продвижении, отправил вперед нас.

– Я думаю, двенадцать человек нам очень помогут, – ухмыльнулся Федор, пересчитав гонца и его свиту из охранников, – обязательно поблагодарю за помощь Кумаха, когда он появится здесь.

– Вон там, стоят наши корабли, – не оценил шутку морпех, махнув рукой назад, где в нескольких стадиях плескались волны Эвроты, скрытые за лесом, – нас почти полторы хилиархии. Из тех, что остались в живых после штурма.

– Это уже лучше, – кивнул Федор, придерживая лошадь, которая так и норовила пуститься вскачь, – выгружайтесь на берег. Оставьте сильную охрану у кораблей, а остальные пусть располагаются в лагере. Если мне не хватит воинов в предстоящем сражении, то я вызову вас.

Пехотинец кивнул, а Федор развернул и погнал коня в голову колонны, которая за время разговора ушла далеко вперед. Оказавшись на поле, с которого уже был виден ров и мощная крепостная стена, Чайка заметил спартанцев. Они выстроились несколькими отрядами по самому краю насыпного вала, и сверху наблюдали подход войск неприятеля. Позицию Анаксилай выбрал самую лучшую. Строй гоплитов в алых плащах и щитами с изображением Лямбды, выстроившись полукругом, запирали выход из долины. По дну долины протекал небольшой ручей, а рядом с ним проходила дорога, ведущая в Спарту. На этой дороге, упершись одним крылом в крепостную стену, а другим в холм и стояли спартанцы. Сам город, как и лагерь Федора, находился на небольшой возвышенности, и левый край долины служил естественным препятствием для наступающих.

– Уже построились, – проговорил Федор, немного удивленный тем, что спартанцы никогда не хотели обороняться в крепости, хотя это могло сэкономить им массу сил и, главное, людей. – Ну, что же, чему быть, того не миновать.

Осмотрев позиции повнимательнее, Чайка еще больше удивился, заметив катапульты и баллисты на левом фланге спартанцев. Метательные орудия были размещены на гребне насыпного вала, почти у самого подножия стен. Они стояли так, чтобы стрелять во фланг наступающим на ряды спартанцев врагам, если только они не рискнут пониматься прямо вверх по открытой местности к самым орудиям.

– Не дурно, – одобрил он тактический ход противника, – нас, похоже, ожидали. Если не

сразу, то в скором времени. Значит, блиц-крига не получится. Ну, ничего, нам есть, чем ответить.

Поразмыслив некоторое время, Чайка решил устроить артиллерийские редуты на своем «берегу», развернув вполоборота, – войска карфагенян, выйдя к городу, оказались на правой стороне долины, в ее более низкой части. На случай контратаки спартанцев. Дальнобойность орудий с обеих сторон была такой, что под их огонь попадал любой противник, рискнувший перейти ручей. Торсионы карфагенян били все по настильной траектории, вдоль долины, а спартанские сверху вниз. Однако, от шальной идеи атаковать именно там, где стояли катапульты спартанцев, Федор не отказался. Их было немного и вряд ли они смогут причинить большой вред. Но все же, значительно осложнить битву смогут.

Между тем, рассвело. Остановившиеся на краю долины войска карфагенян ждали приказа. Спартанцы не двигались с места. Надо было наступать.

– Пустить слонов вперед! – отдал приказ Чайка, приподнявшись в седле, – за ними африканцы. Две хилиархии сразу.

Морпехов он решил оставить в резерве. Но, в том, что ему придется использовать этот резерв, после ночного боя он почти не сомневался. Едва пехотинцы, подняв щиты и выставив вперед копья, стали подниматься вдоль ручья вверх, перегородив почти всю долину, спартанские катапульты начали пристрелочный огонь. Это началось сразу, как левый фланг пехоты поравнялся с точкой, где находились метательные орудия. Стреляли спартанцы не очень точно, и пока, в основном дротиками, а не ядрами, но потери все же появились.

Заметив, что ближе всех к нему стоит хилиархия морпехов, в которой служил Летис, Федор подозвал к себе ее командира.

– Подбери пару надежный спейр и отправь их в обход, вон к тем орудиям, – указал на вражеских артиллеристов Чайка, – за спинами наших солдат они могут подобраться поближе.

И, пока командир не удалился, добавил.

– Пусть одна из спейр будет та, которой командует Летис. Это хороший боец, он справится.

Вскоре Федор заметил, как нужное количество солдат во главе с широкоплечим Летисом было отправлено на это опасное задание. Проходя мимо, здоровяк не удержался и отсалютовал своему командующему.

– Разберись с ними! – крикнул ему Федор, не слезавший с лошади.

– Мы от них мокрого места не оставим, – ответил Летис, потрясая фалькатой, – это я обещаю.

Между тем слоны, управляемые опытными погонщиками, не обратив особого внимания на слабый боковой обстрел из катапульт, уже приблизились к шеренгам спартанцев. Лучники и копейщики, сидевшие в башенках на их спинах, издали пытались поразить врага, находившиеся с ним почти вровень. Но, это у них не слишком хорошо получалось, – спартанцы умело прикрывались щитами, отбивая все стрелы. Зато, когда животные приблизились на расстояние полета копья, все гоплиты из первой шеренги взметнули свои копья вверх в едином порыве. Чайка не сомневался в том, что спартанцы метают копья очень метко и потому переживал за своих слонов. Волна копий накрыла животных, – с башен посыпались мертвые лучники, а в теле каждого слона осталось торчать сразу по несколько штук. К счастью, боевые слоны были хорошо прикрыты панцирями, иначе урон мог быть и больше. Одному из них спартанцы пробили насквозь ухо, из которого теперь торчало копьё и текла кровь. Животное обезумело. А Федор решил, что сейчас повториться трагедия последнего сражения с этолийцами. Но, этот слон бросился не на своих, а на тех, кто его ранил. Взревав, он почти запрыгнул на спартанскую фалангу и, сначала ударом ног, а потом бивней, смял первые шеренги.

Другое израненное животное, рухнуло замертво, – его спартанцы все же добились своими копьями. Третье, получив несколько ударов, тоже завалилось на бок. Но, остальные

добрались до фаланги и обрушили на нее удар своих мощных бивней. Это действительно походило на стремительную атаку танковой армии, только танки, судя по габаритам, можно было отнести к «Первой Мировой». Федор приказал бросить в бой сразу всех слонов, которых привел. Раздумывать было не о чем. Восемь из них благополучно добрались до порядков лакедемонян и нанесли удар. И этот удар был похож на смертельный.

Слоны на глазах Чайки просто растоптали оборону противника, но их командиры, совершили удививший его маневр. Поняв, что битва может быть мгновенно проиграна, они приказали расступиться, и пропустили животных, которыми никто не управлял, сквозь строй. Все погонщики были уже мертвы, и слоны предоставлены сами себе. Угодив в тыл, они принялись крушить стоявшие там телеги, и вскоре затерялись в поле, но урона живой силе больше не наносили. К тому моменту, как пехотинцы вклинились в фалангу спартанцев, она вновь приобрела более менее стройный вид.

– Дисциплина у противника железная, – похвалил Федор своих врагов, обращаясь к стоявшему рядом с ним командиру морпехов, – но наши слоны их основательно потрепали. Остальное доделает пехота.

Строй спартанской фаланги действительно выглядел «похудевшим», но еще был достаточно мощным, чтобы не пропустить атакующих карфагян. Более того, спартанцы контратаковали и опрокинули первые шеренги врагов вниз, умертвив почти всех. А затем отступили на прежнюю позицию к вершине холма. Отступать под защиту стен или вообще бежать, никто из них и не собирался.

– Не хотите пропустить нас к своей столице, – пробормотал Федор себе под нос, – понимаю. Но, придется. Я разобью вас, какими бы крепкими вы ни были.

Ход сражения ничем не выдавал наличие в этом войске плохо подготовленных периеков. Все составные части фаланги из Амикл бились вполне прилично, ничем не уступая лучшим представителям Лакедемона. Конечно, много людей уже погибло под ногами слонов, но Чайка почему-то был уверен, что не все они были периеками. Слон не разбирал, кто «истинный» спартанец, а кто нет.

«Разбежавшихся слонов мы соберем, никуда не денутся, – подумал он, вспомнив о пропавших животных, которых спартанцы могли сейчас попытаться добить у себя в тылу, хотя он в это слабо верил, – сейчас нужно подумать, как быстрее сломить их центр. А еще интересно, жив ли Анаксилай?»

Он уже достаточно долго не видел спартанского командира, который маячил впереди строя в самом начале битвы. Тот вполне мог погибнуть под ударом бивней слона. Но, даже если это и произошло, его место занял другой, не менее толковый. И оборона Амикл продолжалась.

Пехота карфагян накатывалась на холм волна за волной, но спартанцы косили всех подряд, отточенными ударами копий. Несколько раз они практиковали контрнаступления и, после них, ложные отступление, поворачиваясь к врагу спиной и удаляясь от него метров на тридцать. В такие моменты Федор с удивлением застыл в ожидании, а вдруг это настоящее отступление и враг повержен. Но каждый раз спартанцы разворачивались и встречали врагов новым ударом.

– Черт побери, – разозлился Чайка, после третьего такого маневра, – у меня пехота или кто? Чему их научили битвы с Римом?

Словно услышав брань командующего, африканская пехота нанесла мощный удар на правом фланге и почти пробила оборону противника, заставив фалангу здесь отступить. Почти одновременно с этим Чайка слышал отдаленные крики с левого флага и, повернув туда голову, заметил стремительную атаку Летиса. Две спейры, приняв на себя огонь в упор из катапульт спартанцев, потеряв треть состава, все же поднялись по склону.

Летис первым ворвался на позиции артиллеристов. Он врубился в охранение из гоплитов, едва успевших в последний момент выставить заслон перед метательными орудиями, – настолько неожиданной получилась атака под прикрытием всеобщей свалки у выхода из долины.

– Давай брат, постарайся, – бормотал себе под нос Федор, видя, что атакующие морпехи смогли уничтожить несколько орудий, а остальные заставить замолчать. Однако спартанцев там оказалось гораздо больше, чем рассчитывал Федор, и, несмотря на героизм Летиса, рубившего фалькатой направо и налево, оставшихся разведчиков боем быстро вытесняли с захваченных рубежей.

– Отправить на левый флаг подкрепление, пока молчат орудия! – приказал Федор, вскинув руку в направлении боя у катапульт, – одну хилиархию. И чтобы доложили о взятии всех орудий и прорыве к воротам Амикл.

Когда больше тысячи морпехов, пройдя по тылам своих братьев, атакующих фалангу издыхающих спартанцев, бегом устремились на крутой холм, Федор вновь перевел взгляд на другой край долины. Правый фланг спартанцев просел и началось его окружение. Там погибло множество бойцов и на некоторое время у подножия холма настолько развиднелось, что Федор смог заметить двух слонов, направившихся обратно в сторону своих хозяев.

– Пора вводить в бой последний резерв, – решил он и, вскинув руку с фалькатой, обратился к морпехам из оставшейся хилиархии. – Настал наш час, за мной бойцы! За Ганибалла!

И тронув коня, сам повел вперед воинов. Море синих панцирей всколыхнулось и морпехи припустили легким бегом за своим командиром. Чуть оторвавшись от пехоты, Федор взлетел наверх, направив морпехов в прорыв, и тут же едва не пал жертвой своего безрассудства. Спартакское копье, вылетев из гущи сражения, ударило его коня в бок, едва не прошив ногу Чайки. К счастью, Баал-Хаммон хранил Федора, – этот бросок лишь повредил поножи на левой ноге. Но, конь был убит. Получив копье в бок, он покачнувшись и рухнул на передние копыта. Федор вылетел из седла, соскользнув по гриве, и, чудом не сломав себе ничего, плашмя приземлился на пыльную траву, измятую и залитую кровью. Кругом было царство мертвых, – изрубленные клинками и пробитые копьями тела спартанских гоплитов, укрытые обрывками красных плащей, валялись вперемешку с коричневыми панцирями африканских пехотинцев.

Федор поднялся на ноги, сжав крепче фалькату, – щит он выронил при падении, – и быстро осмотрелся по сторонам. Морские пехотинцы стремительно поднимались позади вверх по склону, но их от Федора отделяло еще метров двести. А бой шел всего метрах в тридцати. И с этого места Чайка ожидал получить еще одно копье. Кто-то же его приметил.

Он не ошибся, недалеко от него на коротком участке фронта группа спартанцев взяла верх над пехотинцами карфагенян. Справа и слева были свои. Но здесь, ближе всего находились спартанцы. Человек десять. Двое из них, покончив со своими противниками, решили напоследок разобраться с командиром врагов, который так удачно подставился под удар. К счастью, копий у них уже не было. Похоже, израсходовали на других пехотинцев. Да и щитов тоже. Схватка была жаркая.

– Хвала богам, – пробормотал Федор, разглядывая короткие мечи в руках быстро приближавшихся гоплитов, – от этих как-нибудь отобьемся.

Он никуда не бежал, а стоял на месте, поджидая противников. Это дало ему несколько секунд, чтобы осмотреться и он заметил дротик, торчавший из тела убитого солдата. Выдернув его, Федор сам метнул копье в ближнего спартанца и умудрился попасть, как тот ни выгибался. Дротик угодил в бедро, выбив из строя одного противника.

– А ты думал, – ответил Федор на стон раненного спартанца, в котором слышалось больше обиды, чем боли, – один, что ли, копья кидать умеешь?

Воин Лакедемона с застрявшим в бедре копьем, упал на траву истекая кровью. Но второй гоплит был уже рядом. Размахнувшись мечом, он попытался рубануть Федора по плечу, но тот парировал удар и тотчас нанес ответный в голову. Его меч звонко щелкнул по шлему, срезав несколько красных перьев с гребня шлема. Спартакнец рассвирепел и ударил своим мечом в живот Чайки, старательно подставленный под удар. Тут Федор, провоцируя противника, немного сплеховал. Едва успел убрать корпус с линии удара и клинок спартиата

с лязганьем ударил по кирасе, распоров застёжки.

– Надоел ты мне, – признался Федор, отпрыгивая в сторону, и перехватывая фалькату покрепче, – надо с тобой кончать. А то перед ребятами неудобно.

Морпехи были уже буквально в двадцати метрах, но спартанец и не собирался бежать. Позабыв от ярости обо всем на свете, он вновь ринулся на Федора, собираясь сократить дистанцию, но у Чайки оружие было длиннее и массивнее. Используя свои преимущества, он нанес сокрушительный встречный удар в район шеи и снес голову спартанцу. Медный шлем с красным плюмажем отлетел в сторону, а обезглавленный труп рухнул на траву.

Часть подоспевших морпехов обступила Федора, остальные ринулись вперед, выдавливая спартанцев с господствующей высоты.

– Я в порядке, – отмахнулся Федор, тяжело дыша, – вперед, бойцы! Мы должны успеть захватить этот город. Не дайте им сбежать от нашего возмездия!

Стремительная атака сразу по двум флангам решила исход битвы. Анаксилай был вынужден оставить поле битвы за пехотой Карфагена, отступив с остатками гоплитов за крепостные стены. Узнав об этом, Федор рассвирепел, он-то надеялся войти в Амиклы на плечах отступающих спартанцев. Но, не вышло. Анаксилай и еще примерно четыре сотни человек были заблокированы в городских укреплениях.

– А я-то думал, что они вообще не умеют отступать, – презрительно усмехнулся Федор, узнав об этом.

Получив доклады о потерях, – спартанцы дорого продали свои жизни, Федор распорядился:

– Немедленно доставить из лагеря осадные орудия. Здесь мы не можем задерживаться. Да они долго и не продержатся.

Вскоре к нему в походный штаб, который располагался в паре стадий от городских ворот, явился Летис в разодранных и окровавленных доспехах. Левая рука его болталась на перевязи, ее задело спартанское копьё. Но, командир спейры был весел и доволен собой.

– Рад, что ты жив, – обнял его Федор, – рана серьезная?

– Ерунда, – отмахнулся здоровяк, – скоро заживет.

– Это хорошо, – признался Федор, – а то у меня для тебя еще есть работа.

– Жаль, что эти трусы заперлись за стеной, – признался Летис, присаживаясь на край телеги рядом с Федором, – а то мы растоптали бы их всех. Теперь придется с ними повозиться.

– Если ты в порядке, то тебе не придется, – объявил Федор, – я оставлю добивать Анаксилая с его гоплитами часть недавно прибывших морпехов, а остальные немедленно выступают дальше. При осаде Спарты мне понадобятся надежные бойцы.

Глава тринадцатая «Сердце Лакедемона»

Первые ядра выбили из каменной кладки только несколько искр. Вторым залп оказался более удачным и снес со стены добрый десяток спартанцев, раздробив их скелеты каменными ядрами.

– Вот это уже лучше, – похвалил Федор, успехи артиллеристов, – продолжайте. Да так, чтобы к вечеру здесь зиял пролом для прохода наших пехотинцев.

Начальник артиллеристов кивнул, хотя слегка неуверенно, но перечить не решился. Федор его понимал, орудия стояли на предельной дистанции от городских стен Спарты, так что ядра едва до них доставали. Но, ближе к городу Федор опасался придвигать позиции своих артиллеристов. Эти чертовы спартанцы, пользуясь знанием местности, постоянно проводили стремительные вылазки и наносили контрудары по скоплениям метательных орудий. За два дня осады Чайка потерял уже треть своей артиллерии и оставшимися баллистами дорожил.

Без них город было не взять. Стены у Спарты оказались гораздо лучше, чем у

остальных крепостей, виденных Чайкой до настоящего момента. Эти укрепления тоже не вчера были построены и даже видели осаду македонцев, но с тех пор их хорошо подлатали. И, когда Федор появился под стенами столицы Лакедемона, то обнаружил неплохо укрепленный город. Да и артиллерия была не только у него. Осажденные спартиаты поливали его солдат со стен градом дротиков и ядер, пока что успешно отбивая все атаки.

Обороной Спарты командовал тот самый Набис. К удивлению командующего экспедиционной армией от битвы в чистом поле, где спартанцы были очень сильны, Набис отказался и предпочел запереться в городе, видимо, ожидая подхода основных сил Маханида. Город был довольно большим и, чтобы охватить его своей заботой Чайке понадобились все его солдаты.

К счастью остальные отряды его армии, выполнив свою задачу на крайнем юге страны, вскоре присоединились к нему. Сначала из-под Амикл, которые пали быстро, по Эвроту подошли корабли с морпехами. Анаксилай и все спартанские гоплиты были убиты во время скоротечной осады. Затем появилась испанская конница и сам Кумах со своими пехотинцами.

Федор решил построить сразу два укрепленных лагеря на случай затяжной осады или неожиданного возвращения Маханида. Кумаху он поручил охватить Спарту с юго-востока, перекрыв возможность связаться со свободным еще побережьем, лежавшим за отрогами Парнона, – второго горного хребта страны. Кумах быстро занял отведенные позиции, насыпав напротив наиболее опасных с точки зрения контратак лакедемонян башен и ворот земляные валы, укрепив их частоколом. Спартанцы, естественно, не стали просто ждать, пока он закончит строительство, отрезав их от остального мира, и нанесли несколько ударов по инженерным частям, спалив пару дюжин повозок. Однако, отбив все вылазки, Кумах прочно сел на своих позициях, завершив строительство и прекратив всякое сообщение столицы с ближайшим побережьем.

На этом отдаленном побережье были расположены города периеков, поставлявших «расходный материал», – солдат, не считавшихся гражданами, – в армию Спарты. Чайка рассчитывал, что основной набор уже произведен и теперь они не так опасны, помышляют лишь об обороне. Однако намеревался посетить эти города после захвата столицы. Если раньше там не высадиться десант, о котором ему говорил Атарбал, пока что никак не давший понять Чайке о времени своего выступления. Это означало, что флот из Италии еще не пришел.

«Медлит что-то Ганнибал со вторым наступлением, – размышлял Федор, объезжая свои позиции на коне в сопровождении сотни испанских всадников, – а может Атарбал темнит до последнего. Надо будет к нему гонца отправить, узнать последние новости, поторопить старика».

Впрочем, Чайке было пока чем заняться. Сам Федор обогнул Спарту с северо-запада, построив там второй мощный укрепленный лагерь, перекрывавший дорогу из столицы на север, в Аргос и Аркадию. Именно с этого направления ожидался возможный подход сил Маханида, о судьбе которого до сих пор не было точных известий. Однако, на третий день осады известия появились. И самым неожиданным образом, – солдаты Федора перехватили гонца, пытавшегося пробраться в осажденный город сквозь все преграды. При нем было письмо, в котором от имени одного из полемархов сообщалось о разгроме армии Маханида. Более того, сам Маханид был убит в сражении стратегом ахейцев Филопеменом. Под давлением ахейцев, которые тоже потеряли большую часть своих войск, остатки армии Маханида бились на северных рубежах, но, сил у них почти не осталось. Тем не менее, они не отступили сразу же к Спарте, а пытались сдерживать наступающего врага, и просили лишь подкреплений у царя.

– Молодец, Филопемени, – похвалил Федор стратега ахейцев, – добился своего. Жаль будет терять такого союзника.

Узнав из письма все, что ему было нужно, Федор приказал казнить гонца, чтобы о нем никто не узнал. Эти сведения могли лишь еще больше обозлить оставшихся в городе воинов

и заставить сопротивляться еще яростней. На капитуляцию Федор и не рассчитывал. Он уже давно убедился в том, что Спарта падет только тогда, когда умрет ее последний защитник.

Впрочем, Чайка, как ни старался, похоже, не смог перекрыть все тайные тропы в город, и вскоре там тоже узнали о происшедшем. Об этом на следующий день сообщил один из плененных периеков, захваченный во время очередной вылазки. В Спарте узнали о разгроме спартанской армии и смерти Маханида.

– Теперь опекуном царя стал Набис из рода Эврипонтидов, – рассказал он, попав в плен и не особенно запираясь, – в городе даже начались волнения, после того, как пришла весть о смерти Маханида, но Набис усмирил их, приказав убить всех, кто посмел выступить против него.

– Значит, теперь он главный в Спарте? – уточнил Федор, удивленный словоохотливостью периека, который всеми силами пытался доказать, что он человек подневольный и его заставили воевать. А на самом деле, он готов служить новым хозяевам.

– Да, он новый опекун малолетнего царя Пелопа, – подтвердил периек.

– Много запасов в городе? – спросил Федор, которому затяжная осада была не нужна.

– Спартанцы едят мало, – философски заметил на это периек, посмотрев на солнце и почесав бороду. – Нам говорили, что до прихода армии Маханида мы продержимся, еды хватит.

– А что теперь станет делать Набис? – не особенно надеясь на подробный ответ, все же спросил Чайка.

– Я простой солдат, бывший рыбак родом из Кифанты, – развел руками периек, – откуда я знаю, что прикажет новый правитель. Это не моего ума дело.

Федор подтолкнул периека со связанными руками к выходу из своего шатра, в котором происходил разговор и, указав на видневшийся в дали город, спросил:

– Где здесь наиболее уязвимое место и как быстрее всего проникнуть к дому царя?

Он не спросил «ко дворцу», поскольку был наслышан, что спартанцы хоть и разрешили у себя деньги, все же продолжали считать скромность добродетелью. В былые времена дом царя не слишком отличался от дома простого воина. Сейчас многое изменилось, и все же от традиций, впитавшихся в сознание за несколько сотен лет, просто так было не избавиться.

Периек посмотрел на Чайку и с надеждой в глоссе спросил:

– А мне сохранят жизнь?

– Если сообщишь мне что-нибудь действительно важное, сохраню, – ответил Федор, взявшись за ремень на поясе, – мы пришли сюда не грабить и убивать. Мы пришли сюда навсегда, и ваш мир очень скоро изменится. Он уже изменился, но еще не все это поняли. И нам нужны будут верные подданные, с которыми мы будем обращаться лучше, чем спартанцы.

Низкорослый периек помолчал немного, смерил взглядом широкоплечего Федора, словно размышляя, можно ли ему доверять и медленно вытянул вперед обе руки.

– Разрежьте путы, – приказал Чайка, поняв его молчаливую просьбу.

Один из охранников, стоявших рядом, шагнул к периеку и рассек кинжалом кожаный ремень, стягивавший запястья. Периек потер затекшие руки и, подняв одну из них в направлении крепостной стены, заговорил.

Лагерь карфагенян стоял на некотором удалении от города, на довольно высоком холме, поэтому отсюда было видно многое из происходившего в глубине. Столица Лакедемона была обширным городом, в котором кварталы каменных домов, стоявшие на холмах, перемежались широкими зелеными полями и рощами. Правда, с такого расстояния Чайка не мог разобрать, для чего эти поля были предназначены, то ли на них занимались спортивными состязаниями, то ли просто пасли коз и овец. Скорее второе, поскольку животных в городе было много. Федор и без бинокля мог разглядеть, как по плоским крышам домов на окраине, едва вылезавших из земли, не стесняясь, бродили козы и свиньи, как в обычной деревне. Этот патриархальный быт спокойно уживался с помпезной «греческой архитектурой», как называл ее про себя Федор, – целыми кварталами домов с

портиками, длинных галерей с высокими белоснежными колоннами и колоссальных зданий нескольких стадионов, построенных из отличного камня и разделенных на сектора для зрителей. Рядом с одним из стадионов Чайка заметил несколько таких же огромных статуй, под стать ему, возвышавшихся перед входом. Это были каменные статуи двух женщин, одна из которых держала в руке лук, и мужчины с каким-то музыкальным инструментом. «Наверняка, этот мужик, – их любимый Аполлон с кифарой», – решил Федор, поскольку не слышал, чтобы спартанцы, уважавшие простоту, любили использовать что-то более сложное из музыкальных инструментов.

– Вон там, за крайней башней, на которой стоят баллисты, – проговорил периек, указав на квартал с «элитной застройкой», где в глазах пестрело от колонн, – начинается улица, которая огибает галерею и затем ведет в глубину города, заканчиваясь у неприметного здания на краю лавровой рощи. Вокруг почти нет построек.

– А что это за галерея? – поинтересовался Федор, – уж больно помпезное здание.

– Это Скиас¹⁷, – сообщил периек, – галерея, где собираются старейшины. Поговаривают, что ее построил Феодор из Самоса. Они там заседают каждый день, особенно сейчас, после того как пришла весть о судьбе Маханида.

– Старейшины, говоришь, – ухмыльнулся Федор, сделав знак продолжать, сам же подумал: «Вот туда-то нам и надо, накрыть одним ударом этот гадюжник и конец местному самоуправлению».

– Вот у этой рощи, в небольшом доме и живет царский род Эврипontiдов, – закончил периек, – это все знают.

– Царь живет на отшибе, в деревне? – удивился Федор, но вспомнив о спартанских обычаях успокоился, – впрочем, он волен жить там, где захочет.

– Там несколько домов, в которых живут его жена, родственники, слуги и отряд телохранителей.

– И много там охраны? – уточнил Федор, подумав о том, что захватить царя, то же было бы большой удачей.

– Человек сто, – ответил периек, – но, нас туда никогда не подпускали. В телохранителях царя служат не простые воины, а только те, что проявили героизм на поле битвы. Отборные гоплиты, побывавшие уже не на одной войне.

– Да будь их там хоть пятьсот, – махнул рукой Федор, – это нас не остановит. Главное пробраться за стену.

Периек помолчал, было видно, что в нем боролись два противоположных чувства, – ненависть с царю и вбитая с детства привычка подчиняться гражданам Спарты. Федор все видел и его не торопил.

– Вон за тем холмом стена гораздо ниже, чем в других местах и слабее, – выдавил он из себя, наконец, – на ее постройку не хватило камня и верхняя половина сложена всего в два кирпича. Ее легко разрушить машинами или тараном. А за ней склады, которые можно поджечь. Оттуда прямая дорога к Скиасу.

Лицо Федора расплылось в довольной улыбке.

– Ты заслужил свою новую жизнь, периек. И после взятия города я отпущу тебя домой, чтобы ты пришел туда и рассказал другим о нас. Пусть нас встречают с миром и не сопротивляются, тогда твой город останется в целости.

Он сделал знак охранникам и приказал.

– Отведите его пока в амбар к остальным пленникам.

Затем, когда периека увели, добавил.

– А ко мне вызвать командира второй хилиархии. У меня есть для него срочное дело.

Мощный удар полутора тысяч африканцев, после артиллерийской подготовки,

¹⁷ Тенистая (греч).

разрушившей десять метров стены, снес заграждения из гоплитов и проник в самое сердце Спарты буквально за несколько часов. Атака произошла в неожиданном для защитников месте и потому оказалась внезапной.

– Вперед! – ликовал Федор, увидев столь быстрый результат, – захватите мне этот Скиас вместе со всеми старейшинами!

Чтобы остановить продвижение морпехов Набис, вынужден был снять войска с других направлений, ослабив оборону многих участков стен на востоке, и бросить их против быстро продвигавшихся воинов Карфагена. На подходах к Скиасу разыгралось грандиозное уличное сражение, сдобренное отличным пожаром, который запылал в предместьях, быстро распространяясь по городу. В наступающих сумерках это выглядело особенно зловеще.

Летис, забывший о своем ранении, повел солдат в бой и срубил в нем немало спартанских голов, но на сей раз он столкнулся с таким непреодолимым сопротивлением, что сходу Скиас взять не удалось, как он ни старался. Чайка даже приказал доставить в город полевые баллисты и бить по спартанцам прямой наводкой, чтобы хоть как-то сократить собственные потери.

Получив известия о снятии войск врага со стен, Федор тут же отправил гонцов с приказами начать штурм еще в четырех местах одновременно, не считаясь с потерями. Побеждать спартанцев можно было только так.

– Раз без потерь не обойдется, – решил Федор, – то уж, пусть эта битва завершится быстрее.

Однако, молниеносного захвата города не получилось. Несмотря на то, что численность защищавшихся спартанцев не превышала по данным разведки нескольких тысяч, включая периеков, противник был слишком силен, да и терять ему было нечего. Обложенные со всех сторон спартанцы дрались как раненные львы, – морпехи и африканские пехотинцы несли колоссальные потери. После начала одновременного наступления в четырех местах, был совершен еще один прорыв. Затем второй и вскоре спартанцы начали покидать стены, стягивая силы к центральным районам. Бой перекинулся на предместья, затем воины стали драться за каждую улицу.

Захватить Скиас удалось только ночью, при свете факелов и пожаров, полыхавших уже в нескольких районах города. Старейшинам удалось оттуда сбежать. Вероятнее всего, они подались к царю, о местонахождении дома которого Федор был уже извещен. Но, там ли находился Набис или в другом месте, было неизвестно. Место обитания семейства Эврипонтидов находилось пока во власти Набиса.

– Ничего, – успокаивал себя Федор, находившийся уже в городе, неподалеку от Скиоса и смотревший на ночной пожар, в окружении своих охранников с плоской крыши одного из домов, – деться им некуда. Рано или поздно, все попадут в мои сети.

Однако, в городе царила такая неразбериха, что кто-нибудь старейшин вполне мог проскользнуть сквозь сжимавшееся с каждым часом кольцо окружения, хотя Чайка и приказал усилить оцепление. Но, ведь гонец как-то пробрался в город сквозь все кордоны, значит, могли быть лазейки, или даже подземные ходы, о которых он не знал. Однако Федор готов был дать руку на отсечение, что Набис ни за что не покинет Спарты, даже если ему и представится такая возможность. Он будет сражаться за свой город до тех пор, пока не победит или погибнет. Именно так его учили с детства. Никакое тактическое отступление, на которое могли пойти афиняне, было для спартанцев невозможным.

«Набис не Кутузов, – мрачно ухмыльнулся Федор, глядя с крыши на адское пламя, пожиравшее Спарту, – и не отдаст мне свою столицу даже на время. Да и старейшины у них тоже, говорят, не трусы, так что вряд ли сбегут. Впрочем, мне это только на руку».

К рассвету он получил сообщение от Кумаха, о том, что тот полностью освободил от защитников города его восточную часть. Федор же достаточно далеко продвинулся с запада и все же были еще районы, целиком подвластные спартанцам, упорство которых только росло с потерей каждого нового района или улицы.

– Хорошо, – кивнул Федор, прочитав папирус, – очень хорошо. Еще немного и мы

победим.

Он посмотрел на гонца и приказал.

– Между мной и Кумахом осталось только одно место, занятое спартанцами, это район стадиона на южной окраине. Пусть бросит туда всех солдат и пробьет оборону противника. Тогда мы соединимся. А я двинусь ему на встречу.

Гонец исчез в предрассветных сумерках, направившись в обход опасных улиц, где все еще шел бой. А Чайка, поправил фалькату и спустился с крыши к морпехам, ожидавшим его приказа. Их здесь скопилось человек пятьсот, – личный отряд Федора.

– Пора освободить город от прежних хозяев, – сказал он Летису, который командовал этим отрядом, поскольку всех старших командиров к этой минуте спартанцы уже убили, – давай за мной.

– С радостью, – сплюнул Летис на землю окровавленной слюной из разбитого рта, – я готов бить их до тех пор, пока все не сдохнут.

– Они тебя тоже любят, – в тон ему ответил Федор.

Приблизившись во главе своих воинов к стадиону по освобожденным улицам, заваленным трупами пехотинцев Карфагена и спартанцев в красных плащах, Федор оказался на площади, посреди которой возвышалось несколько огромных скульптур. Похоже, это были те самые каменные статуи двух женщин, одна из которых держала в руке лук, и мужчины с кифарой, которые он видел издалека. К тому моменту любознательный Федор «навел справки» у местных и уже знал, что это статуи Аполлона-Пифея, Артемиды и Латоны, – любимые божества воинственных спартанцев.

Приблизившись к этой культурной композиции, Федор даже замедлил шаг, любуясь изваяниями, сделанными очень реалистично. Для местных мастеров, имевших грубую и простую технику, даже слишком. Лица, плечи, руки и ноги богов выглядели как живые, словно находились в движении. «Наверное, кто-то из приезжих ксенов¹⁸ делал», – решил Федор и поднял голову, чтобы лучше рассмотреть музыкальный инструмент в руках Аполлона, который его так заинтересовал. Но, чуть не поплатился за свою любовь к искусству. Между гигантскими статуями просвистело копье и вонзилось в грудь шагавшему следом воину. Тот выронил бесполезный щит и со стоном упал, обливаясь кровью.

– Твою мать! – обругал себя Федор, вскидывая щит и отскакивая в сторону так, чтобы оказаться за огромной фигурой Аполлона, а не между статуями божеств.

Это его спасло от трех новых бросков копий, последовавших вслед за первым. Но, на этот раз воины были готовы и приняли все удары копий на свои щиты, оставшись невредимыми. Еще одно копье, пущенное точнехонько в Федора, стоявшего в одиночестве, ударило в каменную кифару Аполлона и отлетело в сторону, изменив направление. «Смотри-ка, – удивился Федор, – Аполлон меня защитил. Это знак».

– Со стадиона бросают, – сказал Летис, приблизившись к Чайке и протянув руку куда-то вверх.

Федор проследил за его рукой и действительно увидел на верхней кромке огромного овального здания из камня десятки спартанских воинов с копьями в руках, готовых к новым броскам. Внизу у главных ворот их уже ждал заслон из гоплитов, позади которых виднелось целое море красных плащей и шлемов с красными плюмажами. Прикинув на глаз количество засевших на стадионе воинов, Федор оценил их как минимум в несколько сотен, а это означало, что силы были примерно равны. Но, в этот момент с другой стоны стадиона послышались крики атакующих африканских пехотинцев и Чайка повеселел.

– Дошло, значит, мое послание. А ну-ка ребята, – вскинул он фалькату вверх, – вышвырнем оттуда этих спортсменов.

Драка на стадионе была жестокой. Пробриться внутрь удалось лишь с третьей атаки.

¹⁸ **Ксены** – иностранцы. Отсюда «ксенофобия», – ненависть к иностранцам. Именно спартанцы культивировали в своей стране ксенофобию, выгоняя или даже убивая всех приезжих. Редкий грек мог похвастаться тем, что побывал в Спарте и вернулся обратно.

Изрубив всех спартанцев в куски и усеяв площадь телами морпехов, Чайка ворвался внутрь этого колоссального сооружения буквально по трупам. Подошвы его сандалий стали скользкими от крови, а щит похож на решето, но сам он пока еще был цел.

Внутри бой шел уже по всей территории стадиона, – часть воинов Спарты образовали фалангу, вернее каре, заняв центр поля для состязаний и обороняясь со всех направлений, поскольку их почти взяли в кольцо. Несколько групп гоплитов рубились с пехотинцами и морпехами чуть выше, в секторах, предназначенных для зрителей.

Отправив часть оставшихся морпехов добивать фалангу, Чайка с тремя десятками устремился вверх по лестнице, чтобы сбросить оттуда тех спартиатов, которые еще держали верхние рубежи секторов. Перепрыгивая через плоские каменные ступени, он вскоре был у цели. Здесь их ждали около дюжины гоплитов, выстроившись на лестнице в шеренгу.

– Прощай, Лакедемон, – предупредил их Федор, покрепче сжимая фалькату.

И первым бросился на спартанцев, попытавшись достать ближнего воина клинком, но едва не получил копьем в бок. Острые звякнуло по щиту, оставив на нем еще одну отметину. «Хороший щит, – мельком подумал Федор, – сколько раз уже мне жизнь спасал».

Когда подоспевшие морпехи с Летисом во главе, атаковали шеренгу спартанцев в лоб, Чайка решил обойти их с фланга и, как горный козел, запрыгал через каменные спинки сидений, высеченных с удивительной точностью. По всему было видно, что спортивным состязаниям в Лакедемоне уделяли большое внимание. Бившиеся на лестнице спартанцы его отлично видели, но ничего поделать не могли, и лишь пятились назад, чтобы не дать ему обойти себя. Тем более, что примеру Чайки последовало еще несколько морпехов с обеих сторон от лестницы. Так они одновременно двигались вверх и, незаметно для себя, Федор, поднявшись на несколько ярусов выше, оказался на самом карюю галереи, огибавший весь стадион. Отсюда открывался отличный вид не только на сражение внизу, но и на весь город, которым Федор любоваться не успел.

Шестеро оставшихся в живых спартанских гоплитов, умертвив еще троих морпехов разящими ударами копий, отступили еще на шаг и тоже оказались здесь. Снизу их запирали человек десять, с левого фланга напали трое, а с правого Федор был пока один. Но, Чайка не стал дожидаться подкреплений и бросился на них в одиночку. Первым ударом фалькаты он рубанул по щиту развернувшегося к нему крайнего гоплита, вторым задел его по шлему. Потерявший хладнокровие спартанец оставил строй и сам метнулся к Федору, выкинув вперед руку с копьем. Удар был направлен в плечо, но Чайка отбил его щитом, краем глаза заметив, как Летис сокрушил гоплита, стоявшего в центре таявшей на глазах шеренги.

Вторым хлестким ударом спартанец умудрился выбить щит из рук Чайки, а сам ловким движением избежал мощного удара в голову, в который Чайка вложил всю силу. На мгновение Федор открыл свой бок и, возвращая руку с фалькатой назад, заметил холодную злость в глазах спартанца, сиявших сквозь прорези шлема, словно узкие глаза кобры. Он уже понял, что не успеет, но попытался выгнуть корпус так, чтобы удар пришелся вскользь и это ему удалось. Почти. Копье спартанца ужалило его в левый бок, ударив точно в перекрестье застежек, и пробило кирасу. Чайка пошатнулся, испытав резкую боль, стеганувшую по всему телу, но сумел отвести второй удар, направленный уже в горло. На то, чтобы отразить третий удар сил у него уже не было, все поплыло перед глазами, и он инстинктивно отшатнулся от ограждения стадиона, чтобы не рухнуть вниз с высоты. Опустив руку и покачиваясь на слабеющих ногах, Чайка ждал третьего завершающего удара, но его не последовало. Вместо этого он с удивлением заметил, как спартанец вскинул руки и рухнул замертво прямо перед ним, а на его месте возник Летис.

– Держись брат, – сказал ему расплывающийся Летис, подхватив друга на руки, – и не таких штопали.

Больше Федор ничего не видел, провалившись в небытие.

Глава четырнадцатая

«Греческий вопрос»

Сколько времени Федор провалялся в бреду, балансируя между миром живых и мертвых, он не знал. Он, то приходил в сознание ненадолго, пытаясь собрать разбредавшие мысли воедино, то вновь терял его, отчаянно цепляясь за нить жизни. Когда он все же очнулся, – а боги пощадили его, не забрав к себе, – солнце просвечивало сквозь тканевые стены шатра. Слегка приподняв голову, Чайка увидел прямо у своей постели вместо сиделки испещренное морщинами лицо Атарбала. Высокопоставленный военачальник был облачен в дорогие доспехи, выглядел бодрым и даже веселым, чего нельзя было сказать о Федоре.

– Очнулся, наконец, хвала богам, – проговорил Атарбал с сочувствием, – а мы уже не значил, что и думать. Столько жертв за твоё здоровье принесли, что Баал-Хаммон давно уже должен был тебя вернуть, а ты все метался в бреду. Крепко тебя зацепил этот спартанец.

При слове «спартанец» у Федора в голове прояснело. Память стала быстро возвращаться. Ведь именно там, при захвате столицы Лакедемона его и ранили, едва не отправив на встречу с богами. Чайка попытался привстать, но едва пошевелившись, испытал сильную боль в левом боку, на котором нащупал повязку. Тем не менее, сознание он больше не потерял. Он пересилил боль и вновь попытался встать, – как-то неловко было беспомощно лежать перед таким человеком, как Атарбал. Но тот властным жестом остановил его.

– Лежи, ты еще слаб, – проговорил Атарбал, отлично понимая чувства Федора и постаравшись смягчить свои слова. – Лекари говорят, тебе еще несколько дней надо лежать. Ты дрался как лев и нет ничего постыдного в твоих ранах. Ты солдат. Благодарю богов, что ты вообще выжил. Половина твоей армии там и осталась.

Чайка нехотя откинулся на подушку.

– Так мы взяли Спарту? – спросил он с некоторым сомнением в голосе, ведь окончания прорыва он сам не видел.

– Взяли, – подтвердил Атарбал, поправив ножны клинка, упиравшегося в землю, устланную в шатре коврами, – много потеряли хороших солдат, но взяли. И Лакедемон теперь наш.

Федор некоторое время осмысливал сообщение, пытаясь припомнить нечто, беспокоившее его во всем этом. Наконец, вспомнил.

– А Набиса удалось захватить?

Атарбал отрицательно повел головой.

– Нет. Но его нашли среди мертвых, как, затем и малолетнего царя Пелопа, убитого Набисом во время нашего штурма.

– Так он хотел сам стать царем, – пробормотал Федор, усмехнувшись.

– Конечно, – кивнул Атарбал, – решил воспользоваться ситуацией в надежде, что сможет отбиться. Но, не смог. В последний момент даже попытался откупиться и договориться, отправив к нам парламентариев. Он не понимал, что мы пришли не договариваться.

Федор посмотрел на стенку шатра, за которой светило солнце и колыхались причудливые тени проходивших мимо людей.

– Где я нахожусь? – поинтересовался Федор.

– Ты в Прасиях, – ответил Атарбал, – я велел перевезти тебя сюда.

И прищурившись, уточнил, словно проверяя, насколько Федор вошел в разум.

– Знаешь, где это?

– Знаю, – слабо усмехнулся Чайка, проведя рукой по волосам, – на побережье Спарты.

– Вот именно, – назидательно сказал Атарбал, поменяв позу в своем кресле, – и ради того, чтобы увидеть тебя, мне пришлось вернуться назад, в глубокий тыл, оставив свою армию на помощников.

– Глубокий тыл? – не поверил своим ушам Чайка, опять попытавшись приподняться, и, на этот раз он все-таки сел на постели, хотя в ушах зашумело, – а где же сейчас линия фронта.

– Она все время изменяется, поскольку мы продвигаемся вперед достаточно быстро, –

начал с туманного объяснения Атарбал, хлопнув себя по коленкам, – в последний раз, когда я садился на корабль, передовые части атаковали приграничные поселения Мегары, оставив захваченный Коринф за спиной.

– Коринф уже наш? – пробормотал изумленный Федор, казалось, еще вчера только ступивший на землю Лакедемона, – а, значит, и Аргос тоже наш и...

– Не трудись напрасно, напрягая память. Весь Пелопонесс наш, – подтвердил ему Атарбал, – включая твоих друзей из Ахейского союза.

– Сколько я провел без памяти?

– Почти двадцать пять дней, – спокойно сообщил ему Атарбал.

– Как быстро все изменилось, – в изумлении пробормотал Чайка.

– Не так уж быстро, – возразил командир африканцев, – и не слишком легко. Нам пришлось хорошо потрудиться, пока ты выбыл из строя. Ранив тебя, эти проклятые спартанцы оказали услугу всем остальным, лишив армию такого полководца и задержали наше продвижение до тех пор пока я не нашел достойного приемника. К счастью Ганнибал не пожалел на это ни времени, ни денег и в итоге сил у нас хватило на все.

Федор некоторое время сидел, молча, теребя воротник туники. Ему было трудно представить, что он «проспал» захват Пелопонесса.

– И что все они сдались без боя?

– Конечно, нет, – спокойно ответил Атарбал. – Воины Аргоса дрались серьезно, но мы сломили их сопротивление. Проще всего было с Аркадией и ахейцами, они итак были уже обескровлены благодаря войне со Спартой. Так что, разоружив остатки армии союза прямо в Лаконике, мы объявили им о заговоре и двинули туда свои войска. Аркадия вздумала сопротивляться, поэтому там пришлось повоевать, все больше штурмуя города. Но серьезных сил Аркадцам собрать не удалось и мы очень скоро оказались на побережье Ахайи, куда сбежал их стратег после неожиданного известия из Спарты.

Атарбал, устав сидеть, встал и прошелся вдоль постели Федора, который слушал его внимательно, стараясь не пропустить ни слова. Ведь, за то время, пока он находился в бреду, греческий мир изменился почти до неузнаваемости.

– Твоего друга Филопемена мы обвинили в заговоре против македонцев, организованном на деньги египтян. Ну, ты помнишь об этом, надеюсь, – вещал карфагенский военачальник, измеряя шагами походный шатер. – Сбежать морем он не успел или не захотел, надеясь оправдаться перед Филиппом. А до тех пор укрылся в Патрах, и это стало роковой ошибкой. При захвате города его пришлось умертвить, поскольку сдаваться он не захотел. Вот так и закончилась история Филопемена.

Атарбал вновь присел, посмотрел на бледное лицо Федора, который слушал со всевозрастающим интересом, и продолжил.

– Когда армия Ахейского союза и наиболее сильные полисы были уничтожены, все пошло гораздо легче. Флиунт и Сикион, имея малые территории, понимали, что если Аркадия с Ахайей пали, то их мы проглотим за пару дней. И они согласились признать власть Ганнибала.

– А остальные? – Федор, напрягая измученную память, припоминал, что были и еще государства на Пелопонессе.

– Остальные некоторое время колебались, – терпеливо пояснил Атарбал, – но, когда у берегов Мессении и Элиды, начал курсировать наш флот, готовый в любой момент высадить несколько хилиархий пехотинцев, а к их границам с территории Спарты и Аркадии придвинулись пехотные части, они сами попросили о мире.

– То есть, сдались, – констатировал Федор, почесав бороду, отросшую за это время до неприличных размеров, – на милость победителя.

Борода была такой длинной, что Федор, наверное, со стороны был похож на какого-то перса, и это его сейчас беспокоило даже больше, чем судьба Мессении и Элиды.

– Именно, – подтвердил его собеседник, – на милость победителя. О чем я тотчас сообщил Ганнибалу.

Переместив руку, Федор осторожно погладил свою голову, в которой все еще били колокола.

– А что на это сказал Филипп? – вспомнил он о возможных противоречиях с союзниками.

– Скрипнул зубами и стерпел – отмахнулся Атарбал, – я же предупреждал тебя, что все так и будет. У него сейчас другая проблема, Филипп рвется к Афинам, чтобы они тоже не достались нам.

– А они нам еще не достались? – впервые после пробуждения улыбнулся Чайка, сделав вид, что забыл все, о чем ему только что говорили.

– Да ты еще болен, мой друг, – подыграл ему мудрый полководец. – Нет, Фивы еще отбиваются от македонцев. Афины же с ужасом ожидают скорого прибытия скифов, движущихся уже по Фракии и нашего вступления в борьбу, поскольку флот Ганнибала уже маячит вблизи берегов Аттики. Но, солдаты еще только пробиваются сквозь Мегары. На пути в Афины это последний эллинский полис, не пожелавший добровольно войти в состав наших новых владений в Греции. И эта ситуация нас задержит ненадолго.

Чайка тряхнул головой, чтобы ускорить движение вялых мыслей, которые пока отказывались перемещаться быстрее.

– После недавнего сообщения о захвате Пелопоннеса, я знаю, что нашлись-таки эллины, согласившиеся добровольно отказаться от своей хваленной свободы, – проговорил он, осторожно вставая на ноги и делая несколько нетвердых шагов по шатру, чтобы вернуть себе ощущение полноты жизни, – но ведь Афины не сдадутся. Я уверен.

– Ну и что из того? – усмехнулся мудрый Атарбал, и хитро прищурился, словно все уже рассказанное Федору было лишь присказкой, – дело не в том, сдадутся они или нет. Судьба Афин уже предрешена, им все равно конец. И не так уж важно кто именно захватит Аттику и ее владения, мы или македонцы. Хотя Ганнибал и хотел бы видеть ее нашей. Но, не потому что он мстит грекам, за все, что они сделали против финикийцев и Карфагена, а по другой причине.

Атарбал помолчал, дождавшись пока нагулявшийся Федор вернется в свою постель и присядет на ее край с усталым видом, и наклонился вперед, словно боялся быть подслушанным.

– Просто с территории Аттики гораздо ближе до берегов Азии и, собственно Геллеспонта. Нам больше нужны афинские порты, чем земли. Хотя и пеший путь для переброски армий на восток тоже нельзя оставлять без внимания.

– На восток? – не поверил своим ушам Федор и так разволновался, что снова захотел встать, но накотившаяся усталость не дала ему этого сделать, – в Азию?

– Мы идем освобождать нашу родину Чайка, – медленно и отчетливо произнес Атарбал, – нашу древнюю родину, что дала жизнь Карфагену. Финикию.

Чайка ничего не сказал. Но, где-то в глубине сознания у него вдруг сложились все части головоломки, которую показывал ему по частям Ганнибал с самого начала похода в Грецию. Теперь все разом встало на свои места. Не Греция ему нужна была, хотя пройти мимо тоже было нельзя, а далекая Финикия.

«Так вот что задумал новый тиран, – усмехнулся Чайка, – но ведь за проливом уже не Персия. Там начинаются земли диадохов. Так что, война с греками продолжиться, ведь именно они сейчас и владеют финикийским побережьем, которое задумал освободить Ганнибал. Что же, достойная цель. Масштабная. Чтобы добраться до Финикии посуху, сначала надо пройти всю Азию, если только не морем десант высаживать. Но, в этом вопросе одним морем не обойдешься. Сначала надо устранить угрозу с суши. И египтян не зря приплели, Египтом ведь сейчас тоже греки правят. Птолемеи. В общем, придется отобрать у греков все то, что когда-то завоевал Александр Македонский».

– Это что же мне в Индию потом идти? – спросил вслух Федор, закончив свои размышления, и решив подразнить Атарбала, так долго скрывавшего от него правду, – или все же с Афин начать?

– Не торопись, с Афинами мы разберемся без тебя, – охладил его пыл мудрый военачальник, – твоя задача полностью выздороветь перед походом в Азию.

– Да я почти здоров, – бодро заявил Чайка, вновь попытавшись встать, но его остановили взглядом.

– Там нас ждет армия Антиоха Третьего и предстоит еще много битв, – пояснил Атарбал. – Есть сведения, что он под шумок даже хочет вторгнуться в Грецию и собирает войска у Геллеспонта. Но, наши друзья скифы очень скоро будут там. Иллур получил от Ганибалла личную просьбу, достигнув берегов у пролива, приостановить там свое движение в глубину Греции и занять побережье, заблокировав армию Антиоха. Земли там македонские, но у Филиппа сейчас нет крупных сил на этом направлении. Так что Филипп только рад будет, если скифы это сделают за него, не приближаясь к Афинам. Да и нервы Филиппу до похода к Афинам можно немного пощекотать, – с одной стороны мы, с другой скифы. Мы, конечно, друзья, но...его это немного озадачит.

– Да уж, – согласился Федор, вспомнив гордого и вспыльчивого Филиппа, – озадачит.

Когда Атарбал ушел, рассказав Федору все, что был должен, Чайка рухнул на постель и проспал еще целый день. Последнее, что он запомнил перед сном, это фигура карфагенского военачальника, которая обернулась и, подняв руку, провозгласила:

– Тебя ждет корабль, который доставит тебя в нужное место, когда очнешься окончательно.

Наследующее утро, – хотя Федор не был слишком уверен в том, сколько времени пробыл в забытии, – когда солнце едва показалось над горизонтом, он вновь открыл глаза, почувствовав прилив сил. И попытался встать. Получилось, но с трудом. Решив, что пора приходить в норму, Федор сам оделся в исподнее и натянул тунику, оставив доспехи без внимания. Позвал ординарца, тотчас явившегося по первому зову. Затем, вместе с ним, слегка прихрамывая на ослабевших за это время ногах, вышел из шатра. Солнечный свет больно резанул глаза, Федор закрыл их и некоторое время стоял на месте, привыкая и не делая лишних движений. Голова все еще болела, слабость была большой. Из всех сил, он старался не гладить свой израненный бок, прикрытый плотной повязкой.

Осторожно открыв глаза, Чайка обвел взглядом берег, рассмотрев внимательно панораму. Его шатер стоял на невысоком прибрежном холме, буквально в сотне метров от плоского каменистого побережья. Чуть левее виднелись выстроенные пирсы, к которым было пришвартовано множество грузовых судов. Вокруг них сновало большое количество разношерстного народа. Вдалеке виднелось несколько военных кораблей. А еще дальше возвышалась стена какого-то города.

«Наверное, это и есть Прасии, – подумал Федор, с каким-то недоверием разглядывая будничную картину разгрузки судов в еще недавно лакедемонском порту, – значит, Спарта действительно наша».

Часть берега вокруг шатра была огорожена частоколом с башнями и походила на военный лагерь, только не слишком большой. Бараков было в обрез, загонов для слонов вообще не видно. Здесь могла поместиться от силы одна хилиархия. Из войск на глаза попадались преимущественно морпехи в синих панцирях. «Для обороны Прасий маловато, для временного накопления войск тоже, – подумал Чайка, невольно усмехнувшись, – они его что, построили для моей охраны что ли?».

В этот момент, увидев бледного и заросшего бородой Федора, к нему направился военачальник в блестящем медном шлеме и синем панцире морпеха. За ним устремилось еще человек пять солдат.

– Рад видеть вас на ногах, – приветствовал его морпех, – я Агид, командир морских пехотинцев с вашего корабля. Оставлен Атарбалом дожидаться вашего выздоровления, и буду сопровождать вас в этом плавании.

– Где Атарбал? – пробормотал Федор.

– Уже три дня как уплыл, – ответил начальник морпехов, не уловив удивления во взгляде Чайки.

«Значит, я проспал еще три дня, – едва сдержавшись, чтобы не сказать вслух, подумал Федор, – крепко меня приложил этот чертов спартанец».

– Кто здесь остался из моей армии? – Чайка попытался взять себя в руки и получить нужную информацию.

– Почти никого, – ответил морпех, – Кумаха с пехотинцами и Бейду с обозом Атарбал отправил с наступающей армией вперед. Слоны вместе с погонщиками уплыли на кораблях, но я не знаю куда именно. Здесь остался только скифский военачальник и его люди, не пожелавшие отправиться с армией дальше, пока вы не придете в себя. Атарбал на это согласился. А мы все лишь недавно прибыли из Италии и еще не принимали участия в войне.

«Интересно, жив ли Летис? – как-то отстранено подумал Федор, – ведь это он меня спас. Но, даже если и жив, то наверняка уже где-нибудь вблизи Афин бьется».

– Еще успеете повоевать, – успокоил командира морпехов Федор, слегка покачнувшись и невольно схватившись за руку ординарца, но потом резко ее отпустив. Трудно было признаваться в собственной слабости.

– Если хотите я позову лекаря, – шагнул к нему Агид, испугавшись, что тот может упасть.

Федор отрицательно взмахнул рукой, устояв на ногах.

– Не надо. Лучше скажи, сколько меня будет ждать корабль?

– Мы будем ждать вашего выздоровления, сколько потребуется и отправимся по первому приказу.

– Но, куда? – не сдержался Федор, подумав, что так и война закончится, пока он оправится от своего ранения.

– Это знает капитан корабля, – спокойно ответил Агид, – у него есть приказ от Атарбала доставить вас в определенное место.

– Уже легче, – усмехнулся Федор и, почувствовав новый укол боли в боку, махнул рукой, – ладно, зови своего лекаря. Пусть снимет с меня эту повязку.

Бросив еще один взгляд на ярко синее небо и коричневый берег, Федор вернулся в шатер. Боец из него был еще никудышный. Ему очень хотелось отплыть немедленно, но внутренний голос говорил ему, что торопиться не стоит. Афины и без него возьмут, а вот Азия никуда не денется. «Похоже, придется, немного задержаться», – решил Чайка, отпив воды из кувшина и снова завалившись на постель.

Спустя пять минут в шатер вошел невысокий смуглолицый ливиец в хитоне, с каким-то тюрбаном на голове и узелком в руках.

– Ты кто? – поинтересовался Федор.

– Я Хамиз, ваш лекарь.

– Ну, лечи, раз лекарь, – нехотя согласился Федор, задирая тунику.

Осторожно приподняв повязку и осмотрев рану, Хамиз натер ее каким-то снадобьем, отчего вокруг нее все загорелось и зашипало.

– Ты что творишь! – возмутился Федор, поискав глазами верную фалькату, – убить меня хочешь?

– Этот отвар поможет ране затянуться быстрее, – успокоил его Хамиз, все же отходя на почтительное расстояние. – Рана заживает хорошо, но вам нужно лежать еще не меньше трех дней. А лучше пять.

– Этого мне только не хватало, – ответил Федор, но все же постарался смириться с этой мыслью. Его собственный разум говорил ему тоже самое.

Федор провел в лагере у Прасий еще пять дней. Все это время Хамиз регулярно навещал его, смазывал рану своими снадобьями и поил какой-то горечью, отчего сил у Федора прибавлялось. На третий день к нему заявился Леха Ларин, проведавший о том, что Федор наконец-то пришел в себя.

Обняв друга, он извинился, что не зашел раньше.

– Ездил вдоль берега со своими бойцами, коней нужно было немного встряхнуть, а то застоялись они здесь. Сколько времени уже торчу в этих Прасиях без дела.

– Так отправлялся бы со всеми дальше на войну, – подзадорил его Федор, которому резко полегчало оттого, что рядом нашлась хоть одна родная душа. – Я слышал твой царь уже у Геллеспонта.

– Я тоже, – кивнул Ларин, – хотел к нему съездить, надо бы повидаться. Но, пока ты в себя не пришел, не стал дергаться. Дорога больно хлопотная, – через эллинов и македонцев. А своего корабля у меня пока нет. Не то, что у некоторых.

– А ты уже и про корабль знаешь?

– А то, – усмехнулся Леха, – ты мне там местечко определишь? Корабль большой, красивый. Только тебя и ожидаем, чтобы отплыть.

– А ты хоть знаешь, куда он поплывет? – попытался озадачить друга Федор, сам не знавший еще ответа на этот не последний вопрос.

– Да по мне хоть куда, – отмахнулся Леха, – лишь бы жизнь опять завертелась.

– Ну, тогда возьму тебя с собой, так и быть, – согласился Федор, сделав вид что крепко задумался об этом, – Атарбал мне обещал впереди очень веселую жизнь. Так что тебе подойдет.

Новый порыв ветра взъерошил кудри Федора, который стоял с Лехой на носу квинкеремы и наблюдал за тем, как корабль приближается к берегам Аттики. Еще утром они миновали Эгину, совсем недавно оставили за кормой остров Саламин, прославившийся во время битвы Афин с персами, и вот уже впереди замаячил огороженный крепостной стеной берег бухты Пирея, – морской гавани Афин, расположенных в глубине суши. Пирей, только что сдавшийся после осады, выглядел полуразрушенным и обугленным. Бой здесь был жестокий. И птицы-падальщики не таясь, кружили над полуостровом.

Федор бывал здесь лишь однажды, в те далекие времена, когда плыл с купцом Магоном навстречу своей неизвестной судьбе. Прошло много лет. И вот теперь он вновь был здесь. Но, на этот раз уже не безвестным воином, а военачальником целой армии завоевавшей неприступный город, центр морской державы. Правда, в данный момент Федор Чайка был командиром, пытавшимся для начала отыскать свою далеко опередившую его армию.

О том, что Афины пали он узнал еще перед отплытием от капитана корабля, выполнявшего сейчас какую-то мистическую роль связного между ним и Ганнибалом, общавшимся с Федором через Атарбала. До него дошли слухи о том, что сам Ганнибал, наконец, оставил свою резиденцию в Италии и возглавил армию. Федор надеялся увидеть в Афинах и того и другого, но быстро понял, что этого не случится. Если Ганнибал нацелился на Азию, то он, скорее всего, уже там. А может быть и вместе с Атарбалом. Тем не менее, корабль вез его в Аттику, на которой еще не остыл пепел от недавних пожаров и не успели похоронить всех погибших солдат.

Перед отплытием у него состоялся короткий и полный недосказанности разговор.

– Буквально два дня назад пришел приказ, чтобы я доставил вас сначала сюда, – ответил капитан, на удивленный взгляд Чайки, – чтобы вы встретились здесь с комендантом Пирея.

– И что дальше? – удивился Федор, у которого возникло чувство, что капитан что-то не договаривает или, что скорее, ради сохранения тайны просто до поры не знал о своем следующем шаге, как и он. Именно так и вышло.

– Я не знаю конечной цели нашего путешествия, – заявил капитан, немного нахмурившись. – Главное доставить вас сюда. А отсюда, если будет необходимость, мы отправимся дальше.

– Ну что же, – нехотя принял такой ответ Федор, скрестив руки на груди, – тогда отплываем. Мне не терпится узнать последние новости.

Сойдя в сопровождении Ларина на берег в афинском порту, запруженном сейчас военными кораблями Карфагена, Чайка немедленно разыскал коменданта. Его резиденция располагалась в одном из немногих уцелевших после штурма зданий у моря. Все остальное, включая склады и стены, было либо разрушено, либо сожжено. Тем не менее, Пирей быстро

возвращался к жизни. По дороге друзья заметили команду инженеров и рабочих, которые уже принялись отстраивать стены и склады заново.

– Похоже, у Ганибалла на Пирей большие планы, – заметил на это Федор, проходя мимо повозок с камнями. – Интересно, кто же все-таки взял Афины, мы или македонцы.

У входа в здание местной комендатуры, где переминалось с ног на ногу с десятков охранников из морпехов, Федор остановился.

– Подожди меня здесь, – слегка извиняясь, произнес он, – вряд ли со мной будут откровенничать в присутствии представителя скифов.

– Понимаю, – кивнул Леха. – Ладно, я у стены прогуляюсь пока, позагораю, на море посмотрю.

– Позагорай, – усмехнулся Федор, оглядев облаченного в легкие доспехи скифского предводителя, – только не сгори.

Затем, сообщив охране, кто он такой, был немедленно пропущен внутрь.

Комендантом оказался совершенно незнакомый широкоплечий офицер в кирасе с отметинами о ударов вражеских клинков, с некоторым подозрением уставившийся на Федора. По всем убыло видно, что он из боевых офицеров и ему эта чиновничья должность не по нраву. Но, приказ есть приказ. Других свободных офицеров на эту роль у Ганнибала, видимо не нашлось.

– Мне поручено передать вам это, – сообщил офицер, предварительно выпроводив всех, кто у него толпился в этот час на улице, узнав об имени нового посетителя. Слегка прищурившись, он вынул из специального ящика в стене свиток и протянул его Чайке, – прочтите прямо здесь.

– Здесь? – удивился Федор, слегка неожиданным поворотом, – с чего бы это?

– Таков приказ Ганнибала, – подтвердил комендант, – свиток не покинет этих стен.

Федор в недоумении уставился сначала на уставшего коменданта, потом на лежавший перед ним свиток. Но, решив не спорить с судьбой, и, проворчав «Ох уж мне эти тайны», покорился воле Ганнибала.

Письмо оказалось достаточно длинным и вводило Чайку в курс дела относительно большинства событий, которые он «проспал». Пока он читал, в голове вспыхивали разные мысли, но он не позволял им отвлекать себя. Из прочитанного вытекало, что Афины были взяты мощным, совместным с македонцами ударом буквально на днях. Ганнибал договорился с Филиппом о том, что отдает ему город за исключением нескольких районов в западной части и порта Пирей. Большая часть земель Аттики также остается за Ганнибалом, который к моменту штурма Афин уже овладел всеми портами на обеих сторонах полуострова, включая Марафон и Форик. Македонии отошла только северная часть бывших Афинских владений.

– Так македонцы были рады, что Пирей достался нам? – оторвавшись от письма, поинтересовался Федор у коменданта, и, заметив удивление в его взгляде, пояснил, – я немного задержался в пути и не знаю последних новостей.

– А с чего бы отдавать им Пирей? – ответил задетый за живое морпех, – ведь это мы разбили афинский флот и, положив кучу солдат, захватили порт. Теперь вот я должен его восстановить как можно быстрее, поскольку через него скоро пойдет большой поток грузов и кораблей. А я еще и похоронить то своих солдат не успел, как следует.

– Понял, – кивнул Федор, кое-что уяснив для себя в положении дел, и вновь погрузился в письмо.

Половина афинского флота, та, что не погибла в сражении с флотом Ганнибала и Филиппа, успела сбежать в море и направилась к берегам империи Селевкидов. Скифы, своим присутствием, вынудили армию Антиоха Третьего отказаться от вторжения в Грецию. И, не дожидаясь подхода македонских войск, уже переправились через Геллеспонт с помощью собственного флота и инженерных частей. Там они атаковали войска Антиоха, заставив отступать вглубь своих владений. Филипп со своей армией и флотом также должен был поддержать вторжение в земли Селевкидов, после того как атакует и захватит Пергам на

побережье Малой Азии.

«Значит царь македонцев уже на пути к Геллеспонту, догоняет скифов, – подумал, прочитав это Федор, – или морем плывет к Пергаму, что впрочем, одно и то же. Вторжение началось. Получается, что он хоть и сам македонец, а будет воевать с нами дальше против наследников Александра. Греции ему мало, хочет себе и часть Азии отхватить. Понятно. А что же мне приказано делать?»

Точное время прибытия Чайки за этим письмом не было ясно, поэтому ему предписывалось сразу по получении принять командование над флотом из десяти квинкерем и отплыть в направлении Киликии, где его будет ждать сухопутная армия Ганнибала. Федор, хорошо знавший окрестности Обитаемого мира, едва не присвистнул, когда припомнил, что Киликия, где-то на азиатском побережье, в относительно близости от самой Финикии.

«Далековато, – решил он. – Неужели мы половину империи Селевкидов уже захватили? Скифы, конечно быстро продвигаются, но ведь там горы и все такое... Нет, наверное Ганнибал только планировал быть там к моему прибытию. Или десант высадил в тылу у армии Антиоха Третьего. Тут ведь без морских операций никак. Слишком велика суша».

Он вновь посмотрел на свиток, но на этом письмо заканчивалось. Никаких объяснений больше не было. «Нет, все понятно, в общем, – успокоил себя Федор, – плывем дальше».

И протянул свиток коменданту. Тот взял, запалил свечу, и, не раздумывая, сжег на глазах у Федора, который едва не лишился дара речи. Он ведь ничего еще не сказал коменданту относительно десяти квинкерем, но тот, как выяснилось, об этом знал и сам.

– Ваши корабли будут готовы к отплытию уже сегодня вечером, – без лишних слов сообщил он Чайке, – за погрузкой всего необходимого я прослежу. А завтра на рассвете вы сможете покинуть Пирей. Тот корабль, на котором вы прибыли, также останется с вами.

– Хорошо, – кивнул Чайка, – хоть не придется менять судно, привык я уже к нему.

Получив все необходимые сведения, Федор вышел из здания комендатуры слегка ошеломленным и, поправив амуницию, разыскал глазами верного друга. Тот откровенно скучал, наблюдая за погрузкой военных кораблей, стоявших в гавани. Погрузка действительно шла бешеными темпами, словно грузчики спешили уложиться в кратчайшие сроки, а иначе их обещали казнить.

– Что, наблюдаешь за нашими кораблями? – поддел его Федор, приблизившись.

Скифский адмирал обернулся, заметил друга и ухмыльнулся, не поняв шутки.

– Какими еще нашими? Наш вон на рейде стоит, отдыхает. Никакой погрузки там не видно, все еще в Спарте погрузили, видимо, – ответил он, распрямляя спину и кивая в сторону комендатуры, – ну, что там за тайны?

– В том-то и дело, брат, – гнул свое Федор, приблизившись к ограждению полуразрушенной стены, – это самые, что ни на есть, наши корабли. Мои, то есть. Афины взяли, вся Аттика наша, воевать здесь больше не с кем. Я неожиданно принял командование над этими квинкеремами и завтра на рассвете поведу их в море, весьма странным курсом.

– А я? – озадачился Леха, уловив в голосе друга нотки неопределенности, – а мне что делать, к царю возвращаться? Говорят он тут поблизости. Где-то у Геллеспонта. Дня три на коне скакать, может чуть больше.

Чайка немного удивился осведомленности своего друга, ведь сам только пять минут назад прочитал о последних подвигах Иллур и его местонахождении, изменявшемся даже во время их разговора.

– Твой царь уже на другом берегу, – огорошил его Федор, – так что есть резон плыть со мной дальше. Так ты его быстрее повстречаешь. Думаю, местечко для тебя у меня и дальше найдется.

– На другом берегу? – переспросил Леха, слегка удивившись, – это что значит, Иллур без меня к Египту направился?

Такая перспектива Федору вообще не приходила в голову.

– Насчет Египта не знаю, но одно сражение с армией Антиоха Третьего они уже выиграли и теперь гонят его от Геллеспонта в глубь империи Селевкидов. А Ганнибал ждет

меня в условленном месте с этими кораблями. Так что, в конце концов, мы должны повстречаться с твоим кровным братом, где-нибудь в Азии.

– И куда плывем? – задал наводящий вопрос Ларин, утерев пот со лба.

Жарко нынче было в Афинах.

Глава пятнадцатая «Селевкиды»

Путь до Киликии занял почти пять дней, поскольку плыть пришлось с остановками, и постоянно ожидая атаки афинских кораблей. Впрочем, информации о точном местонахождении остатков афинского флота давно не было. Перед отплытием Федор узнал, что сразу после битвы флот видели направлявшимся к Пергаму, затем вблизи Родоса. Но, к Пергаму уже выдвинулись македонские триеры, да и появление скифских полчищ на берегу вблизи баз флота, вряд ли делало эти места безопасными для пребывания беглецов. На Родосе уже стоял флот Карфагена, так что и там афинянам было негде пришвартоваться. Оставалось бежать дальше.

Впрочем, в акватории Средиземного моря, как его называли для ясности Федор и Леха в своих разговорах, было еще немало мест, где афиняне могли найти приют. В сложившейся ситуации они могли запросто переметнуться на службу к своим заклятым врагам. А Селевкиды и Птолемеи Египетские, как ни крути, тоже были греками, и хороший флот, хоть и потрепанный, мог усилить их боевые возможности в войне друг против друга. А теперь и против Ганнибала, который начал наступление на восток.

– А где эта твоя Киликия? – уточнил скифский адмирал, когда они едва миновали Киклады, оставив позади множество живописных островов, овеянных мифами и легендами только что побежденных греков, – я ведь дальше Черного моря в этой жизни-то и не ходил.

– Да не так чтобы далеко, – стал рассказывать ему Федор, благо время позволяло, – вот Эгейское море пройдем, без всяких приключений, надеюсь. Добреемся до Родоса. Там стоит наш флот, там у нас будет первая остановка в пути.

Леха кивнул. Они сидели в кубрике у новоиспеченного наварха, пили вино и рассматривали карту, вытисненную на тончайшей коже, водя по ней пальцами.

– А где наш друг Евсид бороздит море? – поинтересовался Леха, – обратно в Сиракузы отправился?

– Точно не знаю, в послании Ганнибала об этом почти ничего не было, – ответил Федор, опрокидывая в горло чашу с захваченным в Пирее терпким красным вином, которым были полны трюмы его корабля, – но, думаю, он сейчас тоже поблизости, либо помогает македонцам с Пергамом, либо вообще у берегов Киликии обретается. А может и на Родосе, куда мы идем, стоит. Такие дела творятся, что вряд ли Сиракузы захотят остаться в стороне.

– Ты говорил, беглых афинян последний раз видели как раз у Родоса? – уточнил Ларин, отправляя в рот оливку.

– Говорил, – кивнул порядком захмелевший Федор.

– Ну, тогда, я думаю, что эти афиняне, подались отсюда куда подальше, – предположил Ларин, – здешние базы не безопасны. Я бы на их месте ушел в Египет или в Финикию твою родную, которая сейчас под греками. Они мужики опытные, быстро наймутся к тому, кто больше заплатит.

– Это понятно, – согласился Федор, – и, чует мое сердце, что мы о них еще услышим. Если не увидим. Нам главное Родос миновать и без приключений до Киликии добраться.

– А что там такого? – удивился Леха, глянув на карту, – если там твой Ганнибал, значит уже все в порядке.

– Все, да не все, – туманно ответил Федор, рассматривая ломаную линию побережья империи Селевкидов. – Родос наш, а вот берег напротив него, – Кария, Ликия, Памфлия, – по-прежнему под Антиохом. А у него корабли и без афинян имелись. Так что, не ровен час, можем повстречать селевкидскую эскадру в открытом море. Да на Кипре неизвестно кто

сейчас хозяйничает. А он как раз напротив нашего места высадки.

– Не робей командир, – хлопнул его по плечу тоже опьяневший Леха, – твой Ганнибал не первый день воюет. Думаю, он с киприотами уже разобрался. И Кипр уже наш, то есть ваш. Так что ты мне лучше покажи, где мой царь сейчас обретается.

Федор ткнул пальцем в земли Мизии и слегка чиркнул по Фригии.

– Вот, где-то тут.

Ларин, проследил за указующим перстом друга, затем посмотрел на Киликию, прикинул на глаз расстояние, и со знанием дела произнес:

– А, ну это не далеко. Пока плыть будем, он уже пройдет это расстояние. Царь у меня быстрый.

– Оно, конечно, быстрый, – с сомнением произнес Федор, вновь посмотрев на карту, – но там, Леха, горы кругом.

– Ничего, – отмахнулся Леха, – не впервой. Давай лучше выпьем за удачную кампанию и за то, чтобы мы скорее оказались в Египте!

– А это еще зачем? – удивился Федор, – мне в Египет не надо.

– Зато нам надо, – расхохотался друг, – у нас с египтянами очень давние счеты.

– Ну, значит, выпьем за компанию, – резюмировал Федор, опрокидывая в себя еще чашу терпкого вина.

К вечеру они прибыли на Родос, где им неожиданно пришлось задержаться на несколько дней, но не только для того, чтобы пополнить запасы, – в этом они пока особенно не нуждались. В последнее время у побережья острова все чаще появлялись селевкидские корабли, пытавшиеся перерезать длинные морские коммуникации Ганибалла, армия которого высадилась в глубоком тылу противника, отвоевав там большой плацдарм. От снабжения этой армии во многом зависел успех наступления на восток, поэтому Федор даже без приказа рискнул доверенным ему имуществом.

– Нечего сидеть на месте и ждать, – сообщил он местному наварху. – Нужно самим напасть на флот селевкидов, чтобы освободить от них ближние берега.

– У меня хватает сил только на то, чтобы пресекать их редкие попытки прорыва вдоль побережья к Пергаму, – ответил наварх, – вот если бы у меня было больше кораблей...

– Мы должны помочь армии Ганибалла, – заявил Федор, – а значит, ты можешь рассчитывать на мои корабли.

– Но, ведь Ганнибал ждет тебя в Киликии, – возразил наварх, – а в бою ты можешь потерять часть кораблей. Вряд ли ему это понравится, особенно сейчас, когда он готовит мощное наступление.

– Ничего, боги на нашей стороне, – отмахнулся Федор, – и они помогут нам. А, кроме того, я не собираюсь сидеть на Родосе вечно. Один хороший налет на базу противника и они надолго присмирят. А большего нам и не надо, затем мы разобьем их на суше. Где находится ближайшая база противника?

Обсуждение плана нападения заняло не больше часа и буквально на следующий день они вместе с другой карфагенской эскадрой, которая базировалась на Родосе, устроили налет на город Тельмес, – ближайшее логово вражеского флота. Этот удар, нанесенный объединенными силами, оказался на редкость удачным. Сражение разыгралось на подступах к городу, где они повстречали небольшой селевкидский флот, недавно покинувший гавань. Только артиллеристам Чайки удалось поджечь четыре больших военных корабля Селевкидов и морякам протаранить еще три. Второй эскадре также повезло, на их долю пришлось два удачных тарана, после которых квинкеремы противника отправились на дно вместе со своими матросами и солдатами. Судя по количеству кораблей противника, они сами собирались нанести мощный удар по войскам Ганнибалла, если не планировали высадку на Родос, так что Федор своим вмешательством сорвал эту операцию. Остатки судов противника финикийцы загнали обратно в порт, где, после массированного обстрела зажигательными горшками со смесью Архимеда начался грандиозный пожар. Штурмовать Тельмес Федор не стал, хотя Леха и подначивал его совершить вылазку на берег.

– Нечего казенные силы разбазаривать, – осадил рвавшегося в бой друга Федор, наблюдавший за разыгравшимся пожаром в гавани с борта своего корабля, – у меня и так вон, сколько повреждений на палубах у судов. Хорошо хоть пробоин серьезных нет, но чиниться придется. А Ганнибал и без того нас заждался, по головке не погладит. Так что, пусть местные флотоводцы разбираются с остальными делами. Мы им подмогнули немного и хватит. Пора в путь.

– В путь так в путь, – нехотя согласился Леха, убирая в ножны почти вытащенную фалькату.

Вечером корабли Чайки вернулись на Родос и, наскоро подлатав повреждения, через несколько дней вышли в море, направившись к берегам Киликии. Этот путь занял у них еще почти три дня, поскольку море немного штормило. Пришлось снизить ход и держаться довольно близко к вражеским берегам. Хвала богам, больше неприятельских судов им не повстречалось, к исходу третьих суток караван Чайки прибыл к назначенному месту.

Захваченное Ганнибалом побережье было гористым и довольно обширным, еще на подходе Федор заметил огромные массы конных и пеших войск, перемещавшихся вглубь территорий с берега, где находилось сразу два больших лагеря, выстроенных по всем правилам инженерного искусства. Здесь же находилась стоянка флота, – почти три десятка мощнотелых квинкером покоились на берегу, уткнувшись носами в песок. Несколько кораблей постоянно находились в море, охраняя от внезапного нападения. Вдоль побережья, на котором Ганнибалу пока принадлежала только часть суши, еще хватало мест, где могли пристать вражеские корабли. Собственно, Федору не давал покоя вопрос, кто хозяин на Кипре. Только один этот остров, видневшийся на горизонте, если он еще был в руках врагов, сам по себе мог служить отличной базой для постоянных нападений с моря. Но тут Чайка был согласен с предположением своего друга, – Ганнибал не вчера родился и отлично знал, что такую угрозу оставлять у себя в тылу было нельзя, если собираешься наступать вглубь побережья.

Но, вскоре Чайка получил ответ на свой немой вопрос. Когда он почти достиг того места, где следовало делать поворот и приближаться к берегу, со стороны Кипра показалась эскадра из десяти кораблей. Увидев их, Чайка решил, что прибыл в тот момент, когда Селевкиды решили нанести удар по лагерям Ганибалла и сейчас состоится морское сражение, а затем и высадка десанта. Но, что-то во всем этом смутило его, когда он вновь пересчитывал корабли «вероятного противника». Во-первых их было всего десять, и это были триеры, а во-вторых только безумец мог решиться атаковать с такими силами укрепления противника втрое превосходящего нападавших по силам. Но, вскоре Чайка понял, в чем дело, – это была эскадра из Сиракуз, и командовал ей старый знакомый Федора грек Евсид. Сиракузяне, пожалуй, оставались единственными из греков, не считая македонцев, с которыми Ганибалл продолжал военное сотрудничество. В новом мире, который создавался прямо на глазах Федора Чайки после разгрома ненавистного Рима, им тоже нашлось место.

Две эскадры, – Федора и Евсида, – почти одновременно приблизились к берегам, где их встретило боевое охранение Ганнибала и, опознав как своих, пропустило к выстроенным пирсам.

Прежде чем, разыскать штаб экспедиционной армии, чтобы узнать последние новости, Федор встретился с Евсидом, и военачальники отправились туда уже вместе. Ларин также составил им компанию, оставив своих скифов пока на корабле, проследить за выгрузкой коней.

– Ты тоже прибыл сюда, – поприветствовал его грек, лицо которого было красным от жары, – наконец-то. Мы давно тебя ждали. Ведь вся твоя армия уже здесь.

– Я немного задержался, – попытался уйти от прямого ответа Чайка, невольно проведя рукой по месту ранения, скрытому сейчас панцирем, – появились неотложные дела.

– Война таит много неожиданностей, – хитро прищурился Евсид, и по тону грека Федор понял, что тому все известно насчет его ранения. Тем не менее, он решил переменить

тему.

Они поднимались по натопанной уже дороге к прибрежному холму, на котором расположился ближний лагерь. Штаб, по словам Евсида, находился именно там. Ларин в разговоре участия не принимал, осматривая окрестности и с завистью наблюдая за отрядами конницы перемещавшийся по холмам. Как показалось Чайке, это были нумидийцы, вновь переброшенные сюда из Африки.

– А что с Кипром, кто там хозяйничает? – задал он давно интересовавший его вопрос.

– Теперь мы, – ответил Евсид, и лицо его слегка омрачилось воспоминаниями. – Но, когда Ганнибал решил захватить именно эту часть побережья, все было иначе. В бухтах Кипра стоял афинский флот, переметнувшийся на службу к Антиоху.

– И они вряд ли были рады вашему появлению, – предположил Чайка.

– Ганнибал начал высадку, невзирая на это. Антиох пришел в ярость, узнав о том, что карфагеняне дерзнули высадить войска так глубоко в тылу и вдалеке от своих баз. После сражения с афинским флотом, который прислал сюда Антиох для того чтобы помешать нам обосноваться на берегу, у меня осталось не слишком много кораблей.

– Но и афиняне, думаю, присмирели, – вновь высказал верное предположение Федор.

– Да, после морского сражения они тоже потеряли большую часть флота, сбежавшего из Афин, – с удовольствием пояснил Евсид, поправив на ходу немного съехавший шлем. – А когда Ганнибал высадил на Кипре небольшую сухопутную армию для полного захвата острова, то они вообще покинули его.

– И где они сейчас? – уточнил Федор, когда троица беспрепятственно вошла в главные ворота лагеря.

– Мы знаем, что десяток триер ушел в Антиохию и, быть может, в близкий Арвад¹⁹. Остальные подались куда-то в сторону главных городов Финикии. Возможно, они спрятались в портах Сидона или Библа.

– А Тир? – уточнил любопытный Чайка, пытавшийся восполнить пробел в тактических знаниях.

– Не думаю, – спокойно ответил Евсид. – Тир в руках Египтян, а с Птолемеями пока войны нет.

– Пока нет, – подтвердил Федор нейтральным тоном, но как-то странно взглянув в сторону молчаливого сегодня Лехи, и повторил, – пока нет.

Пройдя сквозь целые улицы из бараков, в которых размещали многочисленные пехотинцы, они приблизились к большому шатру на возвышенности посреди лагеря, где располагался штаб.

– Скоро начнется большое наступление, – поделился последними новостями Евсид, – армия Антиоха Третьего рядом и, говорят, у Ганнибала тоже все готово для удара. Но сейчас вы все узнаете сами.

Начальник охраны кивнул Евсиду и, смерив настороженным взглядом его широкоплечих спутников, пожелала узнать их имена. А когда Федор назвал свое, то также был беспрепятственно пропущен. Оказалось, его слава уже давно опередила его. «Надо же, – ухмыльнулся Чайка, отодвинув полог, – мелочь, а приятно. Осталось узнать, где же моя армия».

Увидев, кто сидит за столом в окружении ординарцев, разглядывая сразу несколько карт, Федор улыбнулся еще шире, – это был Атарбал собственной персоной.

– Ты слишком задержался, – упрекнул его военачальник таким тоном, словно они

¹⁹ **Арвад** – также известный как Арадус, Арпад, Арфад, Арад (место скитающихся), – один из самых древних финикийских городов, по легенде построенный беглыми сидонянами. Был основан финикийцами примерно во втором тысячелетии до нашей эры. Находился на северной границе финикийских территорий, ближе всех к Кипру. Далее вдоль побережья, если смотреть в сторону Египта, располагались Библ, Сидон и Тир. Жители Арвада славились как искусные моряки и торговцы, а также солдаты. С конца V века до н. э. город чеканил свою монету.

только вчера расстались, – я ждал тебя три дня назад.

– Пришлось повоевать на Родосе, – признался Чайка, усаживаясь на скамью рядом со знаменитым военачальником, – Селевкиды хотели напасть на него. Поэтому мы нанесли удар первыми. Подожгли гавань Тельмеса. Теперь ненадолго присмирят, и можно будет плавать вдоль этих берегов спокойно.

– Молодец, – нехотя похвалил Атарбал, кивнув остальным на свободные места и выпроводив ординарцев, – но у тебя было другое задание. С афинянами мы и без тебя разобрались. Нам очень важен весь военный груз, что ты должен был доставить еще три дня назад. Ты привел свои корабли без потерь?

Чайка кивнул. Когда все прибывшие расселись, Атарбал взглянул на Евсида.

– На Кипре все спокойно. Флот Антиоха не приближается к берегам острова, – ответил тот на молчаливый вопрос.

– Это хорошо, – задумчиво произнес Атарбал, словно припоминая что-то, – я так и думал. Сейчас главные события будут происходить здесь, поблизости от Селевкии²⁰. Вряд ли на море Антиох сможет создать нам угрозу, но все же корабли у него еще остались, поэтому об осторожности забывать не стоит. Во всяком случае, пока мы не захватим все его порты.

Помолчав немного, Атарбал по очереди обвел взглядом собравшихся и почти торжественно сообщил, введя их в курс дела.

– Итак, в настоящее время объединенные армии союзников развивают наступление на земли Антиоха сразу с трех направлений. Скифы, разбив несколько мощных селевкидских отрядов, продвигаются с севера. Македонцы уже захватили Пергам и движутся сквозь центральные земли ближайших владений Селевкидов. А здесь мы, то есть Ганнибал, с юга пытаемся потеснить главные силы Антиоха Третьего.

Ближайший помощник Ганнибала, отпил немного вина из стоявшей рядом с ним чаши, промочив горло, и продолжил.

– Сейчас главные силы Антиоха находятся здесь, в городе Селевкия и рядом с ним. Почти тридцать тысяч пехоты и пять тысяч конницы. У Антиоха имеется больше полутора сотен слонов, прибывших к нему из Индии. Похоже, он рассчитывает дать нам главное сражение, и потому собрали их здесь почти всех.

– А у нас? – не выдержал Чайка, слишком давно он не принимал участия в военных советах такого уровня.

– У нас восемьдесят пять слонов, включая всех твоих, – терпеливо пояснил Атарбал, – еще сорок боевых слонов плывут из Карфагена сюда, но они придут позднее, чем начнется битва. Зато пригодятся нам в дальнейших сражениях. У Селевкидов большие владения.

Атарбал не предложил своим гостям вина, которое сейчас выполняло у него на столе роль воды, но никто и не настаивал. Все понимали, что это военный совет, а не попойка. Да и сам военачальник был серьезен.

– По количеству воинов мы пока слабее, – разъяснил он, слегка нахмурившись, – у нас пока здесь собрано без малого двадцать тысяч пехотинцев и три тысячи испанских всадников, не считая нумидийцев. Их всего шесть сотен. Зато флот вполне приличный, благодаря чему мы можем обезопасить наши тылы до подхода сил союзников.

Атарбал вновь умолк и даже поднялся из-за стола, поправив ремень на поясе. Прошелся по шатру взад-вперед, словно набираясь храбрости. Все молчали, понимая важность момента. Даже балагур Леха Ларин, который был допущен на это неожиданное совещание как представитель Иллур, хотя и не имел сейчас никакого военного веса. Однако, заслуги его царя для общего дела в наступлении на селевкидов были неоценимы.

– Когда союзники будут здесь, положение Антиоха станет безвыходным, – заговорил вновь Атарбал, развернувшись к Федору, а затем и к Ларину, – объединившись с армией

²⁰ Селевкия – город недалеко от побережья Киликии.

скифов и македонцев, мы превзойдем войска, собранные в этой части империи Селевкидов, в несколько раз. И Антиох это прекрасно понимает, поэтому хочет навязать нам скорое сражение. И Ганнибал уже принял этот вызов.

«Но, зачем? – едва не выкрикнул Чайка, хотя сдержавшись, подумал. – Можно подождать подхода скифов и спокойно раздавить армию этого Антиоха. Впрочем, Ганнибал еще никогда не ошибался. Значит, это нужно сделать именно сейчас».

– Наша армия здесь скоро увеличиться еще на восемь тысяч, за счет подхода подкреплений из Италии. Кроме того Гасдрубал со второй армией начал движение из Карфагена в сторону Египта по суше. Но, тем не менее, сам Ганнибал решил не дожидаться подкреплений, ни своих собственных, ни от Гасдрубала, ни от союзников, – на это может уйти не один месяц. Он уже перебросил через прибрежные хребты ближе к Селевкии скопившиеся здесь силы. Это примерно в двух днях пути отсюда.

– А где сам Ганнибал? – осмелился вставить слово Федор.

– Сам Ганнибал тоже находится в армии, – ответил Атарбал, – вы оба, исключая Евсида, конечно, тоже отправитесь туда немедленно.

– Чем мне придется командовать в этот раз? – задал наводящий вопрос Чайка, слегка откинувшись назад.

– Своей армией, конечно, – удивил его простым ответом Атарбал, вновь присев к столу и продемонстрировав Чайке карту прибрежных земель, на которой тот без труда различил Селевкию, стоявшую на большой реке и лагерь, в котором находился сам, – все твои помощники, с которыми ты победил этолийцев и захватил Спарту – Кумах, Бейда и Мазик, – все находятся там. Так что, ты получишь в управление ту же армию, может быть, даже чуть увеличившуюся в размерах. А уж что тебе предстоит делать, узнаешь от самого Ганнибала на месте.

– Когда мне можно отправляться? – собрался вставать Федор, воодушевленный предстоящей битвой.

– Отдохни с дороги эту ночь в лагере, а завтра на рассвете отправляйся, – закончил свою вводную Атарбал, – я дам тебе провожатых.

– Что делать с солдатами, которых я привез? – вспомнил вдруг Федор о том, что прибыл сюда не один.

– О них не беспокойся, – милостиво взмахнул рукой Атарбал, – я сам займусь этими пехотинцами. У тебя теперь есть, кем командовать и, думаю...

Он помолчал немного.

– Ганнибал будет рад тебя видеть. Он найдет твоим талантам достойное применение.

Федор встал, слегка поморщившись, – в боку вдруг резко кольнуло, напомнив о ранении, – но, перехватив взгляд Атарбала, выпрямился. С этого момента о ранениях можно было забыть. Начинался новый этап войны, который мог потребовать от Федора всех его сил.

Чем дальше они уходили от побережья, тем выше казались Чайке горы Киликии. Он вспомнил о том, что в центральной части этих земель горы поднимались еще выше, а значит, скифам и македонцам приходилось не сладко. Впрочем, и те и другие были хорошими воинами, и не раз попадали в тяжелые ситуации. Справятся и на этот раз. Тем более, что владевшие этими землями еще в глубокой древности персы озаботились строительством отличных дорог сквозь горы, чтобы хоть как-то сократить дальность сообщения в своей бесконечной державе. «Эти дороги помогли Александру Македонскому захватить владения персов, – подумал Федор, покачиваясь в седле, – а теперь, по иронии судьбы, помогут нам отобрать эти земли у греков. А заодно и освободить свою историческую родину. Хватит ей жить под пятой завоевателей. Карфаген уже достаточно укреп, чтобы править миром».

– Неплохой пейзаж, да командир? – подержал его размышления начальник скифского контингента в лице дюжины бородатых воинов, качавшийся в седле неподалеку от Федора, – по таким местам даже мой царь может пробираться...чуть дольше, чем обычно. Так что я

пока с тобой повоюю, здесь его подожду. Надеюсь, он простит, что я так долго не давал о себе знать.

– Конечно, простит, – усмехнулся Федор, разглядывая маячивший впереди перевал, – особенно, после того, как я расскажу ему о твоих подвигах в Греции. А к тому моменту, как он доберется сюда, ты успеешь совершить еще массу подвигов.

Преодолев по полудню последний перевал, небольшой отряд, состоявший из Федора со скифами и полусотни нумидийцев, устремился вниз. Конечно, этой дороге было далеко до вымощенных отполированным камнем почтовых трактов персов, но и по ней можно было ездить и даже перевозить грузы, а это в условиях горных пейзажей Киликии, сменявшихся небольшими равнинами, было главным. На дороге, соединявшей место высадки Ганнибала с его новым лагерем, постоянно происходило какое-то движение. Чайка со спутниками периодически обгоняли подводы со снаряжением, провиантом и оружием, двигавшиеся сейчас только от берега вглубь страны. Им на встречу иногда попадались конные разъезды нумидийцев или тяжеловооруженной конницы, не проявлявшие к ним особого интереса.

– Сдается мне, что Атарбал не шутил, – заметил Федор, когда они обогнали очередной караван из двух десятков груженных телег, в сопровождении сотни пехотинцев, – очень скоро произойдет генеральное сражение с Антиохом.

– Похоже на то, – кивнул Леха.

– Как бы, не опоздать, – подумал вслух Федор, погоняя коня.

– Успеем, – ответил Ларин и вдруг вскинул руку, – смотри, а это что?

Они обогнули большую скалу, и неожиданно вдали показался город, окруженный крепостной стеной. Он стоял у подножия гор на высоком берегу реки, искрившейся на солнце, словно хрустальная змея. А напротив него, на другом берегу, обосновался огромный походный лагерь. Отсюда с перевала, было видно как по обе стороны не слишком широкой, но достаточно бурной реки, дефилируют разъезды всадников, наблюдавшие друг за другом. Река была извилистой и огибала широким полукругом лагерь армии Ганнибала, вокруг которого, как впрочем, и вокруг города было заметно перемещение большого количества войск.

– А это, брат Леха, и есть Селевкия, – решил Федор, оценив ситуацию, – больше здесь быть нечему. И, сдается мне, что Ганнибал уже начал подготовку к битве.

– С чего ты взял? – удивился Леха, – пока не вижу признаков сражения.

– А это я, вон, про те мостки, что протянулись от лагеря на полреки, – указал Федор Чайка на едва заметные отсюда сооружения, возводимые инженерными частями, – не просто же так их строят. Аккурат сегодня ночью и закончат.

– Да ты глазастый, командир, – усмехнулся Леха, – закончат, если этот Антиох их проворонит. Но, лично я в этом что-то сомневаюсь.

– Поживем, увидим, – не стал спорить Федор.

Спустя еще час скачки по горной дороге, петлявшей меж отрогов, они оказались в лагере. И Федор, как и был, в пыльных доспехах поспешил явиться к Ганнибалу. Леха последовал за ним. Новый тиран, которому теперь принадлежало почти полмира, преспокойно сидел в своем шатре на походной скамье, пусть и укрытой расшитым золотом покрывалом, рассматривая карту. Узнав, кто прибыл к нему с докладом, приказал немедленно пропустить.

– Рад видеть тебя живым и невредимым, Чайка, – шагнул тиран навстречу своему верному помощнику, даже обняв его, – давно я тебя поджидаю. Уже думал, придется начинать это сражение без тебя.

Ганнибал был в своей черной с золотой кирасе, в которой Чайка видел его не раз. У тирана были, конечно, и другие, не менее богатые доспехи, но эту кирасу он особенно любил: не единожды она спасала ему жизнь и носила на себе много памятных отметин от клинков и даже осколков ядер. То, что в этот раз Ганнибал опять надел ее, говорило о многом. Битва предстояла важная.

– Атарбал сообщил тебе последние новости? – поднял бровь Великий Карфагенянин,

указав гостям на свободные скамьи у стола, щедро уставленного яствами, хотя тиран был в шатре в полном одиночестве.

– Он сказал, что грядет великая битва, – подтвердил Федор, присаживаясь, и пристраивая поудобнее ножны фалькаты, – и что мы начнем ее, не дожидаясь подхода союзников.

– Скифская конница пришлась бы нам очень кстати, – проговорил Ганнибал, скользнув взглядом по бородатому лицу спутника Федора, и его доспехам, выдававшим в нем скифа, – у Антиоха конницы больше. Но, нельзя упускать момент. Разведка сообщила мне, что к нему тоже движутся подкрепления из глубинных районов империи. Из сирийской Антиохи, а также из Каппадокии, идут два больших отряда пехоты и конницы. Они будут здесь раньше, чем мои союзники. И, если они соединятся с войском Антиоха, то выиграть битву станет вдвое сложнее. Поэтому ждать нельзя.

Ганнибал взглядом разрешил уставшим с дороги путникам угощаться и те с радостью наполнили кратеры вином. Сам же он сделал вид, что сыт, не притронувшись к закускам.

– Антиох надеется, что мы будем тянуть до подхода своих союзников, но на рассвете мы начнем переправу, – произнес он.

– Я видел с перевала мосты, что строят у лагеря, – поддержал разговор Чайка, закинув в рот несколько засахаренных кусочков дыни, – переправа начнется прямо здесь?

– Конечно, нет, – усмехнулся Ганнибал, – здешний брод еще можно использовать для конницы, но для пехоты он не подойдет. Да и слонов нельзя переправлять под самым носом у врага, который может перебить много животных во время переправы.

– Я слышал, что у Антиоха слонов вдвое больше? – заметил вскользь Чайка, допив вино.

– Это так, – не стал темнить Ганнибал, – поэтому каждый слон мне в этой битве дороже обычного. Они будут переправляться гораздо выше по течению, там нумидийцы разведали хороший брод и большое поле, примыкающее к вражескому берегу. Там удобнее выходить на сушу и сразу атаковать. Там мы и начнем.

– А что делать мне? – осторожно осведомился Федор.

– Я видел выучку твоих слонов, – начал издали Ганнибал, слегка прищурившись, – она великолепна. Мазик достоин награды. Да и вся твоя армия хорошо обучена, не зря же она захватила мне Спарту.

Ганнибал сделал паузу и закончил сообщение.

– В этом сражении ты будешь командовать своей армией, которую я пополнил свежими силами. Она пойдет в авангарде наступления и, если противник встретит нас во всеоружии на другом берегу, будет располагаться на правом фланге моих войск. Рядом с испанской конницей.

Он посмотрел прямо в глаза Федору и добавил, понизив голос.

– Я рассчитываю на нее, Чайка.

Глава шестнадцатая

«Антиох Третий»

Ганнибал задумал сразу две ложные переправы, для того чтобы отвлечь внимание Антиоха от главной. Той, где переправлялась ударная армия Федора Чайки. С рассветом по только что построенным мосткам на другой берег отправилась легкая пехота. Но ее, конечно, уже ждали конные разъезды греков и огромная фаланга, выстроившаяся напротив переправы на вершине холма. Фалангиты перекрывали главную дорогу к городу, что шла вдоль реки. Чуть выше по течению переправились нумидийцы и присоединились к пехотинцам, которых контратаковавшие греки вскоре почти сбросили обратно в воду. Нумидийская конница атаковала греческую, но в открытом бою этот удар не имел большой силы. Греки были вооружены тяжелее. Зато нумидийцы передвигались быстрее и даже смогли побеспокоить фалангу своими маневрами. Они несколько раз пронесли мимо строя пеших греков, осыпая

их градом стрел и дротиков, издавая вопли и крики. Одному из отрядов даже удалось напугать слонов, стоявших в центре строя, заставив погонщиков поволноваться. Два слона попытались развернуться и напасть на своих, но их быстро утихомирили.

– Это даже лучше, чем я рассчитывал, – произнес Ганнибал, наблюдавший из лагеря за отвлекающим маневром, – Антиох не глуп. Чтобы он поверил в наступление, придется рискнуть африканцами.

Он подозвал к себе командира пехотинцев и приказал.

– Пока греки окончательно не отбросили нумидийцев и легкую пехоту, ты возьмешь три хилиархии и ударишь по фаланге. Будешь терзать их до моего подхода, а если дело обернется плохо, то отойдешь в лагерь, подняв мосты. Когда мы ударим, ты вновь присоединишься к наступлению.

Командир пехотинцев, на котором теперь держался весь отвлекающий маневр и лагерь, кивнул. А Ганнибал бросил взгляд вдаль, где у подножия гор петляла еще одна дорога, ведущая прямо в Селевкию. Именно по ней, прорвав заслоны, можно было пробиться к воротам города, обойдя главные силы, выстроенные на берегу, и окружить их. «Все это случится, если Антиох поверит в удар из лагеря, – забираясь на коня, подумал Ганибалл, принеший накануне большие жертвы богам во имя победы, – однако, нельзя медлить. Нам пора».

С небольшим отрядом воинов, чтобы не привлекать внимания у наблюдателей, он покинул лагерь.

Когда настал назначенный час, Федор махнул рукой и боевые слоны вступили в воду. Вся его армия за ночь была сосредоточена на правом берегу реки и укрыта в ложине между скал. Он прибыл сюда незадолго до рассвета, но не переходил водную преграду ночью, хотя знал брод прекрасно. Все должно было случиться в свое время. И враг, разьезды которого накануне заметили на противоположном берегу разведчики, не должен был ожидать появления больших сил карфагенян. А когда их обнаружат, будет уже слишком поздно.

План должен был сработать. И все же с утра что-то беспокоило Чайку, ведь Антиох Третий не был плохим военачальником и неплохо знал принадлежавшие ему земли. Поэтому, когда армия Федора беспрепятственно поправилась на другой берег, он слегка удивился, списав это на прозорливость Ганнибала, который сам должен был прибыть вскоре к месту главных событий. Однако по мере продвижения вглубь вражеской территории, его опасения подтвердились. Когда армия Чайки почти миновала каменистое плато и оказалась у подножия гор, Федор заметил большой отряд, вернее армию, разворачивавшую строй. Судя по облаку не осевшей пыли, они только что прибыли и перегородили ущелье, по которому шла дорога. На первый взгляд здесь было тысяч пять пехотинцев и крупный отряд всадников, в котором насчитывалось, однако, не больше пятисот копий. Слонов не было. По сравнению с общими силами соперников это был самый натуральный заградотряд.

– Спешили, чтобы помешать нам переправиться, но не успели, – констатировал Федор, придержав коня, – значит, нас все же заметили, Антиох разгадал хитрость, но слишком поздно. Впрочем, я и не рассчитывал на теплый прием.

– Будем атаковать? – предположил Кумах, сидевший рядом в седле, – или подождем Ганнибала?

– Атаковать, – без колебаний решил Федор, – Ганнибал доверил мне это дело, и я не подведу его. Пусть он прибудет уже к нашей первой победе.

Армию Чайки сопровождал обсадный обоз с артиллерией, который находился в хвосте колонны, но Федор решил не использовать полевые баллисты и катапульты, а обойтись без них, одними пехотинцами. Африканцы были его главной ударной силой, не считая слонов.

Захватив переправу, Федор уже обеспечил беспрепятственное продвижение основных сил Ганнибала в виде испанской конницы, африканской и кельтской пехоты, а также слонов, спрятанных той же ночью в глубоких ущельях на полпути между лагерем и переправой. Они должны были прибыть сразу же, получив известие об удачном начале атаки, и они его уже

получили, – Чайка отправил гонца с посланием, едва закрепившись на вражеском берегу. Однако, Федор рассчитывал справиться собственными силами. Его армия превосходил заградотряд Антиоха в несколько раз. Конечно, они успели блокировать ущелье, перегородив его строем гоплитов, но Чайка собирался выбить их оттуда одним мощным ударом, как пробку из бутылки. Ущелье к тому же было довольно широким для действий конницы.

– Всех слонов вперед, – приказал Федор, прикинув возможность прорыва, – за ней пустить в бой сразу четыре хилиархии африканцев. Время дорого. Коннице ждать сигнала.

У Федора была почти тысяча тяжеловооруженных всадников, но он решил пока побережь конницу для решающего сражения, растоптав пехотинцев врага слонами. Они для этого подходили больше всего. Да и никаких «противотанковых» заградительных линий и колючей проволоки Чайка здесь не увидел. К счастью для слонов место для боя было выбрано случайно.

Двадцать массивных животных, подгоняемые погонщиками, выстроились в несколько рядов по всей долине, отгороженной от берега и основной дороги грядой каменистых холмов, и устремились на врага. Несмотря на то, что передвигались они по каменистому плато довольно быстро, движения огромных животных казались почти плавными. Эти боевые машины плыли сквозь облако поднимаемой пыли, и очень скоро это облако достигло блестящих щитами передних шеренг Антиоха.

Со своего наблюдательного пункта, устроенного на невысоком холме, где он расположился в окружении Ларина, Кумаха, Бейды и нескольких ординарцев, было отлично видно, как облако пыли накрыло греческих гоппитов с головой и почти не видно, что же там теперь происходит, внутри этого облака, куда массивные животные врывались одно за другим. Десятки греческих копий чертили небо, пытаясь поразить погонщиков и слонов. Но, лишь звон оружия и отдаленные крики доносились до слуха Чайки, сквозь топот сотен ног африканских пехотинцев, маршировавших вслед за слонами. Мимо него, одна за другой, прошли три хилиархии, первая из которых уже обрушилась на вражеский строй.

– Ну, пошло дело, – заметил Леха, приложив ладонь ко лбу и оглянувшись на Федора.

– Пошло, – согласился Федор и в разрывах пыли разглядел, как многочисленные слоны бивнями крушат и разбрасывают в стороны солдат врага, – а сейчас еще быстрее пойдет. Вот пехотинцы Кумаха соберутся все вместе и тогда...

Однако противник, ошеломленный таким мощным наступлением, начал приходить в себя и попытался огрызаться. На левом фланге из-за пыли неожиданно показалась конница Антиоха и попыталась обойти пехоту, ударив ей в тыл. Первый молниеносный удар Федор прозевал, и от мечей катафрактариев успело погибнуть множество его солдат. Наступление там забуксовало, а вскоре греки действительно прорвались в тыл, и оказались вблизи наблюдательного пункта прежде, чем Чайка направил к месту прорыва своих всадников.

– Конницу в дело! – коротко бросил он командиру испанцев, указав на прорвавшихся катафрактариев, которые гарцевали на своих конях буквально в паре сотен метров, атакуя пехоту на марше, – отбросить противника с левого фланга.

А когда тот ускакал, вновь осмотрел поле боя, в эпицентре которого бушевала пылевая буря и, произнес:

– Некогда нам тут задерживаться. Нас Селевкия ждет.

Ответный удар конницы был стремительным. Испанцы атаковали рассеявшихся по полю битвы греков одной мощной колонной, опрокинули и, несмотря на ожесточенное сопротивление, истребили больше половины. А тех, кто выжил, погнали к своим позициям через левый фланг. Пройдя той же дорогой, какой сюда явились греки, преследуя отступавшего врага, испанцы проскочили вдоль гор, спрятавшись за пылевой бурей, и на плечах противника прорвались к нему в тыл.

– Эх, мне бы сюда хоть пару сотен скифов, – пожаловался Леха, с завистью глядя на атаку тяжелой испанской конницы, – я бы им помог разобраться с этими греками.

– Они итак уже разобрались, – посочувствовал Федор, глядя как клинки, шлемы с

плюмажами и кирасы испанцев сверкают уже позади полуразваленного строя гоплитов, – но, потерпи, брат, у Антиоха солдат много. Больше нашего. Хватит и на твою долю.

– Что же он сюда так мало прислал? – удивился Леха, с трудом отрывая взгляд от конного сражения и переводя его на друга.

– Просто не успел, – пожал плечами Федор, – похоже, отвлекающий маневр Ганибалла сделал свое дело, и все основные части сейчас стоят у города в ожидании атаки из лагеря.

– Но, этих-то сюда кто-то прислал, – резонно заметил Леха, вновь устремляя взор вперед.

– Это верно, – не стал отрицать Федор, неловко повернувшись в седле, отчего заныла его потревоженная рана, – но, этот кто-то нас слишком поздно заметил. Да и не знает еще, сколько здесь будет солдат на самом деле. Ведь видел он только нас.

Заинтригованный Ларин, не знавший о последних указаниях тирана, опять повернулся к Федору в надежде на продолжение.

– Скоро здесь будет Ганнибал с новыми силами, и тогда мы встряхнем этого Антиоха как следует, – охотно пояснил ему друг, слегка поморщившись от боли в боку, вскоре отступившей. – Но, для начала нам нужно расчистить дорогу и действовать очень быстро. Если Антиох успеет перестроить свою оборону и перекрыть вторую дорогу к городу, то наше наступление может забуксовать. А этого не должно произойти. Весь расчет сделан на быстрый удар.

– Тогда эти греки свое дело сделали, – ответил Леха, – задержали нас.

– Они уже почти разбиты, – не согласился с ним Федор, пристально вглядываясь в происходящее на поле битвы, – еще не много и путь на Селевкию будет свободен. А к быстрым марш-броскам нам не привыкать.

Сражение пехотных частей было уже в самом разгаре, слоны разметали в клочья весь центр обороны гоплитов и, проделав колоссальные бреши во флангах, продолжали уничтожать пехоту врага. Грекам удалось убить двух животных, туши которых были видны посреди массы сражавшихся солдат. Пехотинцы Кумаха, не смотря на ожесточенное сопротивление греков, вошли в прорыв, рассекая строй фаланги, и вскоре оборона греков начала трещать по швам. Прорыв испанцев довершил разгром. В тылу противника теперь хозяйничала конница Чайки, нанося разящие удары и подминая под себя последние островки обороны гоплитов.

Первыми в сторону Селевкии устремились остатки конницы греков. Следом за ними побежали разрозненные отряды пехотинцев из разбитой фаланги, которых преследовали испанцы и добились всех, не дав им добраться до ближайшего перевала. Несмотря на это в долине еще оставалось несколько отрядов, выстроившихся в каре и отбивавших атаки со всех сторон. На предложения сдаться они отвечали отказом.

– Они что думают дожидаться помощи? – вслух подумал Федор, проезжая мимо в сторону перевала, на котором уже хозяйничали его солдаты.

– Нескольким всадникам удалось уйти, – заметил на это Леха, – может, они приведут помощь.

– Это уже неважно, – как-то отстраненно ответил Федор, обернувшись назад, – Ганнибал прибыл. А, значит, наступление будет еще более стремительным, чем я ожидал. Но, на всякий случай мы поставим несколько баллист на перевале.

Обернувшись назад, подобно другу, Леха заметил огромную колонну пехоты, которая появилась со стороны реки и шла, блестя на солнце наконечниками копий. Справа и слева от нее перемещалась масса конницы, там были как испанцы, так и нумидийцы. А чуть позади, где стена пыли закрыла ущелье, – шествовало целое стадо боевых слонов.

Марш к Селевкии действительно оказался быстрым, но главная ударная сила, – слоны, – все же не могли передвигаться так, как кони. Поэтому Чайка получил приказ занять подступы к городу с конницей и пехотой, и атаковать порядки противника сходу, не дав быстро сменить позицию. А слоны и остальная армия тем временем должны были подтянуться.

– Выступай вперед, – приказал Ганнибал, – первый удар мы нанесли своевременно, теперь надо закрепить успех и не дать Антиоху опомниться даже если он уже и разгадал наш маневр.

Когда Чайка прибыл к стенам города, на берегу все еще кипел бой, – пехотинцы из лагеря предпринимали одну атаку за другой, а нумидийцы накатывались волнами и тут же отступали. Но, атаки были слабыми, и Антиоха это уже не вводило в заблуждение. Беглецы, похоже, побывали здесь с известием о наступлении второй армии. Поэтому, когда Чайка выехал на дальний конец плоскогорья, на котором стояла Селевкия, то заметил перегруппировку войск Антиоха. Колонны пехоты и даже слоны уже потянулись ко второй дороге, чтобы усилить стоявшие там кордоны. До появления опасности эту дорогу прикрывало по данным разведки не больше двух тысяч пехотинцев. Теперь же туда устремилась почти вся армия Антиоха, выстроенная до того на берегу. Впрочем, она должна была вновь стать грозной силой только после того, как закончит все перестроения на новой позиции, а пока представляла собой неплохую, хоть и трудную, мишень.

– Скачи назад, пусть как можно быстрее подтащат сюда баллисты! – приказал Федор, обернувшись к одному из ординарцев.

Он жестом подозвал к себе командира испанцев. А когда всадник в блестящем шлеме с белым плюмажем появился перед ним, сдержав породистого скакуна, приказал.

– Бери всех людей и атакуй пехоту на марше. Если вмешается конница, то и ее. Выбора у нас нет, нужно как можно дольше задержать перемещения противника.

Почти тоже самое он приказал командиру нумидийцев, нацелив их только на пехоту. Испанских всадников у Федора было чуть меньше тысячи и четыре сотни нумидийцев.

– А вы пока останетесь здесь, – приказал он кельтским всадникам, – пехота мне тоже понадобится, до подхода основных сил.

Легковооруженные кельты везли по два человека на лошади. После того как «пассажиры» спешили у Федора оказалось еще триста всадников и триста пехотинцев. Вскоре должны были прибыть его главные пехотные силы, которые под руководством Кумаха почти бегом преодолевали расстояние от перевала до города, составлявшее километров десять. А также и артиллеристы.

Облюбовав себе небольшую скалу, возвышавшуюся над дорогой, Федор расставил вокруг нее кельтов, преградив путь врагу на случай неожиданного прорыва, спешил и стал наблюдать за атакой испанцев. Удар испанских всадников оказался мощным и был нанесен в самое нужное время. Опоздай Федор хотя бы на час и греки смогли бы достичь дороги и закончить свои перестроения. Но, они не успели.

Испанцы пересекли холмистое пространство у дороги и выскочили на поле, атаковав длинный строй гоплитов, маршировавших от реки в сторону гор. Столь быстрое появление противника ошеломило греков. Антиох, судя по всему, знал о том, что воины Ганибалла переправились у самого дальнего брода и разбили его передовой отряд, но не предполагал, что они появятся здесь так быстро.

Конница Чайки обрушилась на гоплитов, едва успевших развернуться и сомкнуть строй. Они наступали двумя отрядами. В одном было пятьсот человек, и он нанес удар в самый центр колонны, рассекая ее надвое. Второй отряд испанцев, меньше числом, нанес удар в голову колонны, чтобы остановить продвижение греков, преградив путь всей армии, и отсечь от нее тех, кто уже был на дороге. Нумидийцам же достались хвост колонны пехотинцев и слоны, перемещавшиеся позади строя.

Атакованная в трех местах колонна противника остановилась и развернулась, заняв оборону. И, несмотря на то, что общая численность противника превосходила атаковавший их отряд в несколько раз, первая победа была одержана.

– Они остановились! – едва не вскричал от восторга Федор, заметив, как отреагировали греки на внезапное нападение, – остановились, не дойдя до места!

– Их больше, – спокойно заметил Леха, – но за нами преимущество внезапности. Мы атаковали их на марше и если продержат их на этом невыгодном месте до подхода

основных сил... то, все может получиться.

Первый отряд испанцев, атаковавших колонну, с боем пробился сквозь строй и, окружив пехоту начал ее истребление. Это давалось нелегко, на сей раз, греки бились еще лучше. Сомкнув щиты, они отбили одну за другой три атаки, но конница продолжала насаждать, до тех пор, пока со стоны городских ворот не появились греческие катафрактари. Их было человек восемьсот, но к тому моменту как они появились на поле битвы, часть авангарда греческой пехоты была уже уничтожена.

После их появления головному отряду испанцев пришлось ослабить нажим на пехоту и переключиться на конное сражение с воинами Антиоха Третьего. Две лавины тяжеловооруженных воинов сшиблись с лязгом и грохотом щитов. Но продвижение пехоты было остановлено. Второй отряд испанцев рубился с греками в самой середине их помятых и разрозненных порядков, но гоплиты все быстрее приходили в себя. Они забрасывали всадников дротиками и вскоре сумели выжать половину из них обратно в поле, заполнив прорыв своими телами и разделив конный отряд надвое. Те, кто сражался в глубине позиций, оказались в окружении и вскоре были уничтожены соединением подоспевших из города катафрактариев.

– Черт поberi, – выругался Федор, – если так дальше пойдет, то я долго не продержусь. И все-таки они молодцы.

– Конечно, – подтвердил Леха, знавший толк в конных сражениях, – пехота Антиоха стоит на месте, да и всадники несут большие потери. А бой идет не там где им нужно.

– Это верно, – не стал спорить Федор, оглядываясь на горы, – и все же время работает против нас. Если сейчас не подойдут мои подкрепления и армия Ганнибала, то мы можем не успеть. У Антиоха просто больше сил.

Словно в ответ на его слова греки, совместными усилиями пехоты и конницы окончательно истребили второй отряд испанцев и попытались вновь двинуться веред, где на их пути еще находилась цепочка из воинов-испанцев, бившихся на два фронта.

Однако, в этот момент неожиданно «сработали» нумидийцы. До сих пор их атаки на хвост колонны были не особенно успешны, но все-таки они тоже тормозили продвижение врага, вынужденного защищаться, вместо того чтобы идти вперед. Боле того, прибившись благодаря своей скорости между двумя отрядами греков, они атаковали стадо слонов и поразили нескольких животных своими дротиками. Черные тела и белые туники нумидийцев, мелькавшие между слонами, были отлично видны Федору даже с его отдаленного наблюдательного пункта.

– Ты смотри, что творят! – с восхищением воскликнул он, – так они заставят и слонов впасть в бешенство.

И действительно, один подраненный слон вдруг развернулся и бросился напролом сквозь собственную пехоту, топча обезумевших от страха гоплитов. Вскоре и второй последовал за ним, ударив ближних к нему солдат исполинскими бивнями. Движение пехоты вновь остановилось. Вдоволь помахав бивнями и протоптав себе две широких просеки по людским телами, оба слона вырвались в поле и устремились к берегу реки.

– А жаль, – заметил на это Федор, – слишком быстро ушли.

Греки вновь возобновили движение, заставив испанский отряд, потерявший уже больше половины своих людей отходить в сторону дороги. Нумидийцы предприняли еще одно нападение на слонов, но были отбиты на подходе греческой конницей, выстроившейся вокруг слонов плотным кольцом. И хотя для греков это тоже было опасно, еще опаснее было позволить нумидийцам повторить свой успех.

– Два слона хорошо, – вздохнул Федор, – но их у Антиоха почти полторы сотни. Ладно, хоть пехоту потоптали. И то помощь.

В тот момент, когда командир испанцев явно стал подумывать об отступлении, – и Федор его за это не винил, тот сделал все, что смог, – из лагеря началась новая атака пехотинцев. Две хилиархии вновь показались на берегу и ударили в тыл возобновившей движение колонне.

– А командир лагеря свою задачу знает, – похвалил его Леха, – глядишь, и дотянем до подмоги.

Федор же обернулся назад и понял, что боги услышали его молитвы. По дороге пылила пехота Кумаха.

– Немедленно в бой! – приказал Федор, когда командир африканцев поравнялся с ним, – атаковать отряд греков на дороге, разбить его и отсечь от города!

Кумах кивнул и, не останавливаясь, провел солдат мимо наблюдательного пункта к Селевкии. Вскоре он достиг указанного Чайкой места и обрушил всю свою мощь на двухтысячное охранение, которое до сих пор не получило помощи. Впрочем, конные испанцы отступили к позициям баллистариев, не в силах больше сдерживать натиск греков. А к воинам Кумаха направилась основная колонна греческих гоплитов и слоны, изредка терзаемые нумидийцами, которые погибли еще не все и не оставляли попыток нанести урон противнику.

Кумах едва успел разбить отряд на дороге и занять ее, как на него обрушился удар греков. Однако, на этот раз им противостояло уже почти семь тысяч человек и победить их было не так просто. Но Федора больше всего беспокоили даже не гоплиты, а сотня слонов, медленно возобновивших движение вслед за колонной.

Он вновь обернулся на дорогу, по которой подходил его артиллерийский обоз, и увидел как за ним с небольшим отрывом, маршировали основные силы Ганнибала. Пехота, конница и, главное, масса боевых слонов.

– Представляю, что тут начнется, когда они подойдут, – предвосхитил его мысль Леха.

– Даже не представляешь, – усмехнулся Федор, – я давно воюю на местных югах, но сам еще, ни разу не видел, как бьются сотни слонов.

– Похоже, скоро увидишь, – успокоил его Леха и подмигнул, словно речь шла о веселом развлечении, а не о кровавой бойне, в которой уже погибло несколько тысяч человек, а должно было погибнуть еще больше. Бой за Селевкию обещал стать самым грандиозным сражением, в котором Федор пока успел принять участие. Даже захват Спарты уже начал стираться из памяти. А всему виной действительно были слоны.

– Выдвигайся вперед на пару стадий и установи все орудия в линию под углом к дороге, – приказал Федор подошедшему вскоре запыхавшемуся начальнику артиллерийского обоза, с лица которого пот тек в три ручья.

Тот остановился, чтобы отдышаться и не прерывал Чайку, который продолжал.

– У тебя две задачи: начать обстрел пехотинцев с фланга, – орудия оттуда уже достанут до греков, – и отбить возможные атаки противника.

– Понял, – кивнул головой смуглолицый Бейда, вытирая пот, – но если греки бросятся на меня, кто будет охранять орудия от конницы и гоплитов?

– Оставлю тебе пока вот этих, – Федор кивнул на пеших кельтов, – триста человек. Больше не могу. Конных возьму с собой, а скоро Ганнибал подойдет. Вот до его подхода ты и должен продержаться дорогу.

Бейда опять кивнул, на этот раз молча. А Федор взобрался в седло, натянув поводья.

– Ты куда это собрался, командир? – остановил его вопросом Леха.

– Моя армия вон там бьется с противником, – вскинув руку, пояснил Федор, устраиваясь в седле поудобнее, – свою задачу на первом этапе мы выполнили, Ганнибал на подходе. А где должен быть командир?

– Ясное дело где, – впереди, – ответил Ларин, ухмыльнувшись.

– Вот именно, – подтвердил Федор, поправляя ножны фалькаты и перекидывая за спину круглый щит, притороченный у седла. – Пора и мечом поработать, пока до слонов не дошло.

– Ну, тогда я с тобой, – заявил Леха, быстро вскакивая в седло, – где наша не пропадала, верно?

Отряд кельтов, обогнав артиллерийский обоз, быстро проскакал по дороге до места сражения и вскоре Федор и Ларин уже были в голове колонны, ставшей в одночасье левым

флангом, где сражался Кумах. Командир африканцев был уже ранен в плечо копьем и рядом с ним колдовал походный лекарь.

– Ну, как дела? – поинтересовался Федор, спешившись рядом.

Он держал в руке фалькату, прикрываясь щитом. От пролетающих в воздухе стрел и дротиков было тесно.

– Захватили и держим дорогу, – отрапортовал Кумах, из раненного плеча которого текла кровь. Лекарь пытался ее остановить, однако Кумах быстро терял силы.

– Мы отбили первый натиск гоплитов и две конные атаки, – пробормотал Кумах слабеющим голосом, – простоим, сколько нужно, если только... на нас не пустят слонов.

Он был бледен, но еще держался. «Надолго его не хватит, – решил Федор, – я прибыл вовремя».

– Ты ранен, Кумах, – сказал он, словно только что заметил это, – тебя отнесут в тыл. Ты хорошо повоевал, а дальше я справлюсь сам.

– Я еще могу держать клинок, – Кумах попытался встать, но Федор остановил его взглядом.

– Ты храбрый боец, но солдат у меня хватит, а хороших командиров не так много, – заявил он, – так что ты отправишься в тыл. Война только началась.

Кумах нехотя подчинился. А когда его уложили на сделанные из копий носилки, даже потерял сознание. Но, расстраиваться по этому поводу Федору было некогда. Когда с фланга заработали баллисты его осадного обоза, причесывая порядки гоплитов, греки просто озверели. Они бросились на линию обороны Чайки с таким остервенением, что Федору показалось, будто он главный враг Антиоха, а вовсе не Ганибалл или Филипп. На его небольшую армию, от которой осталось не больше пяти тысяч сейчас наступало не меньше двадцати. И неизвестно, сколько еще было в городе, из ворот которого показался еще один отряд конницы, направившийся к месту событий. К счастью орудия Бейды били вполне ощутимо, и гоплиты слегка выгнули свой строй, пытаясь обойти армию Чайки, чтобы отрезать ее от города, подступы к которому пока были открыты. Будь у Федора такой приказ он, мог бы даже атаковать ворота, но это было бессмысленно. Большая часть армии Антиоха Третьего, если не вся, находилась сейчас в поле и нужно было уничтожить именно ее.

Армия эта, расправившись с атакой из лагеря, и задержанная ударами Федора Чайки, была уже здесь. Ее командир, конечно, видел приближение главных сил Ганнибала, но удобная высокая позиция на холмистой дороге была все еще занята, и он вынужден был ждать, остановив свои войска в небольшой низине, которая лежала между Чайкой и городом. Часть гоплитов и катафрактарии не прекращали попыток сбросить Федора, но он стоял как скала, хотя силы его таили. За час количество бойцов армии Федора уменьшилось вдвое. Тем временем командир селевкидов понял, что если не отдать приказ построить фалангу немедленно, то солдаты Ганнибала атакуют его разрозненные части и совершенно точно выиграют бой. И он отдал такой приказ. Вскоре под холмом, неподалеку от Чайки, возникла новая фаланга огромных размеров. Передние ряды ее уже выстроились, выставив длинные копья, а задние еще продолжали перестроения. В ней было не меньше пятнадцати тысяч пехотинцев²¹.

– Черт, – выругался Леха, – они все же построились. Вернее почти. Еще немного и нам

²¹ Диадокхи были наследниками военных традиций Александра Македонского, а фаланга тяжелой пехоты македонской армии состояла из 16 384 человек. Она строилась в глубину по 16 шеренг, в каждой шеренге насчитывалось 1024 человека. Фронт фаланги равнялся почти километру. Она имела четкую структуру. Наименьшим строевым подразделением фаланги была синтагма, – это колонна в шестнадцать человек по фронту и шестнадцать человек в глубину. Шестнадцать синтагм составляли малую фалангу, четыре малые фаланги образовывали большую. Во главе каждого подразделения стоял командир.

В бою между подразделениями не допускалось никаких интервалов. Внутри фаланги воины стояли вплотную друг к другу, не имея даже возможности повернуться. Такая глубина и плотность построения фаланги делала ее малоподвижной. Фаланга не могла действовать на пересеченной местности. Она не имела ни поддержки, ни резерва, зато обладала огромной ударной силой.

будет трудновато их взять.

– Интересно, где сейчас сам Антиох? – подумал вслух Федор. Наблюдая за перестроениями противника, он находился позади первой линии обороны, вместе с резервом в пятьсот бойцов, и получал доклады от остальных командиров, – наверное, вон там, с конницей. А где, кстати, мои всадники?

Селевкидская конница группировалась слева от фаланги, позабыв про Федора, а вскоре прекратились и атаки гоплитов, которые стали отходить к новым позициям. В это же время Чайка заметил человек триста испанцев, – все, что осталось от его отряда, – которые, проскакав за позициями артиллеристов, устремились к нему на помощь. Рядом обретались триста конных кельтов в ожидании приказа вступить в бой.

– Надо атаковать, командир, – выдохнул Ларин, который успел помахать мечом перед самым затишьем, убив пятерых гоплитов.

Трупы греков и пехотинцев Чайки усеяли все вокруг, образовав настоящие стены из мертвецов.

– Надо, – Федор нервно кивнул и поправил шлем, – но, уже поздно. Позицию мы заняли удачную. И продержались долго, но... все равно не успели. Хотя Ганнибал с конницей уже здесь, а фаланга еще не до конца построилась...

Видя приближение по левому флангу мощного отряда конницы, которую вел наверняка сам Ганнибал, Федор приободрился. Скоро сам тиран будет здесь. Скоро. Но и воины Антиоха это знают. На счету каждая минута. И Чайка отлично понимал, что шанс у него невелик и эта атака будет почти безнадежной. Он знал также, что сделал все, что смог, перебил массу врагов, задержал, лишил нормальной позиции...и все же завершенную фалангу сбить с места будет трудно. Даже с неудачной позиции.

– А, впрочем, что тут думать, – решился он, вскинув фалькату, – атакуем фалангу.

Построив своих людей, Федор приказал испанской коннице прикрывать их справа, где еще находились разрозненные отряды греков, а кельтам выступить слева, и не стал ждать, пока приблизится Ганнибал. На мгновение его взгляд задержался на облаке пыли, которое возникло и приближалось к городу по центру плато, справа от наступавших конных масс. Но долг звал его вперед и он отвернулся, так и не поняв, что это такое.

– За мной, орлы! – крикнул Федор, натянув поводья. – За Карфаген!

И первым устремился вниз по склону, в сторону ошетилившегося длинными сариссами ежа фаланги. От его отряда осталось едва ли две тысячи человек и все они в едином порыве бежали вперед, потрясая фалькатами и щитами. Навстречу им взвились сотни стрел, справа и слева от Чайки падали убитые воины, но он скакал вперед, не замечая ничего кроме строя греков. А когда достиг, бросил своего коня прямо на выставленные копья. Одну сариссу он отвел в сторону щитом, другую мечом, но еще три копья поразили его коня в грудь и бока. К счастью, Федор остался невредим и свалился с лошади на землю. Воспользовавшись тем, что на такой короткой дистанции греки не могут размахивать копьями, он отвел фалькатой нависавшую над ним сариссу в сторону и обрушил свой удар на ближайшего пехотинца, достав его защищенную шлемом голову. Фальката соскользнула, и удар пришелся в шею. Кровь брызнула во все стороны. А Федор, вырвал щит из рук стоячего мертвеца и нанес удар соседнему в бок, но, даже убив двоих не продвинулся, ни на шаг, – между бойцами фаланги вообще не было интервалов. Они стояли так плотно, что на самом деле представляли собой живую стену.

– Да сколько же вас тут! – в ярости возопил Федор и вновь бросился в самую гущу греков, не имевших возможности размахивать мечами, и колол и рубил их в одиночку словно бессмертных, тут же оживавших и заполнявших брешь, до тех пор, пока рядом не оказался Леха и еще человек двадцать пехотинцев.

– Держись, брат! – крикнул ему Ларин, тоже быстро ставший пешим, размахивая мечом, – сейчас мы прорубим здесь просеку.

Рядом атаковали конные кельты. Несмотря на мясорубку, Федор увидел, как одетые в шкуры рослые воины размахивают двуручными мечами, сокрушая головы селевкидских

сариссофоров. Они также быстро лишились коней, как и Леха с Федором. Фалангиты свое дело знали. Но, последовавшая вслед за этим атака голых по пояс кельтов на ошетилившуюся копьями фалангу навсегда врезалась Чайке в память. Почти половина атакующих погибла, но остальные сумели прорубить себе дорогу мечами и топорами. Где то рядом бился Летис, которого Федор успел мельком увидеть среди живых на дороге перед атакой фаланги. Справа от Чайки ударила оставшаяся испанская конница, также потеряв едва ли не треть своих людей после первой же атаки. Но испанцам удалось пробить еще одну брешь в построениях армии Антиоха. И все же это был жест отчаяния, — атака едва ли трехтысячного отряда на пятнадцатитысячное войско, — и Федор это отлично понимал.

«Где же Ганнибал, — думал он, судорожно работая клинком, и глядя, как тают силы его армии, — если он сейчас не ударит, то нам конец. Но, это будет славная гибель за Карфаген».

В перерывах между ударами, которыми он щедро одаривал фалангитов, прорубая дорогу к стенам Селевкии, Чайка оборачивался назад и смотрел в поле, пытаясь понять, что там происходит. Наконец, он увидел, как лавиной приближается огромная масса конницы, во главе которой скакал человек в черной с золотом кирасе.

— Наконец-то, — выдохнул Федор, распарывая клинком очередной панцирь, — успели!

И вдруг он услышал за собой звук трубы, а затем задрожала земля, словно боги забили в свои барабаны. Вслед за этим Чайка с изумлением заметил, как боевые слоны Антиоха Третьего двинулись в атаку наперерез коннице Ганнибала. Не прошло и минуты как десятки огромных животных, затянутых в специальные панцири, заслонили от Федора картину сражения за спиной. Более того, он с ужасом уразумел, что удар этого «тяжелого корпуса» пришелся на оставшихся испанцев и аръегард пехотинцев его собственного отряда. Слоны Антиоха, прошли по тылам его и без того небольшой армии, раздавив сотни людей и коней.

— Круто дело обернулось, — ответил на его мысли Леха, отбивая удар гоплита, а затем поражая его своим клинком, — мы в окружении, брат, Федор.

Отразив щитом удар сариссы из задних рядов, Чайка рубанул стоявшего перед ним гоплита по плечу, заставив выронить оружие, а потом добил ударом по голове, едва не отрубив голову. Бросив короткий взгляд вперед, он заметил, что его оставшиеся солдаты почти пробились сквозь строй фалангитов, — здесь, на этом фланге греков было меньше всего. В момент атаки они еще не успели закончить построение. Удар слонов отрезал авангард Федора от своих. Чайка даже видел, что слоны Антиоха уже достигли позиций его баллистариев и растоптали их так быстро, словно вообще не заметили орудий, бивших по ним прямой наводкой. Положение было невеселое и все же у Чайки еще оставалось почти тысяча африканских пехотинцев, около сотни испанских воинов и почти столько же кельтов, в ярости вращавших своими топорами на левом фланге обреченного на провал наступления. И он решился на еще более отчаянный шаг.

— Назад пути нет, — сплюнул он, — надо пробиться вперед и выйти из низины на холм у городской стены, перекрыв дорогу и подход подкреплений к Антиоху из города. Там мы построимся, и будем стоять до тех пор, пока нас не перебьют или не придет помощь.

— Помирать так с музыкой, — весело кивнул Ларин, насаживая на острие клинка следующего фалангита, попытавшегося поразить его уже достаточно коротким копьем. Это говорило о том, что перед ними последние шеренги сариссофоров. Еще немного и они должны были оказаться на дороге в тылу противника. Если конечно сюда срочно не придут какие-нибудь подкрепления Антиоха.

Но, Ганнибал со своей армией был уже здесь и, похоже, его удар сделал свое дело, сковав все силы противника. Обойдя слонов, конница нанесла удар в самый центр строя фаланги селевкидов и его правый край. Плотность фалангитов там была гораздо большей, но и удар мощнее. Больше Федор пока не мог увидеть, поскольку спустился в низину и сейчас только выбирался из нее. Пробившись с потерями сквозь строй греков, он поднялся наверх и вновь перегородил дорогу на Селевкию, построив остатки своих войск в каре. После прорыва у него остались не больше восьмисот человек, из которых многие были ранены,

включая его самого, задетого в левую руку. Уцелело еще человек семьдесят испанцев и полсотни кельтов. Несмотря на колоссальные потери, это была еще вполне боеспособная единица, хотя назвать ее армией Федор уже не мог.

Греки, конечно, заметили прорыв, но отреагировали не сразу. И Федор, выстраивавший своих израненных солдат на холме вблизи стен Селевкии, вскоре понял почему. Конница Ганибалла нанесла такой мощный удар, что фаланга едва ли не была рассечена надвое, и Антиох боялся прорыва в самом центре своих построений. Этот возможный прорыв был гораздо опаснее прорыва отчаяния Федора, с горсткой солдат оказавшегося за спиной главных сил Селевкидов. Сейчас не он представлял главную опасность на поле боя. И это даже радовало Федора, давая ему время перевести дух и небольшой шанс уцелеть. Он свое дело сделал, и теперь Чайке оставалось только одно, но самое трудное, – выжить в этой мясорубке, которая только набирала обороты.

С холма открывался отличный вид на всю панораму сражения и то, что открылось Чайке, просто захватывало дух. В центре и на дальнем от него фланге, что был ближе к реке, атаковали силы Ганнибала: конница и пехотные массы, ударившие по вспомогательным войскам, прикрывавшим флангу. К ним также присоединились отряды из лагеря, вновь перешедшие реку по наплавному мосту. Этот удар чудовищной силы заставил центр и дальний фланг Антиоха прогнуться. Но на ближнем к Федору фланге, все обстояло иначе. Здесь в дело пошли тяжелые ударные силы армии Селевкидов, – слоны.

– Похоже, Антиох пустил в дело всех слонов, что у него были, – кисло заметил Федор себе под нос, разглядывая облако пыли, заслонившее полнеба.

Леха ему не ответил, он тоже не мог оторвать глаз от сражения на ближнем фланге, которое разворачивалось там, где буквально час назад стояла их армия. Растоптав аръегард Чайки и сметя позиции баллист, слоны Антиоха повстречали на своем пути слонов Ганнибала. И вот тут началось настоящее сражение. Битва слонов, которой Чайка действительно еще никогда не видел. Чайка знал, что все слоны, воевавшие в армии Карфагена родом из Африки, а те что «сражались за Антиоха» прибывали сюда из Индии, после того как Александр Македонский убедился в ударной силе этого животного, повстречавшись с ним в своих дальних походах на край земли.

Промелькнувшие в пылу атаки мимо Федора слоны Селевкидов имели более длинные передние ноги и тонкое тело, а также уши не слишком большого размера, тогда как африканские слоны, более привычные его глазу, обладали массивным тяжёлым телом, большой головой на короткой шее и толстыми ногами. Их уши были огромны, а хобот длинным и мускулистым. Вообще африканский слон, на первый взгляд, был больше и тяжелее, а значит, сильнее²². Но, в данном случае за «индийским легионом» Антиоха оставалось численное преимущество. Бивни у представителей обоих континентов были длинные и прочные, способные продырявить кого угодно. Глядя, как две эти армады схлестнулись на поле битвы, Федор возблагодарил богов, что не оказался у них на пути.

Со своего холма он видел, как с башенок на спинах боевых животных велась перестрелка между лучниками, стремившимися поразить погонщиков и самих слонов противника. А когда животные сближались и наносили друг другу удары бивнями, то это походило на битву титанов. Чайка видел, как индийские слоны Антиоха атаковали слонов Ганнибала бивнями, стараясь поразить их в бок и подцепить под брюхо. Африканские слоны

²² У африканского слона было массивное тело, большая голова на короткой шее, толстые конечности и длинный мускулистый хобот. Наиболее яркое отличие от азиатских слонов – уши. У африканцев они намного больше.

Слоны рода *Loxodonta*, известные как африканские слоны, в настоящее время обитают в 37 странах в Африке. В целом существует две главных разновидности слона, – африканский (род: *Loxodonta*) и азиатский (*Elephas maximus*). Африканских слонов насчитывается приблизительно 500 000, в то время как число Азиатских катастрофически уменьшается, их осталось меньше 30 000. Саванновый африканский слон – самый большой из всех слонов. Фактически, это – самое крупное животное на Земле, достигающее 4 м в высоту и весом приблизительно 7000 кг (7,7 тонн).

отвечали им тем же. Несколько раз Федор видел, как слоны вставали на дыбы, словно кони, и били друг друга копытами, пытаясь свалить противника. Многим это уже удалось. Несколько окровавленных туш лежало посреди поля, а атакующие группы боевых животных вклинивались все дальше в порядки противников с обеих сторон. Вскоре все окончательно перемешалось в этой яростной схватке, но план Антиоха был ясен, – его слоны пытались атаковать конницу Ганнибала, ударив с фланга. Но им помешали африканские слоны, специально пущенные в дело для отражения этой атаки. Битва шла серьезная, слоны рвали друг друга на части, но кто побеждает было пока не ясно.

Вскоре, однако, Федору пришлось отвлечься. Его атаковал отряд гоплитов, посланный из города специально для уничтожения прорвавшихся пехотинцев врага, по какой-то роковой случайности еще остававшихся в живых. Греков было почти полторы тысячи. Все пешие, поскольку конница Антиоха была брошена для отражения прорыва Ганнибала, который все сильнее теснил фалангу Селевкидов в самом центре. Ситуация же на дальнем фланге все больше начинала походить на победу. Африканские пехотинцы разбили вспомогательные войска Антиоха и захватили главную дорогу к Селевкии, что шла вдоль берега. Более того, отряд пехотинцев Ганнибала при поддержке оставшихся нумидийцев теперь обходил помятую фалангу, пробивался по тылам Антиоха к самым воротам города, на соединение с Чайкой.

– Обе дороги в наших руках! – просиял Федор, отбивая щитом удар греческого гоплита, – если продержимся еще немного, то можем выжить!

– Попробуем, – ответил на это Ларин, схватившийся рядом с другим греком, плясавшим вокруг него танец смерти, – нам бы день простоять. Береги руку, Федя!

Плечо у Чайки и в самом деле побаливало. Вражеский клинок рассек его наплечник и немного поранил мышцу. Кровь уже запеклась, но Чайка, то и дело беспокоил рану, поскольку приходилось ворочать щитом, преодолевая боль. Хвала богам, рука еще вполне сносно двигалась. Спустя полчаса непрерывной драки, греки были отброшены. Помогли остатки испанских всадников и кельты, отогнавшие их чуть ли не к самым воротам Селевкии. Но Федор, решивший, что вновь сможет немного передохнуть, был вынужден теперь отбивать атаку снизу, где его подпирали сильно помятые фалангиты. Эта битва за высоту стоила его отряду еще двух сотен человек.

– Если через полчаса помощь не подойдет, – подытожил свои наблюдения Ларин, легко раненный в ногу, – то нам хана, брат Федор.

Чайка, молча, сплюнул на раскаленные от солнца камни под ногами, опустил ненадолго измочаленный щит и осмотрелся. Наступавший от реки отряд африканцев был остановлен на подступах отрядом конницы Селевкидов, несмотря на напор Ганнибала переброшенной из центра в тыл на уничтожение неожиданной угрозы. Но этот маневр оказался роковой ошибкой. Антиох так испугался окружения, что ослабил центр. А Ганнибал, увидев это, утроил свои усилия. После неистового удара, его конница пробилась сквозь последние ряды фаланги, разломав ее строй на два неравных куска. Правая большая часть немедленно попала в окружение, которого так боялся Антиох, и подверглась методичному истреблению. Это было сделано испанской конницей и пешими солдатами Карфагена, охватившими ее со стороны берега.

Оставшаяся часть фаланги, – фронт которой был даже не тронут битвой, поскольку перед ней наступали слоны, – вдруг на глазах Федора рассыпалась на отдельные части, развернулась, и вся эта бесформенная масса начала пятиться назад. То есть, вверх по холму, туда, где стоял Федор со своими изможденными пехотинцами. Их было уже не больше пятисот, а несколько десятков бойцов кельтско-испанской конницы можно было почти не бить в расчет. Последние ряды фалангитов развернулись и теперь отступали по направлению к городу, но для Чайки это означало новое наступление. Последнее, которого он мог и не пережить. Федор понимал, что Антиох уже проиграл битву. Хотя у него еще оставалось много войск в поле, но все они были уже разрозненными отрядами. Главную силу Ганнибал сумел рассечь и разбить на части. Полный разгром фаланги Антиоха оставался лишь делом

времени и его индийские слоны, завязшие в битве с африканскими, этому никак не смогли помешать. Как не смогли вовремя остановить главную атаку конницы.

Однако, битва еще не кончилась и положение у Федора было просто аховое. Он был зажат между горами и стенами города. Отступить ему было просто некуда, разве что к городским воротам, из которых показался еще один отряд селевкидский концы, поскакавший в центр прорыва. Именно там кружилась конница Ганибалла, развивая наступление.

– Поднять щиты, – скомандовал Чайка, решивший умереть вместе со своей героической армией, но не обращаться в бегство.

Глухой лязг был ему ответом. Пять сотен пехотинцев сомкнули строй, приготовившись принять на себя удар почти семи тысяч человек. И этот удар не заставил себя ждать. Словно морская волна солдаты Антиоха накатились на бойцов Федора, охватили с правого и левого фланга, и направились дальше, буквально сдвинув их со своего места и утащив за собой. Нет, финикийцы бились как львы, и гоплиты падали замертво целыми десятками, но сзади их подпирало такое количество греков, которое было не остановить несколькими сотням пусть и отчаянных бойцов. Отбиваясь от града ударов копейщиков, наступавших беспорядочной толпой, Федор вдруг понял, что это не атака, а самое настоящее отступление разбитой армии. Просто ему посчастливилось оказаться на его пути, вот и все. И греки так жаждут прорваться к спасительным стенам Селевкии, что просто унесут его и всех бойцов с собой даже по частям, если понадобится. Или разрубят и растопчут. Но, он был против, хотя и вынужден был отступать под напором превосходящего противника.

– Неизвестно, кем лучше быть раздавленными, – крикнул он, бившемуся рядом Лехе, – вот этими или слонами.

– Один черт, – весело крикнул Ларин, засаживая под ребро неосторожно раскрывшемуся бородатому гоплиту свой зазубренный затупившийся от непрерывной сечи клинок, – хотя со слоном так весело не поговорить.

Спустя двадцать минут такого боя, Федор вдруг заметил, что над ним нависают стены, а сверху посыпались стрелы. Быстро подняв голову, он увидел, что остатки его отряда бьются у самого рва Селевкии, наполненного водой из реки. А местные лучники уже упражняются в меткости, пытаясь поразить карфагенян со стен, благо расстояние теперь позволяло. Часть греков, столкнув отряд Чайки с дороги, устремилось к воротам, но, к своему удивлению обнаружило там конницу Ганибалла, перекрывающую им путь к отступлению. Драка завязалась у самых ворот, что были еще открыты и выпускали подкрепления, пытаясь спасти безнадежную битву.

Пехотные подразделения пришли на помощь обеим сторонам и бой у ворот закипел с новой силой. Антиох не желал признать поражение, а, возможно, еще на что-то надеялся. Тем временем Чайку оттеснили уже к самой воде. Потеряв щит, он из последних сил рубился на мечах с греком, желавшим утопить его труп. Пропустив удар в голову, от которого зазвенело в ушах, Чайка покачнулся, но успел избежать нового удара, разрубившего воздух в двух сантиметрах от плеча. Перехватив руку противника с мечом, Федор двинул ему в зубы рукоятью фалькаты, вложив в этот удар всю ненависть к грекам. И гоплит упал в воду уже со свернутой челюстью.

– Вот так-то, – назидательно заметил Федор, едва успев зацепиться за край земляного бруствера, – знай наших.

Над головой тотчас просвистело несколько стрел, одна из которых впилась Федору сзади в плечо, швырнув его на землю. Взыв от боли, Чайка поспешил отползти обратно на несколько метров от края, хотя бежать дальше было некуда. Повсюду пестрели панцири гоплитов Антиоха. Сознание от нового ранения помутилось. И в этот момент он увидел, как вдоль рва несется отряд испанской конницы. Его вел командир в черных доспехах, щедро раздавая удары мечом направо и налево. Греки бросились в рассыпную, позабыв о Чайке и его немногих выживших бойцах. А конница устремилась в погоню, рассеивая и добивая противника.

– Вовремя вы, ребята, – ухмыльнулся Федор, падая без сил на колени и зажимая рукой

окровавленное плечо, – вовремя.

В этот момент все поплыло у него перед глазами, и Чайка уткнулся лицом в теплую землю.

Глава семнадцатая «Родина предков»

На сей раз, он оклемался гораздо быстрее, хотя все равно пришлось провалиться без малого месяц. Лекари пользовали Федора не в походном лагере, а в самой Селевкии, которая пала, захваченная врасплох солдатами Ганнибала, ворвавшимися туда на плечах неприятеля. Об этом Чайка узнал от самого Ганнибала, явившегося провести его в один из первых дней, когда к Федору вернулось сознание.

– Если бы не ты, Чайка, – похвалил его тиран, возвышавшийся над его постелью словно статуя командора, – то мы не смогли бы выиграть эту битву. Твоя награда ждет тебя. Ты знаешь, я умею быть благодарным.

Федор, лежавший на постели у окна в одном из богато отделанных каменных зданий, выстроенных по греческому образцу, слабо улыбнулся.

– Я лишь немного задержал их, – пробормотал он, и добавил, вздохнув, – зато моя армия уничтожена.

– Получишь новую, – не моргнув глазом заявил тиран, но все же слегка нахмурился, вспоминая сколько бойцов полегло в этой грандиозной битве, – кроме того Кумах жив, лежит в соседнем доме. Так что, кем командовать пехотинцами у тебя есть. А артиллерийский обоз и...нового начальника мы тебе дадим. У меня хватает толковых командиров.

Федор, молча, кивнул. Он уже знал, что Бейда погиб, раздавленный селевкидским слоном. Зато Исмек выжил в этом столпотворении, хотя большинство его погонщиков и самих животных были убиты в жестоком сражении. Также Чайка не мог получить никаких сведений относительно Летиса, который сражался на острие атаки и пропал без вести. Среди мертвых, усеявших плато, его не нашли. Федор молил богов, чтобы его друг вернулся в мир живых.

– На побережье выгружаются слоны из Карфагена, а в этом бою мы захватили немало индийских, так что у твоего Исмека будет много работы, – добавил Ганнибал.

Подойдя к узкому окну, больше напоминавшему бойницу, Великий Карфагенин задумался, глядя куда-то вдаль, на горные цепи. Чайка не спешил прерывать его царское молчание. Он вообще больше никуда не спешил. Второе ранение подряд немного охладило его пыл, а он уже по опыту знал, что торопиться некуда. Сначала придется выздороветь. Ведь за один день эта война не закончиться. И хотя Ганнибал ему не успел пока рассказать, куда дальше направятся войска, и собирается ли он идти по пути Александра Македонского до самой Индии, Федор понимал, что это будет долгая кампания. Индия, не Индия, но в Финикию они уж точно вторгнутся, а там придется биться за каждый город, ведь Финикия примыкала к Сирии, главной вотчине Антиоха Третьего, если не считать Вавилона и всех остальных земель, что лежали за ним.

Хотя, узнав о приближении своего великого соплеменника, финикийцы вполне могли поднять восстания. Большинство финикийских городов строились как военные базы на островах и могли долго держать осаду. На Кипре уже стоял флот Ганнибала и о его приближении по суше финикийцы не могли не знать. Во всяком случае, волнения могли начаться в тех городах, что лежали во владениях Антиоха. Арвад, Библ и Сидон, имели шанс получить свободу от греков быстрее, чем Тир. Но именно в этом и была главная, по мнению Федора, проблема, о которой Ганнибал пока с ним не говорил. Тир, – прародина Карфагена, – был сейчас во власти египтян. Вернее, тех же греков из династии Птолемеев, управлявших Египтом после покорения этой богатой страны Александром Македонским. Но, «других греков», с которыми у Ганнибала войны пока не было. И хотя Атарбал как-то

обмолвился Федору, что воины Гасдрубала движутся вдоль побережья к Египту, но рискнет ли его великий брат начать войну с Египтом, Чайка не знал. И никто не знал, что на уме у этого человека, которому принадлежало уже полмира. Впрочем, Федор служил у Ганнибала не первый год и был уверен, что армии Карфагена, македонцев и скифов, не остановятся на границе с Египтом и Тир будет освобожден. Наверняка, понимали это и Птолемеи.

Долго молчавший Ганибалл, неожиданно развернулся и направился к выходу.

– Поправляйся, – наказал он, уже развернувшись в дверях, чтобы уходить, – завтра я покидаю город. Селевкиды потерпели поражение и отступают вглубь своих территорий. Две армии, опоздавшие к битве у Селевкии, стерегут меня на главных направлениях нашего наступления. Одна готовит мне встречу у ворот Антиохии, по пути в Финикию. А другая армия перекрывает путь на Вавилон. Сам царь пока неподалеку. И я должен присматривать за ним, пока Антиох не сбежал в Сирию или Вавилон.

– А где сейчас скифы и македонцы? – уточнил Федор, задержав тирана в дверях.

Кое-какая информация у него была, но хотелось услышать последние новости из уст самого тирана, заварившего всю эту кашу.

– Македонцы немного задержались, а скифы уже здесь, – коротко сообщил Ганнибал, – стоят лагерем под Селевкийей. Но, о них тебе лучше расскажет твой друг, который недавно виделся с царем. А ты, как придешь в себя, должен отыскать меня, где бы я ни находился. Вместе со своей новой армией, которая пополняется прямо сейчас.

– Может быть, мне вернуться на побережье? – приподнявшись на локтях, задал наводящий вопрос Федор, которого опять тянуло в море.

Ганнибал отрицательно повел головой, надел шлем, который держал в руках, и добавил напоследок.

– Море меня не беспокоит. На суше, сегодня у нас больше дел.

На следующий день к Федору явился Леха, также получивший в бою ранение в руку, но отделавшийся почти царапиной, по сравнению с Чайкой. Он уже давно выздоровел и находился в седле, в прямом и переносном смысле. Явившийся скифский военачальник просто сиял от удовольствия. Как выяснилось, он также получил от Ганнибала в награду коня и целый воз с золотом (Федор получил три) из захваченных в городе запасов, которым поспешил поделиться с Иллуром. Но Иллур, вскоре вставший лагерем со своим войском под стенами Селевкии, отказался от такого «царского подарка», подтвердив, что Леха заслужил это золото, а ему жаловаться на добычу боги не позволяли. За время похода от Геллеспонта до Селевкии, сам Иллур уже захватил огромное количество военных трофеев, часть из которых сейчас везли на возах и кораблях в Малую Скифию, – подальше от места боевых действий. А царь намеревался двигаться дальше вместе с Ганнибалом и надеялся на еще большую поживу.

Так что Леха, вновь повстречавший своего царя, находился теперь по большей части в лагере кочевого воинства, по которому порядком соскучился. Однако, когда Ганнибал ушел из Селевкии вслед за отступавшим Антиохом, Иллур отправился следом с большей частью своего воинства, но кровного брата определил командовать оставшимися в лагере кочевниками. Так что Ларин вновь стал командиром конной армии.

Как ни надеялся на быстрое выздоровление, поправлялся Федор довольно медленно, и прошло много времени, прежде чем он смог сесть в седло, подобно своему другу. А события, между тем, продолжали развиваться.

После битвы у Селевкии на покорение земель, лежавших уже за спиной у наступающей армии Ганибалла, ушло несколько месяцев. Неожиданно пришлось отвлечься на подавление восстаний среди греческих колоний на побережье Малой Азии. Поэтому Филипп, едва покоривший Пергам, и прибывший в Селевкию, был вновь вынужден вернуться на побережье, едва узнал, что Эфес, Милет, Галикарнас и другие греческие колонии опять взялись за оружие. Пожар восстания запылал с новой силой, когда пришла весть о победах Ганнибала над Антиохом. Греки, столь упорно и долго сопротивлявшиеся персам и всем другими завоевателям, теперь не хотели покоряться Филиппу и Ганнибалу до тех пор, пока

не были почти полностью истреблены. Филипп неистовствовал, предавая казни мятежных греков сотнями. Его македонцы, после продолжительных боев с гарнизонами уже, казалось, покоренных крепостей Малой Азии, предали огню почти все завоеванные города. Побережье от Геллеспонта до Галикарнаса превратилось сначала в один сплошной костер, а затем в медленно остывающее пепелище. Иллур по приказу Ганнибала тоже выделил часть своих летучих отрядов, чтобы перекрыть все пути к отступлению или бегству мятежникам. С моря всю эту карательную операцию обеспечивал объединенный флот Карфагена, Македонии и Сиракуз. Только после таких суровых мер, греческие города окончательно капитулировали, а их население было продано в рабство.

И, только после этого, обезопасив себе тыловые коммуникации, Ганнибал вновь смог продолжить наступление на владения Антиоха Третьего. Селевкидский царь также не терял времени зря, подтянув из глубин своей империи остатки сил. Но тут случилось то, чего и ожидал Федор. Видя, что их царь ослаблен поражениями и потерял уже половину империи, его недовольные подданные стали поднимать восстания. Они начали происходить в разных регионах, одно за другим, и процесс этот нарастал как снежный ком с приближением войск Ганибалла.

Сначала на краю империи, затем ближе, в Арбелах и Насибисе, взбунтовались гарнизоны наемников, давно не получавшие жалования. Затем это случилось в Борсиппе, расположенной буквально в двух шагах от Вавилона, где также восстали наемники, вожди которых требовали сместить Антиоха, проигравшего, по их мнению, войну. Следом мощное восстание вспыхнуло в близкой к линии фронта Эдессе.

Пока объединенные войска Ганнибала подавляли восстания у себя в тылу, не двигаясь с места, Антиох, вынужденный ослабить мощный заслон на пути Ганибалла, взяв с собой часть верной армии, метался из одного конца империи в другой. Стремясь использовать неожиданную передышку, подаренную ему малоазийскими греками, он жестоко подавлял восстания сам или отправлял на их подавление своих подданных. Невероятными усилиями Антиоху удалось усмирить большую часть бунтовщиков у себя в тылу, но тут заполыхала Финикия, – Сидон и Библ, – отказали Антиоху в Покорности, перебив его солдат и запрев ворота перед посланниками царя. Ближний из финикийских городов к линии фронта Арвад, заполненный селевкидскими солдатами, пока безмолвствовал.

К этому моменту с мятежными греческими городами в тылу вопрос был закрыт и Ганнибал принял решение продолжать наступление, собрав большинство боеспособных частей в нагорьях, расположенных в двухстах километрах к востоку от Селевкии. Раны затянулись, и Федор был уже в седле, во главе своей новой армии, насчитывавшей без малого десять тысяч человек.

На берегу небольшой реки собралась огромная масса войск. Кроме солдат Карфагена, здесь стояли македонцы Филиппа и воины царя Иллора. Объединенное войско союзников, по данным разведки, превосходило армию Антиоха в три раза. Все ждали приказа наступать и объявления направления главного удара, ведь союзные армии стояли сейчас «у развилки». Давшая трещину империя Антиоха распространялась отсюда в две равнозначные, на взгляд Чайки, стороны. Это были Вавилония и Финикия. И куда направит свой главный удар тиран, он почти не сомневался. Хотя шел на совет в шатер главнокомандующего с каким-то трепетом, словно был на войне впервые.

Миновав охрану, окружавшую плотным кольцом шатер Ганнибала, Федор придержал ножны и шагнул внутрь. Когда полог опустился, после яркого дневного света, ему показалось, что в шатре главнокомандующего царит полумрак. Он едва не опоздал. Помимо самого тирана, за столом уже склонились над картой царь Филипп, Демофонт, Иллур с кровным братом и Атарбал. Доспехи каждого не были похожи на парадные. Пыль и грязь на них виднелись повсюду. Даже обычно помпезные македонцы на сей раз выглядели почти походному. Ганнибал поднял взгляд на Федора, слегка нахмурился, но ничего не сказал, просто указав на место рядом. Чайка молча присоединился к собравшимся военачальникам.

– Завтра на рассвете мы выступаем отсюда, – проговорил Ганнибал, таким тоном,

словно уже заканчивал совещание, и указал на карте долину, в которой были собраны все его войска.

Распрямив спину, он, обвел взглядом всех собравшихся и добавил:

– Антиох уже вернулся к своей армии, но это его не спасет. Восстания у него в тылу продолжают, и мы позаботимся о том, чтобы не дать им потухнуть так быстро, как это уже произошло.

Ганнибал умолк ненадолго, затем заговорил вновь, обращаясь только к Филиппу.

– Перед нами большая цель, поэтому я решил вновь разделить наши войска. Македонцы отлично показали себя, и я предлагаю тебе, Филипп возглавить наступление на Вавилон. Солдат и всадников под твоим началом хватит, чтобы захватить эти области. Тем более, что Антиоху придется воевать на два фронта и тоже разделить свои армии. С тобой отправиться также часть всадников Иллур.

По довольному лицу Филиппа было видно, что такое предложение ему по душе. Захватить богатый Вавилон, который в свое время просто сдался Александру Македонскому, льстило его самолюбию. История вполне могла повториться. Правда, для начала нужно было разбить армию Антиоха, но это уже ничуть не пугало Филиппа, который был сейчас словно волк, почуявший запах крови. Дав согласие Ганнибалу на эту войну, и вторгшись в империю Селевкидов, он уже вступил в давний спор за наследство своего великого предка. И теперь не собирался отказываться от такого выгодного шанса.

– Что ж, – ухмыльнулся Филипп, посмотрев в глаза Ганнибалу, – я принимаю твоё предложение. Однажды македонцы уже вошли в этот город и теперь почтут за честь напасть на Вавилон.

Он обвел высокомерным взглядом всех собравшихся и добавил.

– Можешь считать, что армии Антиоха, что стоит на пути в Вавилон, уже не существует.

– Хорошо, – кивнул Ганнибал, словно речь действительно шла о сущей безделице, хотя Федор был наслышан примерно о двадцати пяти тысячах пехотинцев, составлявших эту армию, – мы же тем временем повернем на юг и поможем восставшим городам Финикии освободиться от господства греков.

– Я так и думал, – кивнул в ответ на эти слова Филипп, который уже видел себя входящим впереди победоносной армии в Вавилон. Судьба Финикии его теперь особенно не волновала.

– Завтра на рассвете воины Карфагена и скифы Иллур направятся на юг к Антиохии, где стоит вторая армия, – сообщил Ганнибал.

– Антиохия хорошо укреплена, – заметил на это Атарбал, – и мы можем потерять много времени, если будем штурмовать ее. А восставшим городам Финикии нужна помощь как можно быстрее.

– Если штурм затянется, мы можем обойти Антиохию и вторгнуться в Сирию, – предложил Иллур, почесав в задумчивости свою бороду и внимательно посмотрев на карту, – сжечь все небольшие селения, что попадутся у нас на пути, чтобы посеять еще больше смятения среди сторонников Антиоха, а затем выйти к побережью у самого Арвада.

– В Сирии еще достаточно верных Селевкидам войск, и все они собраны сейчас между Дамаском и побережьем Финикии, – проворил Ганнибал, – такой маневр будет труден, но возможен. Не исключено, что мы прибегнем к нему.

Ганнибал взглянул на стоявшего рядом Чайку.

– Пока же мы начнем со штурма Антиохии и прорыва оборонительной линии по реке Оронт, а тем временем наш флот атакует с моря и высадит солдат у Арвада, взяв его в кольцо. Это я поручаю тебе Федор Чайка. Ты должен взять город как можно быстрее.

– Но ведь Арвад еще не поднимал восстания, – напомнил Атарбал, – и взять его будет труднее, чем Библ и Сидон.

– Туда мы направим подкрепления, которые помогут городам продержаться до подхода основных сил, – спокойно отмел эти опасения Ганнибал, словно знал все наперед.

– А что случилось с афинскими триерами? – уточнил Федор, вспомнив разговор с Евсидом, – я слышал, что они как раз где-то там.

– Уцелевший афинский флот стоит в Арваде, – подтвердил его опасения Ганнибал.

– Тогда нам действительно будет трудно взять его быстрым приступом, – озадачился Федор, но тут же добавил, – хотя, мы что-нибудь придумаем.

– На море тебе помогут корабли Евсида, если не считать того, что наш собственный большой флот будет, стянут для высадки солдат к Арваду, – порадовал его Ганнибал неожиданной помощью, – афиняне, сбежавшие на службу к Антиоху, будут, наконец, уничтожены полностью. Ну, а если Антиох каким-то чудом сможет тебе воспрепятствовать на суше, а я задержусь на Оронте, то мы придем к Арваду скифскую конницу.

– Тогда мне не о чем беспокоиться, – заявил Федор, позволив себе бросить снисходительный взгляд на македонского царя, с лица которого не сходило надменное выражение, – считайте, что Арвад уже взят.

Филипп при этих словах вздрогнул, но сдержался. Он не первый день знал Федора, хотя воспоминания о его проделках на Пелопоннесе не добавляли личной приязни в их отношениях. Политика, дело скользкое. Впрочем, вспомнив о Вавилоне, предложенном ему Ганнибалом, македонский царь снова расплылся в блаженной улыбке и стал предвкушать минуты своего триумфа. Это занятие доставляло ему гораздо больше радости, чем дальнейшее пребывание на военном совете, где он больше не видел для себя необходимости задерживаться. Главный вопрос, по его мнению, был уже решен.

К радости Филиппа совет действительно быстро завершился, Федор и Леха вышли из шатра Ганибалла последними.

– Ну что, расстаемся командир, – заметил Ларин, взобравшись в седло своего породистого скакуна, и погладив рукой золоченый акинак.

С тех пор как он объединился с армией Иллур, Леха слегка изменился. Он вновь стал вести себя как настоящий скиф, щеголяя своими отличиями в одежде и оружии от финикийцев и македонцев, о которых почти напрочь забыл, пока находился возле Федора.

– Чует мое сердце, ненадолго, – ответил на это Чайка, едва оказавшись в богато отделанном седле своего коня.

Он обвел взглядом окрестные горы, на склонах которых кое-где даже лежал снег, и добавил.

– Ты же слышал, Ганнибал обещал прислать вас на подмогу, если у меня быстро не получится.

– А ты не торопись, – усмехнулся Ларин, – глядишь и свидимся.

– Это как пойдет, – философски заметил Федор, – на все воля богов.

– Ну, бывай, командир, – Леха стеганул своего коня и поскакал вниз по дороге, петлявшей между сотен походных палаток и барачков.

– Бывай, – ответил уже в пустоту Федор, глядя, как опускается пыль за копытами скифского скакуна.

И все-таки он вновь оказался в море. Похоже, Ганнибал внял его просьбе. Почти тридцать квинкером, набитые до отказа солдатами и артиллерией, вместе с грузовыми судами, перевозившими конницу, спустя несколько дней приближались к Арваду со стороны Кипра. От острова их сопровождала эскадра Евсида, пополнившаяся за это время кораблями из Сиракуз. Вернее, не совсем сопровождала, а скорее защищала от внезапного нападения противника. Ведь не все афиняне были еще мертвы.

В чем был интерес Сиракуз в этой войне, Федор не знал, но особо и не задавался целью узнать о тайных соглашениях Ганибалла. Наверняка их тирану был обещан за помощь какой-нибудь лакомый кусочек владений Селевкидов. А владения эти были настолько обширны, что хватит на всех. Вон, Филиппу Ганнибал с барского плеча уже почти подарил Вавилон. Конечно, его еще предстояло взять, но Федор был удивлен такой щедростью. А самого Ганнибала, несмотря на явные выгоды от захвата Вавилона, похоже больше интересовало

освобождение Финикии, уже столько лет находившейся под пятой селевкидов. Федор и не припомнил даже, когда она в последний раз была свободной. Место для создания страны было довольно выгодным, на пересечении торговых путей из Азии в Египет, но, то же самое местоположение делало эту территорию постоянным яблоком раздора между двумя более могущественными империями. И судьба Финикии была именно такой, — она не раз становилась полем боя. За сотни лет в Азии успели возникнуть и рассыпаться в прах несколько мощных империй, Египет также пережил много взлетов и падений. Но, для Финикии все оставалось как прежде, — для нее всегда существовала угроза либо с одной, либо с другой стороны. Слишком уж известными и богатыми были ее города на Средиземноморье, чтобы алчные соседи оставили их в покое. Вот и сейчас она словно застыла посередине, разорванная на две части враждой диadoхов. Арвад, Библ и Сидон находились на одной стороне, а Тир, уже на другой. Вторжение в Финикию еще даже толком не началось, но Федор, ни минуты не сомневался, что они не остановятся на границе Египта.

Соленый ветер обдувал лицо Чайки, пытавшегося рассмотреть очертания побережья в предрассветной мгле. Было решено начать высадку на рассвете, для чего корабли Чайки покинули свою гавань еще накануне днем и провели в море всю ночь. Он, конечно, надеялся стать неприятным сюрпризом для защитников города, но был уверен, что афиняне не будут сидеть, сложа руки. Чайка готовился встретить их еще на дальних подступах, но, похоже, быстрое продвижение Ганнибала по берегу поумерило их пыл. А, может быть, они вообще сменили порт приписки. Во всяком случае, ночью никаких вражеских судов не повстречалось на пути флота вторжения.

Наконец Федор разглядел в туманной дымке скалы и острова побережья Финикии, над которым в глубине темной громадой вздымался горный хребет, поросший «деревянным золотом», — ливанскими кедрами. Эти деревья считались самым лучшим корабельным лесом на всем Средиземноморье и были ценнейшей статьёй экспорта Финикии. Так же, как и готовая продукция в виде кораблей, способных переплывать моря, и придуманных, по легенде, именно здесь.

«Не удивительно, — подумал Федор, стоявший в этот раз на носу своей квинкеремы, — здесь есть все условия. И лес и такие мастера-корабелы, которым греки в подметки не годятся».

Потом он вновь отвлекся от лирических мыслей, пристальнее вглядываясь в изломанную линию побережья. Вскоре он заметил выступающий над водой холм, усеянный прямоугольниками, очень напоминавшими дома. Похоже, это и был Арвад. Убедившись, что перед ним конечная цель путешествия Федор вдруг поймал себя на мысли о том, сколько лет Ганнибал ждал этой возможности, — освободить родину своих предков. И вот теперь этот час настал. Вторжение началось.

Едва он развернулся и направился между баллист на корму, как позади него раздался голос.

— Корабли слева по курсу!

Чайка обернулся и действительно заметил с десятков хищных остроносых силуэтов, несшихся по волнам наперерез его эскадре. Он без труда узнал в них афинские корабли. Заходившие со стороны поднимавшегося солнца они были видны гораздо лучше, чем приближавшиеся со стороны моря. Но это преимущество быстро рассеялось, когда солнце взошло еще чуть выше по небосводу. В этот момент афиняне осознали, какую армаду они пытаются остановить. Однако, к их чести, никто не повернул назад. Тем не менее, героизм афинских моряков в этой последней атаке не принес им славы, — корабли Евсида преградили им путь и отсеки от основной массы квинкерем, груженных солдатами, позволив продолжить свой путь к побережью.

Когда над водой разнесся глухой удар и скрежет, оповестивший о первом удачно проведенном афинянами таране, корабль Федора уже выбирал место для высадки десанта. Побережье здесь было не очень удобное, много скал и островков, но и моряки свое дело знали. Так что вскоре первый эшелон квинкерем пристал буквально на виду крепостных стен

Арвада, но вне досягаемости его метательных орудий, начав сгружать по сходням на берег своих солдат и артиллерию. Чайка, впечатленный атакой боевых животных у Селевкии, выпрашивал у Ганнибала слонов, но получил отказ. Тиран решил, что слоны в этой десантной операции ни к чему. Хватит и пехотинцев с артиллерией. Разрешил лишь взять с собой дополнительно конницу, она действительно могла понадобиться для быстрых перемещений вокруг города.

Не обращая внимания на жестокую драку, которая шла у самого побережья между умиравшей афинской эскадрой и кораблями сиракузян, которые уже давно бились всеми возможными видами оружия, от зажигательных снарядов, до таранных ударов, Чайка продолжал развивать наступление. Время терять было нельзя.

Едва он успел высадить на прибрежные камни две хилиархии, как из города показался отряд селевкидский конницы и попытался сбросить их в море. Но, ничего не вышло.

– Открыть огонь, – приказал Федор своим корабельным артиллеристам, – только пусть подойдут поближе.

После того, как им на голову стали сыпаться ядра и горшки с зажигательной смесью, которые Федор приказал использовать скорее как психологическое оружие, вызывавшее в еще не полностью растаявшей предрассветной мгле ужас и панику, катафрактарии были вынуждены ретироваться. Они не смогли даже толком приблизиться к уже выстроенному отряду пехотинцев, который приготовился к отражению атаки и призван был прикрыть собой высадку остальных. Чайка успел заметить, что несколько всадников все же прорвались сквозь заградительный огонь кораблей, и добрались до пехотинцев, но были тут же убиты дротиками, быстро найдя свою смерть.

Высадка продолжалась. К обеду он овладел почти несколькими километрами побережья с обеих сторон от Арвада и заблокировал гавань кораблями, так что и мышь не могла больше проскользнуть из осажденного города. Несмотря на то, что в городе находилось и мирное население, Федор был осведомлен, что его там очень мало. Большую часть нынешних «жителей» составляет селевкидский гарнизон, – первый из финикийских городов на пути армии Ганибалла был превращен в крепость, которую Антиох был намерен удержать. Но у Ганнибала, а, значит, и Федора Чайки, были другие планы относительно будущего Арвада. Он должен был стать первым из городов Финикии, который обретет свободу. Пусть даже и ценой некоторых потерь. А потому, отрезав Арвад от внешнего мира, Федор без лишних приготовлений приказал начать бомбардировку цитадели зажигательными снарядами.

– Устройте мне такой пожар, – приказал Чайка своему новому начальнику осадного обоза, – чтобы они сами оттуда побежали, как навозные жуки из амбара.

И артиллеристы постарались. Город просто засыпали огненными горшками, которые чертили небо над Арвадом весь день, и, пока оно было ясным, и когда стала опускаться ночь. Несмотря на то, что время поджигало и несколько пожаров уже занялось на складах в гавани и у дальних ворот, Чайка не спешил идти на штурм. Ему нужно было настоящее огненное буйство, чтобы защитники поняли свою перспективу, – либо сдать город, либо сгореть заживо. Греки не ожидали, что финикийский командир подвергнет город столь жестокому обстрелу, но Федор решил, что Ганнибал простит ему нечаянную смерть своих соплеменников, если ему удастся взять город без лишних жертв со стороны армии. Тем более, что Арвад действительно был наводнен греками. Помимо баллист, расставленных на берегу, город бомбардировали квинкеремы, державшиеся вблизи стен со стороны моря.

Когда настала ночь, в лагерь у стен Арвада прибыли конные разведчики, которых Федор отправил собирать сведения по окрестностям, а заодно разносить слухи о том, что Антиохия уже пала и Ганнибал очень близко. В войне на выживание было важно любое преимущество, пусть даже придуманное.

– Рядом, вплоть до самых гор больших скоплений войска нет, – объявил командир конных разведчиков, – но с юга, со стороны Симиры к нам движется отряд пехотинцев, примерно три тысячи клинков. Будут здесь к рассвету.

– Ясно, – кивнул Федор, как ни в чем не бывало, – хотят помочь Арваду, но я им этого не позволю.

Он вызвал к себе начальника конницы и, рассказав о неприятеле, объявил свой приказ.

– Бери всех всадников, что у нас есть и скачи на юг. Терзай их, задержи продвижение пехотинцев Антиоха на подступах. Следом я пошлю нашу пехоту, они уничтожат тех, кто останется после твоего удара.

Блеснув напоследок полированными кирасами, конница растворилась в ночи. Вслед за ней ушли две хилиархии африканской пехоты, извиваясь темной змеей по дороге, петлявшей меж прибрежных холмов.

– Тыл обезопасили, – проговорил себе под нос Федор, вглядываясь в разгоравшийся с каждой минутой пожар в цитадели. Оттуда валил густой черный дым, – похоже, мои артиллеристы, угодили в корабельный склад.

Но, когда над городом взметнулось в небо два столба огня, Чайка изменил свое мнение.

– Нет, это был арсенал, – сказал он, самодовольно усмехнувшись, словно лично заряжал баллисту, – вот теперь пора и за дело.

Подозвав Кумаха, который вновь был в строю, Федор медленно произнес.

– Начинай штурм. К рассвету город должен быть нашим.

Командир пехотинцев, не раздумывая, повел своих людей в бой, благо все уже было готово. За день были засыпаны рвы, отделявшие полуостров от материка и подготовлены штурмовые лестницы. Таранные орудия были заблаговременно подтащены к тем местам, где ближе всего было до ворот. Кромешная тьма, скрывала передвижения солдат Чайки, тогда как разыгравшийся пожар делал городские укрепления легко различимыми, словно дело происходило днем.

Мощный штурм начался по всей длине стен, прилегавших к матерiku. Здесь греки немного отыгрались, пустив в дело собственные метательные орудия. Но, бить им приходилось в темноту, почти наугад, в надежде уничтожить солдат Чайки случайным попаданием. «Зажигательных снарядов они почти не используют, – думал Федор, наблюдая за штурмом из лагеря, – видимо тот взрыв днем действительно уничтожил их склады с горшками».

И все же наступающие воины несли большие потери, – греки защищались отчаянно, зная, что отступить им некуда. Кроме того, командир гарнизона, наверняка надеялся на помощь, спешащую к нему из близлежащих крепостей. Но, у Чайки собственных сил было вполне достаточно, и он надеялся к утру овладеть Арвадом, не дожидаясь подхода основной армии. Однако, греки выстояли. Когда рассвет стал разгораться над морем, пехотинцы Кумаха, все еще лезли на стены и падали оттуда, сброшенные греками. Раздосадованный Чайка был вынужден прервать штурм и отвести войска в лагерь. Вскоре прибыли гонцы от его передовых частей, встретивших торопившуюся в Арвад помощь Антиоха.

– Они разбиты, – доложил всадник, в изорванных доспехах, едва не падая с коня, – но и мы потеряли почти половину своих сил.

– Отлично, – кивнул Федор, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони, денек обещал быть жарким, – значит, помощь в Арвад не придет.

– Мы допросили нескольких пленных, – добавил гонец, из-под рассеченного доспеха которого на плече проступала кровь, – перед смертью они сообщили, что из-за гор вскоре должна прибыть конница Антиоха. Много конницы.

– За горами Сирия, – медленно проговорил Федор, как бы размышляя вслух, – и там еще есть войска Антиоха. Ну, если придет много конницы, то нам тем более нужно захватить город, чтобы продержаться до подхода основной армии.

К полудню Федор начал двойной штурм. Арвад подвергся мощному нападению сразу с моря и суши. На этот раз дело пошло удачнее. Пожар, продолжавший бушевать в городе, поглотил почти его треть. Подтащенные к стенами и воротам тараны пробили, наконец, брешь и пехотинцы Чайки хлынули на улицы города. А с моря удалось высадить десант в гавань, правда, греки смогли при этом поджечь целых две квинкеремы. И, тем не менее,

защитники были взяты в клещи. Драка на узких улицах была жестокой, выжившие жители попрятались по своим домам и не показывали носа на улицу до тех пор, пока звон оружия не прекратился. Это случилось к вечеру второго дня непрерывной осады.

Когда Федор занял полуразрушенный и сожженный город, то насчитал мертвыми не меньше двух тысяч защитников. Это был большой гарнизон для не слишком обширного по площади Арвада, что делало его в глазах Чайки, прежде всего крепостью неприятеля. Заняв Арвад, Федор был вынужден обеспокоиться тушением пожаров, им же и разожженных. Когда облако дыма рассеялось над побережьем, с одной из уцелевших башен Чайка заметил, как морем прошли подкрепления в Библ и Сидон. Два десятка квинкером с солдатами. Этих подкреплений должно было хватить, чтобы защитники городов продержались до подхода основных сил.

Глава восемнадцатая

«Город Тир»

Едва успев наспех восстановить оборонительные сооружения со стороны материка, Чайка сам подвергся нападению.

– Не обманули пленные, – заметил он, глядя со стен Арвада, как с перевалов недалеких гор хлынула вниз двумя ручейками конница Антиоха.

Однако, кроме конницы, захватившей окрестности больше ничего не пришло. Воины Федора продолжали удерживать город, окрестности Арвада и выстроенный на берегу лагерь, отбивая все атаки селевкидской конницы еще несколько дней, пока к Арваду не подошла конная армия скифов, в которой Федор с радостью опознал как командира своего друга Леху Ларина, браво смотревшегося в седле, а не царя Иллур. Скифы разбили селевкидскую конницу, отогнав остатки за горный хребет, обратно в Сирию.

– Ну вот, – обнял друга Федор, повстречавшись со скифским военачальником на подступах к городу, в одном из оазисов, – а кто говорил, что не скоро встретимся?

– Не торопись радоваться, – огорчил его Леха, – мы тут проездом. Нам дан приказ маршем идти вдоль гор и побережья к Библу, Бериту и Сидону. Там, говорят, много войск Антиоха объявилось.

– Хотят задушить восстание, – кивнул Федор, посмотрев вдаль, туда, где в знойном мареве смыкались очертания горного хребта с ливанскими кедрами, моря и побережья, – ничего, подкрепления по воде вчера туда уже ушли. Продержаться до вашего подхода. А там, глядишь, и мы прибудем. Хотя я до сих пор не получал от Ганнибала никаких известий и приказов. Как там дела на реке Оронт?

– Все в порядке, – буднично отозвался Леха, испив воды из поднесенного слугами кувшина, – Антиохию добивают, Аль-Мину уже взяли. Угарит, что уже за рекой, сам сдался. Ганнибал идет сюда.

– А Филипп?

– Не знаю, – Ларин присел на лавку и посмотрел на тень от финиковой пальмы, трепетавшую на песке, – говорят, сражается с армией Селевкидов на подступах, но о захвате Вавилона пока слышно не было.

– Значит, Ганнибал скоро будет здесь, – удовлетворенно заметил Федор, – а где твой Иллур?

– Уже в Сирии, – поднял голову Леха, – часть нашей армии под командой Иллур идет на Дамаск с другой стороны хребта. Хотим ударить по его последним войскам с двух сторон.

Закончив говорить, Леха вдруг встал.

– Ну, ладно, командир, нам пора. Время не ждет. Встретимся после победы.

– Давай, – кивнул Федор, глядя, как тот взбирается в седло. – Берги себя.

Проводив друга взглядом, Федор вернулся к своим делам. До подхода Ганнибала, которого он должен был дожидаться здесь, требовалось кое-что сделать. Его хозяйство, в том числе только что захваченный город, разрушенное несколькими днями штурма нуждалось в

осмотре и ремонте. Что смог Федор сделал, благо инженерный обоз имелся. Хотя людей у него уже не доставало. После ожесточенных сражений на море на суше, армия Чайки сократилась почти до шести тысяч человек. Он потерял пять кораблей, не считая наполовину уничтоженного последней афинской эскадрой флота Евсида, который пока стоял в захваченной гавани Арвада, ремонтируя то, что можно было отремонтировать. Надо сказать, артобстрел города уничтожил не только склады, но и сильно повредил сами верфи, отчего Евсиду приходилось туго. Но, он смог подлатать самые сильные повреждения и на пятый день увел эскадру обратно на Кипр. Для обороны города и побережья Чайке хватало собственных сил.

Собрав выжившее население города, Чайка встретился со старейшинами и объявил им, что отныне Арвад свободен. А скоро они смогут увидеть и своего освободителя Ганибалла, который спешит сюда со своей победоносной армией, которая навсегда избавит их от угнетения Селевкидов. Освобожденные купцы встретили это известие с каким-то странным выражением лиц, на которых читалась смесь радости и тревоги. Видимо, они так долго находились под гнетом Селевкидов, а их предки под персами, что сама мысль о полной свободе выглядела для них странной и пугающей. «Ничего, привыкнут», – решил Федор, хотя за годы, проведенные в этой жизни, уже научился понимать, что свобода это тяжелое бремя. Не всем она по плечу. Многие прекрасно чувствуют себя, оставаясь рабами.

Так или иначе, Арвад был освобожден. А спустя еще пять дней к нему подошла армия Ганнибала, разрушившая укрепления Антиохии. Царь бежал в Сирию, а по его следам, как уже знал Федор, шли скифы. О судьбе Сидона и Библа Федор пока ничего не знал, но Ганнибал просветил его, – оба города устояли, благодаря своевременным подкреплениям и все тем же скифам, быстро преодолевшим большое расстояние и сильно потрепавшими войска Селевкидов, пытавшиеся штурмовать восставшие города.

– Значит Сидон и Библ наши? – уточнил Федор, явившись к Ганнибалу в шатер, который был установлен на самом высоком холме у города. Похоже, что главнокомандующий не собирался долго здесь оставаться. Он с большим трудом даже выделил время для того, чтобы лично встретиться со старейшинами Арвада и подтвердить слова Федора Чайки, сказанные несколько дней назад.

– Наши, – кивнул Ганнибал, – почти вся Финикия уже наша, если не считать гор. Сарепта еще сопротивляется, но скифы дошли уже до реки Леонт и видели египетские разьезды.

– Значит, теперь мы повернем на Сирию, – предположил Федор, пытаясь вызвать своего военачальника на откровенность, – чтобы добить Антиоха? Или он ушел в Вавилон?

– Антиох пока здесь, – удивил его Ганнибал, пивший вино из чаши, – но он уже не страшен. Его оставшиеся в этих землях войска, связаны конной армией скифов. Иллур уже осадил Дамаск и занял все его окрестности, проведя несколько сражений сходу. Скифы в этот раз взяли с собой осадный обоз, так что Иллур вполне способен причинить беспокойство городам, а не только конным армиям Антиоха. Даже если селевкидский царь сбежит в Вавилон, это лишь отсрочит его конец.

– А Вавилон разве еще не наш? – уточнил Чайка, с разрешения Ганнибала также отпивая вина.

– Пока нет, – спокойно заметил Великий Карфагенянин, – Филипп ведет жестокие бои в долине Евфрата, но пока продвинулся недалеко. Впрочем, тебе, Чайка, сейчас надо будет побеспокоиться о другом.

Ганибал склонился над картой, как бы призывая Федора сделать то же самое.

– Вот здесь находится великий город Тир, некогда давший жизнь Карфагену, – заговорил после недолгого молчания тиран, – а вот здесь...

Он провел по карте чуть выше Тира.

– Проходит граница между империей Селевкидов и Птолемеев Египетских.

Ганнибал вновь замолчал и посмотрел на Федора, словно предоставляя ему право догадаться о том, чего не сказал. Но Чайка промолчал, и он закончил сам.

– Освободив почти всю Финикию, мы не можем оставить главный город в руках наших врагов.

– Мы начинаем войну с Египтом? – не выдержал Федор, чуть подавшись вперед.

– Не сейчас, – охладил его пыл Ганнибал, – сначала нужно хотя бы окончательно сломить сопротивление Антиоха в Сирии, вытеснив его оставшиеся войска в Вавилонию, навстречу македонцам, или прогнав в пустыню, откуда уже никто не вернется. Так что тебе за это время всего лишь потребуется перебросить свою армию из Арвада к реке Леонт. Там кончаются ливанские горы. Там мы будем собирать свою ударную армию и для нового броска, который не заставит себя долго ждать. Флот уже начал перемещения в бухты Берита и Сидона. Но для войны с Египтом нужно хорошо подготовиться.

Вдохновленный новой задачей, Федор спустя сутки покинул Арвад, оставив там небольшой гарнизон и несколько кораблей. Остальные, повинаясь новому стратегическому плану, он отправил в Сидон и Сарепту, вест о падении которой пришла буквально на следующий день после общения с Ганнибалом. Все это были порты, расположенные ближе всего к Тиру и территории египтян. Но, количество кораблей, стянутое для захвата Тира, было слишком большим, чтобы у Чайки не зародились сомнения относительно дальнейших действий армии и флота. Ганнибал еще не посвятил его во все детали, но было совершенно очевидно, что флот понадобится не только для удар по Тиру. «Скорее всего, – думал Федор, покачиваясь в седле впереди своей пешей армии и поглядывая на искрившееся солнечными бликами такое близкое море, – удар будет нанесен сразу по нескольким местам. Флотом вдоль побережья, возможно в Дор или Атлит, чтобы захватить плацдарм для быстрого нападения на тылы ближайших египетских частей. А по суше на Хазор и дальше в земли иудеев, что сейчас живут под египтянами».

Эти размышления вкупе с наблюдениями за перемещением армии и мощного флота, вдоль освобожденного финикийского побережья, приободрили, и даже развеселили Федора.

– Привет фараонам, – негромко воскликнул он вслух, прищурившись на солнце, – скоро мы придем, ждете.

Сражение с египтянами, также обладавшими большим флотом и армией, его почему-то не сильно пугали. Наверное, потому, что управляли ими сейчас все те же греки, а греков они уже не раз били. Во всяком случае, две трети империи Селевкидов отошли теперь Барикадам и их союзникам. Осталось немного повоевать в Сирии и Вавилонии, а там уже говорить больше будет не о чем. От Селевкидов останется одно воспоминание. Похоже, такую же участь Ганнибал готовил и Птолемам.

– Давно я не смотрел на пирамиды, – вновь усмехнулся Федор и поискал глазами Леху, который мог оценить его шутку по достоинству. Но, Ларина сейчас рядом не было. Впрочем, по слухам большой отряд скифов должен было уже ждать армию Чайки на реке Леонт, и Федор был почти уверен, что командует им не кто иной, как его старый друг.

Так оно и оказалось. Как ни пыталась эта война развести друзей далеко, они вновь оказывались вместе спустя непродолжительное время.

– Судьба, – усмехнулся Федор, заметив широкоплечую фигуру в чешуйчатом доспехе, возглавлявшую отряд из нескольких сотен воинов, выехавший ему навстречу из огромного лагеря на берегу реки Леонт.

Сидон и Библ давно остались позади, там праздновали освобождение. Теперь очередь была за Тиром. Однако, новой атаки пришлось ждать еще почти месяц. Только когда армии Антиоха в Сирии были окончательно разбиты, а Дамаск пал, Ганнибал вернулся к исполнению своего замысла. Царь попытался бежать в Вавилонию, но был предан и убит слугами по пути. Тело заколотого клинками Антиоха Третьего предъявили Ганибаллу в знак того, что Сирия принимает его владычество. Впрочем, не все части бывшей империи Селевкидов поступили также. Из Вавилонии пришли вести о том, что Филипп Македонский осадил главный город Междуречья, отказавшийся сдаться. Но, несмотря на это, победа была почти полной.

И только тогда Ганнибал двинул свои войска на Египет. Сразу с двух сторон. Его брат

Гасдрубал с тридцатитысячной армией прошел сквозь Киренаику и вторгся в Египет, направив солдат и боевых слонов к Александрии. Птолемею пришлось защищаться, отбиваясь на двух фронтах сразу.

Впрочем, Федора Чайку второй фронт совсем не беспокоил. Его главной задачей было освобождение Тира, – неприступного города-крепости расположенного на острове, точнее на двух островах, примерно в километре от материка. Правда, так было в далекой древности, до того, как здесь проявился Александр Македонский. Он безуспешно штурмовал Тир почти восемь месяцев и смог взять лишь после того, как насыпал мол шириной в шестьдесят метров от побережья материка до самого острова. Блокировав город с моря, и подтачив осадные орудия, македонцы, наконец, разрушили стену и ворвались внутрь. После взятия Александр приказал разрушить Тир в назидание остальным непокорным городам Финикии. Однако позже город был отстроен, а насыпанный мол, хоть и пострадал от времени, испортив своим появлением гениальный первоначальный замысел Хирама Великого²³, сильно упрощал задачу войскам Чайки.

– Спасибо Александру, – пробормотал Федор, стоя на каменистом холме и разглядывая длинный мол, уходящий в море, – здесь даже кавалерия пройдет.

То, что насыпной мол обрывался метрах в пятидесяти от города, заканчиваясь подъемным мостом, его не особенно печалило. Заполнить столь малое пространство наплавными мостами и кораблями было легкой задачей для инженеров из осадного обоза, поднатеревших в таких делах.

Однако не все оказалось так безоблачно. Чтобы оказаться здесь, Чайке вместе со скифами пришлось пробиться сквозь египетские части, стоявшие на самой границе у реки Леонт. Сражение было кровопролитным, но не слишком долгим. Египтяне, безусловно, ждали вторжения, однако, решили вести войну в глубине своей территории и отступили к Тиру. Сражение на подступах к Тиру разыгралось уже не шуточное. Здесь армия Атарбала, которому было поручено наступление вдоль левантийского побережья на Египет, столкнулась с греческими наемниками, служившими Птолемеям.

Кроме того к городу подошел египетский флот. Почти пятьдесят кораблей со скошенными парусами атаковали карфагенские квинкеремы. На сей раз Чайка наблюдал морское сражение с берега. Оно началось на рассвете и закончилось лишь тогда, когда солнце стало уходить за горизонт. Египтяне проявили себя как отличные моряки, – с обеих сторон было уничтожено, сожжено или протаранено, множество кораблей, – но победа осталась за финикийцами. Битва на берегу окончилась почти одновременно, не в силах остановить натиск африканской пехоты, греки отошли к следующему порту на побережье, Экдипе, и стали готовиться к новому сражению. По данным разведки к ним двигались конные соединения и слоны из глубинных земель. Похоже, египтяне не почитали Тир как важный объект своей обороны. Тем не менее, египетский гарнизон отказался сдаться, ожидая помощи из метрополии.

– Я ухожу вперед, – сообщил ему Атарбал, – а ты должен захватить этот город. Я пообещал Ганнибалу, что к его прибытию Тир уже будет взят.

– Значит, будет, – не стал спорить Федор, припоминая, что задержавшийся в Сирии Ганибалл намеревался прибыть к побережью примерно дней через пять, – только оставьте мне отряд конницы, на всякий случай.

– Конница мне понадобится, – отказал Атарбал, – у египтян ее много.

– Тогда придется справиться своими силами, – погрустнел Федор, – но, делать нечего. Хотя бы оставьте мне десяток квинкерем.

– Флот тоже идет дальше, – напрягся Атарбал, но, поразмыслив, разрешил, – забирай. При осаде Тира без кораблей не обойтись. Как справишься, пришли ко мне гонца, я сообщу,

²³ **Царь Тира Хирам Великий** – придумал, как использовать расположение города на двух островах, создав между ними северный и южный рейды для кораблей, защищенные от ветров любого направления. Подобная система стала позже обычной для всех финикийских городов.

куда их направить.

Чайка кивнул.

Первым делом он послал в город парламентаров и вновь предложил гарнизону сдаться, обещая жизнь. По данным перебежчика гарнизон в Тире был не греческий, а египетский, и насчитывал не больше тысячи воинов. Метательных машин было также не много. Федору, изначально настроенному на сильное сопротивление, это понравилось. Теперь он был уверен, что справиться еще до возвращения Ганнибала, если Птолемеи вновь не пришлют сюда огромный флот. Но, ничто не предвещало подобного развития событий, особенно в ближайшие дни. Флот Карфагена уже контролировал здешние воды. А укрепления окруженного города были отстроены не до конца и выглядели обветшалыми. При таком раскладе Тир был обречен.

Тем не менее, следующие дни были заполнены бомбардировкой укреплений и попытками построить мост под огнем из крепости. Дважды защитники пускали брандер и сжигали все, что настроил Федор. Но, в конце концов, ему удалось заполнить пространство кораблями, наполненными землей и накрытыми шкурами так плотно, что их почти не брал огонь. По этому мосту солдаты подтащили таран и проломили в двух местах стену. При поддержке корабельных баллист, в город хлынул штурмовой отряд. Битву на улицах египтяне проиграли довольно быстро. А когда затянутые в коричневые панцири африканские пехотинцы выдавили их на главную площадь, большинство вообще побросало щиты и копья на землю, упав на колени перед завоевателями.

– Немудрено, что вас победили греки, – презрительно сплюнул на камни Федор, увидев эту картину.

Поднявшись на башню, он осмотрел вечернее море, словно боялся увидеть там скошенные паруса, устилавшие весь горизонт. Но, не увидел. Никакой армады из Египта не приближалось к Тиру, с этой минуты перешедшего под власть Ганнибала. Оставалось еще парочка мелких финикийских городов, которые находились пока под Птолемеями, но они не играли столь значительной роли. Кроме того, Атарбал очень скоро их возьмет, в этом Федор не сомневался. А если сопротивление везде будет таким, то недолго ждать, пока и остальной Египет присоединится к владениям Ганнибала.

– Ну, вот и славно, – выдохнул Федор, глядя на безумно красивый закат, догоравший над морем, – вот и славно.

Внезапно, он ощутил дикую усталость от этой бесконечной войны, но подавил в себе эту слабость. Нужно было готовить город ко встрече со своим освободителем.

Времени у Федора оказалось больше, чем он рассчитывал, – Ганнибал неожиданно задержался на десять дней. К этому моменту Тир был почти приведен в порядок, не считая проломов в стенах, конечно, которые не успели полностью заделать. Зато подъемный мост, соединявший остров с материком был починен, а портовые сооружения в гавани, хвала богам, итак почти не пострадали. На сей раз Чайка пощадил порт, вспоминая штурм Арвада. Крепость, безусловно, нуждалась в реконструкции, но Федор понимал, что это дела грядущих дней. Инженерам будет, чем заняться.

Кроме того, с тех пор, как он принял на себя должность военного коменданта Тиры, у него появилось какое-то смутное предчувствие, почти мистическое, что из этого порта скоро начнется какое-то важное плавание. Ему казалось, что до сих пор, находясь во власти завоевателей, этот великий город, – бывший в свое время центром огромной колониальной империи, – спал. И теперь должно было начаться его возрождение.

Он обследовал неплохо сохранившиеся дворцы местной знати и пообщался с выжившими старейшинами. Таких оказалось не много. Почти всех жителей-финикийцев еще Александр македонский продал в рабство. С тех пор город населял, кто попало. При египтянах смешение рас, и без того немалое, стало вообще бесконтрольным. Кое-кого из оставшихся финикийцев казнили сами египтяне, но большинство угнали в метрополию. В общем, Чайка счел чудом, что ему удалось отыскать в этом городе три купеческих семейства, главы которых еще могли называть себя финикийцами.

На рассвете седьмого дня, с момента освобождения города, на горизонте появилось три паруса, в которых Федор без труда опознал карфагенские корабли. Они приближались не со стороны Кипра и не шли вдоль побережья, из чего комендант Тира заключил, что перед ним не пополнение, а посланцы из метрополии. Возможно, это были гонцы от Гасдрубала. Хотя сам Гасдрубал находился, можно сказать «неподалеку», штурмовал Александрию.

Что-то в этих кораблях заинтриговало Федора, но что именно он не мог понять до тех пор, пока они не приблизились к Тиру и не попросили разрешения войти в его гавань.

– Черт побери, меня никто не предупреждал, – недоумевал Федор, дав это разрешение, после того как узнал, кто прибыл на кораблях, – и как они узнали о том, что Тир уже освобожден? Еще сам Ганибалл, возможно, этого не знает.

На трех квинкеремах их Карфагена прибыло целое посольство, под охраной солдат. Среди них многие были жрецами, желавшие поклониться святилищу Мелькарта²⁴. Здесь было также много ученых мужей, хранителей истории, но большинство принадлежали к купеческому сословию. Федор просто ослеп от пестроты и блеска такого количества зеленых, коричневых и белых, расшитых золотом балахонов, в которые были одеты прибывшие. А также нагрудных цепей, перстней и амулетов из чистого золота, украшавших буквально каждого из них. И все прибывшие требовали у Чайки немедленной встречи с тираном, освободившим этот Великий Город.

– Ганнибал еще не прибыл, но мы ждем его со дня на день, – вынужден был немного урезонить прибывшую знать изумленный Федор, специально по такому случаю спустившийся на главный пирс внутренней гавани. – Я, Федор Чайка, отвечаю за Тир до его новых распоряжений. И помогу вам разместиться с удобствами, какие только найду в только что отвоеванном городе.

Немного пошумев, прибывшие посланцы Карфагена вынужден были принять приглашение Федора, который отдал им для проживания несколько полупустых дворцов и особняков, пребывавших после осады в наиболее приличном состоянии.

– Я еще и отстроиться толком не успел, – ворчал первый военный комендант Тира, распределяя прибывших по местам проживания, – а теперь еще должен эту делегацию принимать. И как они не побоялись сюда приплыть? Война же идет, могли и к египтянам в плен угодить. Видно, что-то важное хотят обсудить, раз так неймется. Да, недосмотрел Гасдрубал за своими подданными.

Однако, Ганнибал, едва прибыв в Тир, как будто ничуть не удивился посольству из великих мужей Карфагена.

– Будем к ним благосклонны, – успокоил он немного взвинченного Федора, которого уже несколько дней донимала расспросами вся эта толпа в пестрых хитонах. – Они так долго ждали его освобождения, что боги подсказали им когда прибыть. Я должен принять их. Ты уже подготовил царский дворец?

Чайка инстинктивно кивнул, мгновением позже поймав себя на мысли, что запросто говорит с самым могущественным из ныне живущих финикийцев. «Мне только в царскую свиту не хватало попасть, церемониймейстером сделаться, – ворчал он, провожая Ганнибала в этот дворец, где повсюду стояли охранники из числа морских пехотинцев, за неимением вышколенных слуг, – я солдат. Надо отпроситься отсюда подальше за линию фронта. Лучше уж с египтянами воевать, чем вариться среди этих пестрых красавцев».

²⁴ **Мелькарт** (Милькарт) считался финикийцами одним из «молодых богов». Само имя означает «Царь города», то есть царь Тира. В Тире Мелькарта почитали, считая своим владыкой, а его праздник был одним из самых главных. Когда выходцы из Тира создали множество поселений на берегах Средиземного моря, переселенцы тоже стали почитать Мелькарта, а в некоторых из этих поселений Мелькарт, как и в Тире, стал считаться основателем города и главным богом.

Финикийцы полагали, что Мелькарт покровительствует дальним морским походам и колонизации. Часто его изображали в виде бородатого мужчины, иногда как морского бога, мчащегося на гиппокампе, а иногда как героя, бьющегося с чудовищами. Эти героические черты позволили грекам отождествить Мелькарта с Гераклом.

Впрочем, Чайка лукавил. Ему ужасно захотелось узнать, зачем прибыли в Тир, где еще не была полностью смыта кровь с мостовых, все эти купцы и географы, рискуя своей жизнью. Федор почему-то был уверен, что не только для того чтобы поклониться освобожденному святилищу Мелькарта. Наверняка была у них и другая цель. Или что-то случилось или они обнаружили что-то такое, что заставляло их спешить, невзирая на риск угодить в рабство или найти смерть. А что купцу дороже жизни? Правильно.

«Наверное, хотят первыми начать здесь торговать, – презрительно усмехнулся Федор, в котором за время новой войны торговец умер, а воин прочно занял его место. – Открылся новый рынок. Скоро здесь все закипит. Конкуренция».

Проводив Ганнибала, он решил оставить его на растерзание пестрой толпе гостей, дожидавшихся его во дворце, и собрался вернуться к своим делам коменданта, но тиран задержал его.

– Останься и послушай, – приказал Ганнибал.

Федор нехотя остался, считая, что зря потеряет время, но приказ тирана закон. Приладив ножны фалькаты, он присел на скамью в глубине полукруглого зала с колоннами, выходившего на террасу, откуда открывался великолепный вид на море. От нечего делать Чайка осмотрелся. Стены и колонны были сделаны из коричневого пористого камня, а плиты на полу отполированы до блеска. Все, кто прибыл на трех кораблях из Карфагена, расположились полукругом на раззолоченных скамьях, а Ганибалл сел перед ними на огромном резном кресле, обсыпанном украшениями и сильно напоминавшем трон.

– Мы рады приветствовать тебя, Ганнибал Великий, – поклонился один из старцев в зеленом хитоне, при этом его золотая цепь с амулетом в виде птицы едва ли не коснулась пола, – как освободителя земли наших предков.

– Боги были благосклонны ко мне, Ханиф, – слегка поклонился в ответ Ганнибал, как оказалось знавший главу делегации лично, – и я всего лишь выполнил свой долг перед народом Финикии. Но, что привело вас ко мне в это опасное время? Нам предстоит война с Египтом, и торговать еще рано.

– Войну с Египтом ты выиграешь, – уверенно заявил Ханиф, бывший, судя по всему одним из главных купцов Карфагена, – а торговать можно и во время войны. Но, не о здешней торговле прибыли мы поговорить с тобой, хотя...

Он невольно оглянулся, лишь скользнув взглядом по большому свертку, лежавшему рядом с ним на скамье.

– Хотя многие из прибывших хотели бы вновь обосноваться в Тире, охраняемом самими Мелькартом, и возродить его былое могущество.

Федор присмотрелся к оратору. Старец был еще вполне крепок телом и ясен умом. Говорил складно и, похоже, привык добиваться своего. Но Чайка, не бывавший в Карфагене со времен его освобождения, в котором он принимал непосредственное участие, лично Ханифа не знал. Возможно, этот старец не выходил на первый план при сенате, а может, находился в изгнании. На память Федору приходил отчего-то только меняла по имени Шагар.

– О здешней торговле мы поговорим чуть позже, – решил Ганнибал, и Федор уловил недовольный ропот в задних рядах, Впрочем, не слишком сильный. – Когда мы захватим Египет и отстроим город. Сейчас же расскажите мне о главной причине, что привела сюда столь много достойных мужей из Карфагена.

Ханиф помолчал немного, вновь окинул взглядом собравшихся, словно напоминая Ганнибалу, что выступает от их лица.

– Ну, что же, слушай. Почти двадцать дней назад к берегам Ликса, что за Мелькартовыми столпами морем прибило корабль. Это была квинкерема купца Хосесса, пропавшего почти два года назад. Ее опознали. Но, ни самого Хосесса, ни одного из матросов или солдат, отправившихся с ним, на корабле не обнаружили. Похоже, они все погибли в море. Зато нашли сундуки с одеждой и приборами, свитки, не поврежденные водой, а также карту.

Ханиф замолчал, выдержав паузу. Ганнибал поднял голову, невольно показав, что заинтригован и сделав знак продолжать.

– Мы все знали Хосесса, как самого отчаянного мореплавателя, – вновь заговорил Ханиф, и на этот раз за его спиной раздался рокот одобрения. – Многие из тех, кто отваживался лишь на ближние путешествия вдоль Африки в поисках новых колоний для Карфагена, смеялись над ним, когда он отправился в открытое море туда, где не бывал еще ни один из нас.

Федор выпрямил спину. Это сказание начинало интересовать и его. «Похоже, я не зря сюда пришел, – изумился Чайка, почесывая бороду, – хоть байки послушаю про путешествия в далекие края».

– Так вот, два года назад Хосесс уплыл на трех кораблях к поискам новой благословенной и богатой земли, которая по его словам находилась очень далеко за Мелькартовыми столпами. Он провел много дней за древними свитками, пытаясь отыскать дорогу, но не находил. Никто из наших предков еще туда не добирался, мы не знаем о такой земле. И он решил быть первым. Хосесс принес жертвы духу моря Ашерату, погрузил запасы на три корабля, в которые вложил все, что у него было, и отправился на поиски новой земли.

Ханиф облизал пересохшие губы, подходя к главному.

– Из плавания он не вернулся. Пропали все его корабли и жена с детьми, ставшая нищей, оплакивала его судьбу. Но, недавно один из его кораблей нашелся. И на нем мы обнаружили много золотых украшений, которых не делают в известных нам землях...

Купец развернул лежащий рядом свиток и предъявил Ганибаллу нечто походившее на корону в виде искусно сделанной головы ягуара с оскаленными клыками.

– В нашей земле таких зверей нет, – ответил он на немой вопрос тирана, внимательно изучавшего драгоценное изделие, – но не это мы считаем бесценным сокровищем, а карту Хосесса. Взгляни, Ганнибал Великий, ты видишь ее первым из властителей. Твой брат находился уже в походе, когда мы нашли корабль и решили плыть прямо сюда.

Ганнибал подался вперед и взял из рук старца карту, слегка поврежденную на краях соленой водой, а затем осторожно развернул, положив на небольшой столик, находившийся рядом. Федор не выдержал и приблизился к нему, любопытство победило. Жрецы, купцы и географы, позабыв обо всем, окружили столик со всех сторон плотной стеной, так что Федор успел вовремя.

На карте была очень точно нанесено все Средиземноморье и Африка, вплоть до знакомых Федору по прежней жизни Камеруна на западе и Сомали на востоке. Имелись на ней и смутные очертания Индии, а также очень четкий силуэт Британии и южная часть скандинавских стран. Но, если верить Ханифу, на ней впервые появилось то, что Федор разглядел намного левее побережья Испании и Мелькартовых столпов. На большом удалении от них были частично нанесены берега того, что называлось Америкой. Южной или Северной было не разобрать, на папирус был нанесен лишь небольшой клочок побережья и пара островов. Но на этой карте они уже были.

«Черт побери, да они уже Америку нашли, – едва не вскрикнул Чайка, за реалиями войны совершенно позабывшей о постоянной тяге к странствиям, которой были заражены все финикийцы, как народ моря, – вот это да! Все-таки добрались без всяких паровых двигателей».

Он с восхищением посмотрел на стоявших перед ним старцев, словно хотел снять шляпу перед их упорством в освоении неизведанных и опасных земель, а потом на самого Ганнибала, Новый тиран, похоже, совершенно позабыл о Египте, поглощенный открывавшимися перспективами. Только Федор не сразу их уразумел, а лишь после того, как главный купец озвучил то, о чем думали все прибывшие.

– Там, за этим огромным морем, находятся горы золота, – он указал на украшение с изображением неизвестного зверя, – мы нашли в корабле Хосесса несколько ящиков с изделиями столь же искусными, что говорит о повсеместном распространении этого металла

и драгоценных камней среди местных жителей. Они используют его везде, не скупясь, словно запасы золота там бесконечны. Побывав там первыми, разведав и покорив эти далекие земли, Карфаген навсегда станет владыкой мира.

Потрясенный Ганнибал, наконец, оторвал глаза от карты. Взгляд его был таким, – подумал Федор, – словно он только что узнал о том, что земля круглая, а за ее небесами находится бездонная пропасть космоса. Но и она, оказывается, тоже не сплошь пустота. Там тоже изредка попадаются планеты.

– Мы прибыли просить тебя снарядить экспедицию за Мелькартовы столпы, чтобы разыскать эту землю, – ровным голосом произнес Ханиф, и всеобщее вопросительное молчание было его поддержкой.

– Идет война, – осторожно проговорил Ганнибал, словно сам не веря в свои слова, – мы еще не победили Египет.

– Ты победишь его, – вновь произнес Ханиф, гордо расправив плечи, – народ Карфагена ни мгновения не сомневается в этом. Но, мы просим тебя дать нам хотя бы десять боевых кораблей для того, чтобы отправиться в это далекое и опасное путешествие. Если они вернуться с победой, то Карфаген будет вознагражден стократно. И больше того, мы откроем новый мир, с которым можно будет торговать. Кто знает, насколько он велик.

– Я дам вам ответ завтра, – сдался Ганнибал.

А Федор поймал себя на мысли, что уже хочет отправиться в это путешествие, несмотря ни на какие опасности. «Увидеть Америку до всяких Колумбов, вот это будет здорово, – раззадорился комендант Тира и наместник Бруттия, напрочь позабывавший о своих обязанностях, – а, кроме того, я буду первым из «финикийцев», кто хотя бы знает, что искать. Надо как-нибудь потактичнее намекнуть об этом купцам».

Глава девятнадцатая

«Новый мир»

Огромная волна родилась примерно в сотне метров от правого борта, набухла, и, настигнув квинкерему, обрушилась на нее всей свое мощью. Слившись с водой, серое небо надолго попало из вида, абсолютно лишив Чайку возможности различать не то что стороны света, но и вообще понять, где находится нос его собственного корабля, не говоря уже об остальных судах.

Жестокий шторм начался на девятый день, после того как они миновали Мелькартовы столпы и направились на встречу неизвестности. Сначала боги, казалось, благоволили им. Светло солнце и стаи дельфинов провожали корабли Карфагена в открытое море. Караван из семи квинкерем благополучно вышел из Тира, сделал небольшую остановку в Бруттии, посетив Кротон, и затем, пополнив запасы в Карфагене, отдалился от Африки. Но с тех пор прошла уже неделя, как их носило по волнам, словно щепки. Во время небольших прояснений капитаны пытались разглядеть соседние корабли, но Федор уже понял, что из этого шторма они выйдут живыми не все. Никакой возможности узнать, что случилось с остальными до тех пор, пока боги не перестанут пенить море, не было. И Федор смирился. Крепко держась за поручни, он стал спускаться вниз по лестнице, погоняемый струйками соленой воды.

– Задраить люк, – приказал он четверым матросам, ожидавшим его под верхней палубой, – чтобы ни единой щелки не осталось.

Отдав приказание, насквозь промокший Федор продолжил нисхождение и вскоре оказался в своем кубрике, который делил с Лехой Лариным.

– Ну что, насмотрелся на воду? – попытался подбодрить друга Леха, лежавший с закрытыми глазами на топчане, который ходил под ним ходуном, и боровшийся с тошнотой. Несмотря на морскую закалку, в этот раз ему было что-то не по себе.

– Нам ее еще долго наблюдать, – добавил он, усилием воли задержав рвавшуюся наружу пищу, – если вообще увидим землю.

За последнюю неделю он уже успел похудеть и обрасти такой длинной бородой, что походил не на скифа, а на бродячего дервиша.

– Да ты, я смотрю, фаталист, – поневоле усмехнулся Федор, присаживаясь на свой топчан и с удовольствием отстегивая тяжелую фалькату, которую надевал каждый раз появляясь на людях даже в шторм, считая, что командир не должен подавать своим людям пример расхлябанности.

– От судьбы не уйдешь, – не открывая глаз, кивнул Ларин.

– Это верно, – не стал спорить Федор, поискав глазами кувшин с вином, закрепленный на столе коробками с «балластом», – корабль неуправляем. Остается ждать, этой самой судьбы. Авось, вынесет.

– Расслабься командир, – предложил ему друг.

И Федор расслабился. Взяв кувшин, он опрокинул остатки его содержимого в глотку и тоже улегся на топчан, закрыв глаза. Вскоре приятное тепло разлилось по всему телу, а в голову нахлынули воспоминания о недавнем прошлом.

Узнав внезапно о желании Федора отправиться в далекое морское путешествие с перспективой никогда не вернуться назад, Ганнибал был не слишком обрадован. Даже попытался отговорить, напомнив ему о том, как ценит его боевые заслуги и о войне с Египтом, уже полыхавшей на двух фронтах. Хотя мог и просто запретить. Но, Федор словно заразился бациллой дальних путешествий от прибывших купцов и ни о чем не желал слушать, выпрашивая у своего благодетеля возможность умереть за океаном или вернуться героем. Ганнибал долго смотрел на Федора, но затем смирившись.

– Хорошо, Чайка, – сказал он, медлен подбирая слова, каждое из которых словно отдаляло их друг от друга навсегда, – если ты решил отправиться в дальние страны, то я не буду тебе препятствовать. Надеюсь, ты вернешься с победой и прославишь Карфаген. Ты избранник богов и, значит, сможешь вернуться оттуда, если даже другие погибнут.

Он помолчал, словно обдумывая, что поручить Федору в этом дальнем походе.

– Ханиф говорил, что им нужна охрана из опытных воинов. А лучшего воина, чем ты для такого дела и не придумать. Я назначаю тебя командующим войск, отправляющихся в этот путь для того, чтобы охранять купцов. Если придется воевать, ты с этим справишься и победишь врагов, даже если они будут сильны.

– Никто не знает, кто живет за этим морем, – ответил Федор задумчиво, – быть может, там обитают чудовища, о которых мы и не подозреваем.

– Нет таких чудовищ, с которыми не справятся воины Карфагена, и ты это знаешь лучше всех, – отрезал Ганнибал.

Федор не стал спорить.

– Тут, такое дело, – неожиданно замялся он, словно неловко было просить об этом тирана, – мой друг, военачальник скифов, хочет отправиться туда вместе со мной. Я прошу разрешения взять его на корабль.

– Это дело его царя, – ответил Ганнибал, пожав плечами, – если Иллур отпустит своего кровного брата, то плывите вместе. Главное, возвращайтесь. Пусть боги хранят вас.

Федор просиял, – вернувшийся на днях в город с посланием от Иллора Леха, тоже пришел в восторг от возможности сплавать в Америку. Он и знать ничего не хотел о том, чтобы отпустить туда Федора одного. И про египетскую кампанию, за которую скифы, имевшие личные счеты к египтянам, уже взялись весьма серьезно, тут же забыл.

– Ты попроси там, у Ганнибала за меня, – промямлил тогда Леха, – пусть разрешит. А мы ему золота добудем столько, что и амбаров не хватит. Он же меня знает. Да и моему брату, уверен, эта идея понравится. Узнать, что там сейчас за морями.

– У твоего брата своих дел невпроворот, – с сомнением покачал головой Федор, – как и у Ганнибала. Ну, да ладно, спрошу. Приедешь, – сообщу.

Ларин вернулся скоро и разрешение получил. Царь скифов не верил ни в какие земли дальше Мелькартовых столпов. Там их просто быть не могло. Но, недавний опыт мореплавания уже научил его не доверять своим знаниям, и он отпустил кровного брата в

это безнадежное путешествие.

– Пообещал, что о моей семье будет заботиться, как о своей, – с гордостью заявил Ларин, спрыгивая с коня на мостовую Тира, – если я вообще не вернусь.

И вот теперь Ларину дали еще одно высочайшее разрешение на это безнадежное дело.

Помолчав немного, Ганнибал сообщил.

– Завтра я уезжаю из города. Приказ о выделении семи квинкером со всем необходимым и нужного количества солдат я уже отдал. Теперь у них есть и командир.

Помолчал и Федор.

– Прощай Чайка, – проговорил Ганнибал.

Подняв руку, он сжал на прощанье ладонью плечо Федора и вышел из зала. Высокий, смуглый и широкоплечий. В черной кирасе и пиратской повязке, закрывавшей один глаз. Таким его Федор и запомнил навсегда.

Когда он встретился с купцами уже как командир военного сопровождения, выделенного тираном, было решено посетить на обратном пути Карфаген, где большинство из прибывших в Тир, останутся. Поплывут за моря лишь те, кто был помоложе и посмелее. Сам Ханиф в это плавание не собирался.

– Я уже стар и слаб, – объяснил он с некоторой грустью свой выбор Федору, – хотя и не прочь увидеть эти земли. Но в Карфагене есть купцы помоложе, что жаждут славы. Так что у тебя не будет недостатка в попутчиках.

Решив все вопросы с обеспечением экипажей и воинов, Чайка сообщил купцам, что хочет зайти в Кротон, перед тем как они выйдут в долгое плавание. Узнав за чем, купцы не стали с ним спорить. Каждый собирался увидеть свои семьи перед отплытием.

Когда он объявил Юлии о своем решении, она разрыдалась, бросившись ему на шею. Но, проплакав несколько минут, взяла себя в руки. Он только что вернулся живым с войны, получив два ранения, и теперь отправлялся в неизвестность, что страшила ее больше войны. Но она была все же дочерью сенатора, и могла управлять своими чувствами, хотя и не всецело. Юлия не стала его уговаривать остаться. Она понимала своего любимого и уважала его выбор.

– Я буду ждать тебя, – объявила она свое решение, и, поправились, потрепав Бодастарт по курчавой голове, – мы будем ждать. О делах не беспокойся.

– Это может занять год, быть может, больше, – не стал обманывать Федор, – Бодастарт уже подрастет. Но, я постараюсь вернуться.

Не став затягивать прощание, он покинул Кротон тем же вечером и отплыл в Карфаген. Леха тоже скучал по своей семье, но не смог с ней даже попрощаться, – до Крыма было далеко и совсем не по пути.

– Ничего, – отмахнулся он от грустных мыслей, увидев вернувшегося на корабль Федора, что был мрачнее тучи, – я так давно не был дома, что еще годик жена даже не заметит. Да и сын тоже вытянется за это время, как надо. Вернусь, сделаю его настоящим воином.

Вскоре они потеряли счет дням. Как Федор не старался приободрить солдат на своем корабле и занять их чем-нибудь, от работ до развлечений, все равно они постепенно впадали в унылое состояние. Да он и сам никогда в жизни не видел такого затяжного шторма. Когда прошла неделя непрерывного буйства стихии, он стал делать зарубки на караю стола в кубрике. А когда минула вторая, он забросил это дело и просто лежал целыми днями, полностью отдавшись воле богов. Изредка прохаживаясь по танцующей мокрой палубе, где жили солдаты и матросы, он взбадривал экипаж своими неожиданными проверками. Заставлял людей работать и распекал, чтобы хоть как-то напомнить, что они еще не в царстве мертвых. Солдаты и матросы, измученные вынужденным бездельем, тоже предпочитали лежать, дожидаясь смерти, и подчинялись приказам с явной неохотой. Капитану квинкеремы и Федору с каждым днем было все труднее держать их в узде.

Несмотря на колоссальную нагрузку и постоянные удары волн, корабль все еще

держался на плаву. И Федор не раз уже хвалил финикийских корабелов, лучших мастеров в своем деле. «Ничего, – успокаивал он себя, вновь бросая свое измученное качкой тело на жесткий топчан, – доплывем как-нибудь. Доплывем».

Однажды он проснулся от странного ощущения. Долго лежал, прислушиваясь и всматриваясь в проконопаченные стены, словно ожидал, что сквозь них вот-вот польется вода. Но потом вдруг понял, – кругом очень тихо. Безумно тихо. Так тихо, как не было уже давно.

Леха лежал в беспамятстве на своем топчане, не подавая никаких признаков жизни. Это полубезумие стало для них обоих привычным состоянием за последние дни, счет которым они уже давно не вели. Но Чайка все-таки сделал над собой усилие и сел, спустив ноги. Натянул башмаки, все сильнее напрягая слух. Но привычного завывания ветра он не услышал.

– Уж не оглох ли я? – подумал Федор, и лишь спустя пару секунд понял, что сказал это вслух.

Чтобы проверить свою дикую догадку он распахнул дверь, растворившуюся с чудовищным скрипом, и шагнул на палубу. Там лежали вповалку солдаты и матросы. Кто в обнимку с баллистами, кто с собственным оружием, кто просто так. Преступая через тела, немногим отличавшиеся от мертвецов, он слабыми руками схватился за поручни и поднялся по лестнице. Люк был накрепко задраен. Федор подозвал одного из солдат, находившегося в здравом уме, и, поднатужившись, они сдвинули люк с места. В образовавшуюся щель пролилась струйка воды, обдав Федора морской солью, но никакого потока за ним не последовало.

– Значит, мы еще не на дне, – зло ухмыльнулся Чайка и сдвинул люк еще дальше, освободив проход.

В глаза ударил свет, такой яркий, что заставил его зажмуриться от боли. А когда Федор осмелился вновь открыть глаза и высунуть голову, то увидел над собой бездонное голубое небо без единого облачка. Нетвердыми ногами он поднялся по скрипучим ступеням на палубу и, утвердившись на ней, огляделся.

– Так вот ты какой, Атлантический океан, – произнес Федор, наблюдая спокойную и безбрежную гладь воды, – или как там тебя сейчас называют.

Шторм кончился. Ограждений на корабле как не бывало. Торчали лишь жалкие ошметки по левому борту, и кое-что сохранилось на корме. Одну из притороченных к палубе мачт, сорвало и унесло в море, но вторая была на месте. Значит, корабль при хорошем раскладе мог двигаться не только на веслах.

Позади послышались шорохи и на палубу выполз капитан, разминая отвыкшее от движения тело. За ним показалось несколько матросов.

– Мы спасены! – воскликнул он, глядя на изуродованный, но не разломившийся корпус судна, пронесший их сквозь стихию.

– Живы, хвала богам, – подтвердил Чайка, любовавшийся на ласково светившее солнце, – неплохо для начала. Хорошо бы еще узнать, где мы и что случилось с остальными кораблями.

Оглядевшись, капитан вскинул руку.

– Вон там, еще две квинкеремы!

Чайка обернулся в указанном направлении и разглядел два массивных силуэта, покачивавшихся на волнах. По палубам сновали матросы, возрождая корабли к жизни. Это были карфагенские квинкеремы, каким-то чудом оказавшиеся в том же месте, что и флагманский корабль Федора Чайки.

– И впереди я вижу одну, – произнес Федор таким тоном, словно иначе и быть не могло. – Итак, у нас осталось четыре корабля.

Капитан посмотрел на него, словно ждал еще каких-то слов, но Чайка произнес не совсем, то, что тот хотел услышать.

– Надеюсь, боги пощадили остальных. А если нет, то они умерли быстро. Нам же нужно привести судно в порядок и двигаться дальше. Вы не забыли, что мы ищем землю?

Капитан слегка вздрогнул, услышав давно забытые командные нотки в голосе Чайки, но вдруг опять протянул руку к левому борту и произнес.

– Кажется, я вижу землю.

Федор резко обернулся влево и напряг зрение. Действительно, на горизонте можно было различить узкую и длинную полоску суши, поросшую ярко-зеленым лесом. Но, лес не был похож на пальмы, во всяком случае, отсюда. А в глубине побережья угадывались довольно высокие горы.

– Если это и остров, то очень большой, – проговорил Федор в задумчивости, – а, впрочем, какая разница.

Прикинув что-то в уме, он обернулся к капитану.

– А ну, поднять всю команду наверх! Привести корабль в порядок! Проверьте мачту, но если не удастся поднять парус, мы должны добраться туда как угодно. Мы нашли землю, капитан, и к вечеру я хочу уже ступить на берег.

– Все будет исполнено! – рявкнул капитан, мгновенно пришедший в восторг, оттого, что у него опять появилась служба, а у матросов работа. И, обернувшись к стоявшим за спиной согбенным фигурам, рявкнул, прочищая глотку. – А ну за работу, лентяи, а то я вам уши пообрезаю!

Когда они смогли оживить свой корабль и приблизиться к остальным, картина постигших их бедствий, стала более полной. Одна из квинкерем имела большую пробоину, чуть выше поверхности воды, – через нее вынесло сорвавшуюся с креплений катапульту, буквально в самый последний день шторма, – и пока чудом оставалась на плаву. Но, было ясно, что без серьезного ремонта здесь не обойтись. Обратный путь этот корабль не выдержит.

– Значит, тем более нужно быстрее плыть к берегу, – решил Федор, ознакомившись с повреждениями оставшихся кораблей, – чтобы там ни было, возможно, мы сможем починить корабль. Ведь наши инженеры и плотники выжили?

Последний вопрос был направлен к капитану третьей, квинкеремы, на которой везли большую часть осадного обоза.

– Плотники да, – ответил он медленно, – а вот трех инженеров мы потеряли во время плавания. Один умер, а двоих смыло за борт.

– Ясно, – кивнул Федор, – возвращайтесь на свой корабль. Доберемся до суши, там решим, как быть дальше. Нет возражений?

Теперь он смотрел на одетого в серый хитон Халепа, который был главным из купцов. После долгого плавания он еще не вполне пришел в себя, и его лицо было примерно одного цвета с хитоном. В этом походе Чайка командовал воинами, а Ларин был его заместителем, хотя не все карфагеняне смотрели на это одобрительно. Дружба дружбой, но Леху здесь держали за скифа. Впрочем, знакомство с Ганнибалом сделало свое дело, и он выступал в этой должности совершенно официально. Во всяком случае, на время экспедиции.

– Да, – выдавил из себя Халеп, бородатый мужчина на вид лет пятидесяти, – думаю лучше всего попытаться пристать и выяснить где мы находимся. Даже если это остров, все лучше, чем болтаться в море, дожидаясь нового шторма.

– Решено, – кивнул Чайка.

К вечеру они добрались до побережья. Выглядело оно вполне идиллически: белый песчаный пляж и сочная зелень непрерывной растительности, в основном ветвистых кустарников, подходившая почти к самой воде. Изредка над кустарником возвышались деревья с раскидистой кроной, а горы виднелись километрах в десяти от побережья.

– Просто тропический рай, – подумал вслух Федор, во все глаза смотревший на изогнутую линию берега с борта своего корабля, с наскоро восстановленными ограждениями.

– Ну да, просто Баунти, – усмехнулся Леха, стоявший рядом и понемногу приходявший в себя.

– Как думаешь, это Америка? – поделился сомнениями Федор, посмотрев на бледного

друга, – или просто большой остров?

– Я сейчас буду рад чему угодно, – пробормотал Леха, без энтузиазма взиравший на тропический лес, – лишь бы мир под ногами не качался.

Вскоре обнаружилось, что берег огорожен длинной грядой рифов, еле заметных из-под воды. Чайка принял решение идти вдоль них, отыскивая достаточно широкий проход, чтобы в него беспрепятственно могла проскользнуть квинкерема, идущая на веслах. Но это каботажное плавание затянулось. Вечерело, а рифы все не кончались. Наконец, когда они совсем отчаялись, удача улыбнулась им, но только одним уголком рта. Напротив небольшой бухты обнаружился проход, однако, он был огорожен двумя острыми скалами. Словно Сцилла и Харибда. Достаточно было одной мощной волны, и корабль мог получить хорошую пробоину.

– Вперед, – сплюнул Федор, – другого выхода нет.

Его квинкерема пошла к берегу первой. Волны бережно подняли ее и пронесли мимо камней. Вскоре корабль благополучно уткнулся килем в песок, а матросы посыпались вниз, из последних сил пытаясь втащить его на берег. Второй корабль также проскользнул благополучно, но затем боги отвернулись от моряков. Внезапно налетевший порыв ветра качнул третью квинкерему и швырнул ее прямо на скалы. От удара корабль не просто получил пробоину, а раскололся на две части и быстро пошел ко дну. Четвертое судно даже не дошло до прохода. Ее капитан подошел слишком близко к гряде рифов и сел днищем на камни, получив сразу несколько пробоин. К счастью этот корабль не развалился сразу на части. До самого вечера, между ним и берегом сновали лодки с флагманской квинкеремы, спасая людей и перевоза груз.

– Минус два, – подытожил Федор, когда на берегу запылали костры, на которых спасенные моряки и солдаты, готовили еду. И, посмотрев на горы тюков и ящиков, перевезенные с двух утонувших судов, вновь произнес, – минус два. Теперь у нас два потрепанных корабля вместо семи, примерно восемьсот солдат, вместо двух тысяч и десятка два баллист.

– Не густо, конечно, – согласился Леха, – но, могло быть и хуже. Зато запасов еды хватит на долгий срок.

– Надо построить лагерь, – решил встряхнуться Федор, – благо заготовки уцелели.

Но посмотрев на измощенных моряков, решил рискнуть и отложить это на утро, приказав лишь удвоить караулы.

– Будем надеяться, что здешнее побережье не слишком обитаемо, – проворчал он, засыпая тяжелым сном прямо под открытым небом.

Ночью ветер разыгрался опять и остатки все еще болтавшегося на рифах карфагенского корабля, окончательно разбило о камни. Немного отдохнувший Федор приказал солдатам обследовать побережье. Разойдясь в разные стороны на рассвете, они вернулись к обеду. Признаков цивилизованной жизни они не нашли, но и не встретились друг с другом. Убеждение, что они на каком-то материке у Федора немного окрепло.

– Ну что ж, – начал Чайка свой первый совет с купцами, пока его солдаты строили лагерь неподалеку от места высадки, – положение у нас веселое. Какие будут мысли?

– Раз уж мы здесь, – заявил один из купцов, глядя на бескрайнее море, – нужно обследовать весь берег и, если понадобится, углубиться в лес. Возможно, в горах есть селения местных жителей.

– Возможно, – кивнул Федор, посмотрев на Леху, – но, я потерял в море большую часть солдат. И, если они окажутся воинственны и многочисленны, боюсь, что теперь у меня не хватит людей, чтобы привести их к покорности.

Помолчав, он добавил.

– Но, Ганнибал послал меня сюда, чтобы я защищал вас. И я постараюсь.

– Не для того мы и проделали весь этот путь, Чайка, – сказал Халеп, – и нас, немногих, пощадили боги, чтобы отступать. Мы должны разведать эти земли и разыскать золото, которое обещали Карфагену.

– Что ж, пусть будет так. Когда мы закончим строить укрепленный лагерь, который защитит нас от нападения, и перетащим туда все запасы, – решил Федор, – я возьму несколько сотен человек и осмотрю берег. А затем отправлюсь к горам. Может быть там, мы что-то найдем.

Глава двадцатая «Дети Ягуара»

Прошло уже почти две недели, с тех пор, как финикийцы оказались на этой земле. Обследовав ближайшее побережье километров на десять в обе стороны, люди Федора не раз натыкались на следы стоянок охотников и останки убитых животных, но никаких селений или дорог не нашли. Лишь обнаружили довольно широкую реку, впадавшую в океан. С течением времени у Федора появилось ощущение, что аборигены уже знают об их прибытии, но пока следят за пришельцами, не вступая в контакт.

– Люди здесь все же есть, – подытожил скудные данные разведки и своих наблюдений Чайка, – значит надо идти к горам.

– Может, по воде пойдем, – предложил Леха, внимательно осмотревший берега реки, – лодки у нас есть.

– Есть, но слишком мало. Пока не будем ими рисковать, – отмел предложение Федор, – сначала попробуем пешком. Через лес.

Следующим утром из лагеря вышел отряд численно в четыреста человек, под командой Федора Чайки. Леха рвался в бой и ни под какими видом не хотел оставаться в лагере, поэтому Федор взял его с собой, оставив за старшего в лагере командира морпехов.

– Отвечаешь за головы купцов своей головой, – предупредил Федор бывшего воина, со шрамом на щеке, по имени Гнаал.

– Купцов я сохраню. А если кто-нибудь сюда сунется, – спокойно ответил тот, указав на баллисты, водруженные на трехметровые башни, – им мало не покажется.

Взглянув на лагерь у побережья, на строительство которого ушло почти все дерево от разбитых штормом кораблей, Федор кивнул и зашагал прочь.

Здесь лес оказался настоящими джунглями, где финикийцам приходилось подчас прорубать дорогу фалькатами, неплохо подходившими для этих целей. Скорость передвижения была очень низкой и за день они прошли едва ли километров семь. При этом абсолютно выбились из сил. Горы должны были стать ближе, но из-под развесистых крон деревьев и кустарников их пока не было видно. Ночевать пришлось посреди тропического леса, в котором, едва стемнело, стали появляться тысячи мелких светящихся точек, словно лес следил за ними глазами животных и насекомых. Федор разрешил развести костры, плюнув на конспирацию. Если тут были аборигены, то они давно знали о них.

– Как думаешь, – уточнил Леха на привале у Федора, выпив вина и закусив мясом из какой-то местной антилопы, подстреленной охотниками по дороге, – кого мы здесь найдем?

– А ты кого ждешь? – уточнил Федор.

– Ну, я слышал, что здесь жили инки там всякие или ацтеки. Те, у которых золота было много. Мы же их разыскиваем?

– Это брат, – усмехнулся Федор, выпивая кувшин вина почти за один раз, – вряд ли. Их мы повстречали бы, появись здесь лет на семьсот попозже. Да ведь еще и не ясно, где мы? Может, не там где Мексика потом будет, а где-нибудь в Канаде и Штатах. Или, наоборот, в Аргентине. Шторм был конкретный.

– А кого тогда? – не успокаивался Леха, которого понемногу начинала охватывать тяга кладоискательства, – разве остальные тоже золото добывали?

– Да тут много кто и до них жил. Я всех не помню. В Мексике, вроде бы, обитали воинственные аборигены по прозванию ольмеки, там же и народ сапотеков. Чуть подальше, в горах Перу, – чавин и паракас. В общем, черт его знает. Но, нам с тобой все равно. Они все знали золото и умели его обрабатывать. Это главное.

– Интересно, а мы случайно не вернулись обратно в свое время? – озвучил давно мучившую Федора мысль Леха, – а что, тогда ведь шторм тоже был не слабый. Покороче, конечно...

– Ну, тогда мы скоро выйдем на какой-нибудь пляж с отелями и дернем по коктейлю с Текилой, – усмехнулся изрядно захмелевший и уставший Федор, откидываясь на лежбище из ветвей кустарника, – а обратно нас доставят на вертолетах. Да только вряд ли...спи, давай.

Наутро они успели прорубить буквально километр пути сквозь джунгли, как наткнулись на широкую просеку, тянувшуюся вдоль побережья. Деревья здесь явно были вырублены. После беглого осмотра, Федор и Леха переглянулись.

– Дорога, – проговорил оба одновременно.

– Ну, вот, а мы ночевали посреди этого жуткого леса, – расстроился Леха, – меня эти москиты искушали. Того и гляди малярию подхватчу. А могли бы чуток поднапрячься, и были бы уже в каком-нибудь селении, Текилу пили.

– Значит, нам туда, – отмахнувшись от жалоб друга, приказал Федор, указав направо, где дорога вскоре поворачивала к горам, петляя и теряясь за деревьями.

Выстроившись в боевой порядок, насколько позволяла ширина дороги, воины шли колонной, приподняв щиты и озираясь по сторонам. Долгое время им никто не встречался. Зато передвижение пошло гораздо быстрее и, через несколько километров они увидели развилку. Едва различимая дорога уходила вправо. Это произошло уже у самого подножия гор.

– Надо посмотреть, что там, командир, – подзадорил Леха своего друга, вытащив из-за пояса акинак. Но, Федор уже отдал приказ и пятьдесят воинов отделились от основной группы.

– Остальным ждать здесь, – приказал Федор Гебалу, который командовал в этом походе морпехами и был сейчас «третьим по званию», после Чайки и Ларина.

Дорога, на которую они свернули, становилась все уже, но все время поднималась вверх. Метров через пятьсот деревья расступились, и они оказались на поляне, примыкавшей к открытой скале. Посреди поляны Федор увидел высокий камень прямоугольной формы, в центре которого что-то блеснуло. У его подножия вся земля была обуглена, очертив возле этой стелы почти ровный круг метра три шириной. В золе виднелись какие-то белые вкрапления. Чайка осторожно приблизился, заметив в глубине под деревьями несколько приземистых хижин, очень походивших на деревню местных жителей. Но, никакого движения там не происходило, деревня казалась покинутой.

Федор сделал знак рассредоточиться по поляне и шагнул еще ближе к изваянию, засмотревшись на камень. Эта стела была искусно обработана. Грани выглядели ровными. Сверху камень был плоским и острым, как копьё. На ближней стороне Федор разглядел изображения солнца, рассылавшего лучи во все стороны, а под ним довольно точную фигурку какого-то существа с телом человека и головой ягуара. Этот монстр поедая обычных людей, которые лежали перед ним со связанными руками и ногами. Картина была вполне ясной. Над высеченным изображением была выдолблена глубокая ниша, в которой лежал, и тускло поблескивал какой-то шарообразный предмет, залитый чем-то грязным.

– Алтарь, – заключил Федор, и, присмотревшись к земле, где белели кости и черепа, добавил, – здесь сжигали людей.

– А это что? – Леха указал на блестящий предмет и, протянув руку, достал его из ниши.

На ладони у Ларина лежала отлитая из золота голова какого-то животного с разинутой пастью и клыками. Эта пасть была заляпана засохшей кровью.

– А это, видимо, их золотой бог, – предположил Федор, озираясь по сторонам, – ягуар, который питается человеческой кровью.

– Думаешь? – словно не поверил своим глазам Леха, взвешивая золотого ягуара на ладони, – не меньше килограмма будет. Если тут в каждой деревне по золотому ягуару...

В этот момент раздался еле различимый свист, и стрела ударила в шлем Ларина,

отскочив со звоном в сторону. Федор едва успел вскинуть щит, как еще одна отскочила от него. Но пятерым воинам повезло меньше, они упали замертво. Град стрел накрыл финикийцев, сразив многих, несмотря на защиту. Стреляли явно меткие воины.

– Атаковать деревню! – приказал Федор, выхватив фалькату.

Подняв щиты, морпехи бросились в атаку, и вскоре между хижин завязалось сражение, в котором им противостояли странные воины. На первый взгляд их было не много, человек двадцать. Все они были набедренных повязках, с узкими, размалеванными яркими красками щитами и телами, покрытыми рисунками. Лица у всех закрыты звериными масками. Вооружены копьями и луками. Несмотря на отсутствие доспехов, бились они хорошо и уничтожили в ближнем бою человек тридцать опытных и хорошо обученных воинов в доспехах. Чайка смог зарубить лишь одного, да и то с большим трудом. Тот вертелся как юла, издавая утробное рычание и уходя ото всех ударов массивной фалькаты. У Чайки возникло ощущение, что он сражается не с человеком, а с какими-то диким зверем. Но, в конце концов, Федор достал его неожиданным выпадом, проткнув клинком.

Когда скоротечный бой закончился, Федор приблизился к мертвецу. Отбросил подальше концом ноги его остроотточенное копье, – на всякий случай, кто знает, сколько у них жизней, – и внимательно рассмотрел маску. Это была ярко рыжая пятнистая маска с оскаленной пастью и «окровавленными» клыками.

– Ну, здравствуйте, дети ягуара, – поприветствовал он мертвецов, расправив плечи.

Пересчитав оставшихся в живых, Чайка с удивлением увидел, что их осталось не больше дюжины.

– Надо возвращаться, – решил он, – больно лихо дерутся эти звероподобные.

И обернувшись к Лехе, вытиравшем окровавленную фалькату о траву, уточнил:

– Ты куда золотую голову дел?

Ларин озадаченно на него посмотрел, словно совсем про нее забыл.

– Выронил, когда все это началось.

Леха порылся возле алтаря и, отодвинув труп одного из местных, нашел под ним тускло блестящую драгоценность.

– Спрячь пока у себя, – приказал Федор, – вещица небольшая.

За неимением ткани, Ларин сорвал набедренную повязку у одного из мертвецов, смастерил из нее мешок для золотой головы и брезгливо подвесил к поясу. В этот момент с дороги слышались крики и звон оружия.

– Быстро назад! – приказал Федор, оглядываясь по сторонам и ожидая нового нападения. Оно могло произойти откуда угодно: из леса или со скал, в которых вполне могли быть тайные тропы, пещеры или даже тоннели. Место было подходящее.

Добравшись до дороги, Чайка увидел, что его основные силы атакованы такими же аборигенами в масках, которые только что уничтожили его авангард. Но, на сей раз, нападавших было больше сотни, и появились они со стороны гор.

– Теперь ясно, куда идти, – махнул Федор, на расщелину из которой продолжали появляться гости.

– Да, только надо сначала этих научить уму разуму, – крикнул Леха, бросаясь в самую гущу.

К счастью нападение раскрашенных в яркие цвета индейцев не произошло для финикийцев внезапно. Они стояли на дороге ровным строем, готовые ко всему. Поэтому отбили атаку довольно быстро.

– Вперед, воины! – крикнул Федор, – мы поднимаемся в горы, чтобы разгромить их логово! За Карфаген!

Изрубив местных в куски, и потеряв при этом человек тридцать, отряд двинулся вверх по дороге, вскоре превратившейся в широкую тропу среди скал. Чайке не очень нравилось чувствовать себя конкистадором, который пришел сюда грабить местных жителей, но такой уж была у него сейчас служба. Он должен был проверить, откуда они появляются. В конце концов, сам напросился. А подобная прогулка в дикую Америку не могла обойтись без

жертв.

Продвигаясь вверх по широкой тропе, явно служившей местным жителям дорогой к морю, Федор рассчитывал найти еще одну или несколько деревень. Провести там картельную операцию, поскольку начать с мирных переговоров не получилось, и вернуться назад, сделав передышку. В первых двух столкновениях, он уже потерял немало людей, и рассчитывал хотя бы оценить боевые возможности новых врагов, чтобы знать, к чему готовиться дальше.

Пройдя беспрепятственно метров пятьсот вверх, они углубились в скалы, оказавшись в узкой долине, по дну которой стекал ручеек. Воины Чайки осторожно продвигались вперед, вглядываясь в нависавшие со всех сторон скалы, за каждой из которых могли прятаться лучники. Дойдя до конца долины, где она делал резкий поворот, финикийцы поднялись на небольшой перевал и остановились перед седловиной. Собственно, это был не перевал, а прорубленная в скале дорога шириной метров десять. Гладко обтесанные по бокам камни, говори о том, что местные жители отлично управляют с топорами, раз смогли прорубить такую скалу без всякой взрывчатки.

Здесь Федор остановился. Уж больно заманчивой выглядела перспектива просто пройти этот перевал, оказавшись в другой долине. До сих пор их больше никто не атаковал. Возможно, они перебили уже всех местных жителей, из тех, кто мог сопротивляться. Однако, в эту версию Чайка почему-то не верил. Гораздо больше все это походило на ловушку, в которую их заманивают. Но, иного пути проверить это, чем пройти сквозь прорубленный в скале тоннель не было.

– Гебал, останешься сзади, – приказал Федор старшему среди морпехов, – будешь прикрывать тыл.

Финикиец кивнул, крепче сжав фалькату. А Чайка, поправил шлем и проследовал в голову колонны. Там он бросил напряженный взгляд на скалы и жестом приказал первой сотне морпехов двигаться за ним. Ларин шел рядом, придерживая золотую голову ягуара, болтавшуюся у него на поясе.

Вокруг было так необычайно тихо, что эхо шагов солдат, осторожно переставлявших свои подкованные башмаки, отдавалось от скал. Проход выглядел не очень длинным, метров семьдесят, не больше. Солнце сюда почти не попадало. Когда Чайка добрался до его дальней оконечности и шагнул на площадку, освещенную солнцем, то остановился от неожиданности. В глубине долины лежал настоящий город, посреди которого возвышалась исполинская ступенчатая пирамида, поблескивая золочеными гранями лестниц. Многоэтажные здания, обтекали несколько квадратных площадей, рассылавших во все стороны улицы-лучи, застроенные домами поменьше. Даже отсюда было видно, как множество народа передвигается по мощеным улицам этого неизвестного города, лежавшего на берегу изогнутого озера, не подозревая о приближении завоевателей.

– А здесь есть с кем поговорить, – усмехнулся Леха, похлопав по голове ягуара, – твои купцы были правы.

В этот момент позади них раздался грохот камнепада. Несколько каменных глыб сорвались вниз и обрушились на финикийцев, не имевших возможности сдвинуться с места. В мгновение ока больше сотни солдат были погребены под завалами, а оставшиеся в живых разделены высокой стеной. Рядом с Чайкой теперь находились не больше двадцати человек, испуганно озиравшихся по сторонам.

Пыль еще не осела, а Федор, подняв голову, увидел, как на высоте десяти метров открылись потайные проходы в скалах и на небольших площадках появились лучники с размалеванными телами. Их лиц было не разглядеть. Тотчас по нему и выжившим солдатам Гебала открыли стрельбу на поражение. Стрелы косили людей одного за другим. Затем за образовавшейся насыпью послышались крики. Откуда-то сверху на насыпь лавиной стали сыпаться воины с размалеванными телами и узкими щитами. Скатываясь по камням вниз, они атаковали аръегард отряда Чайки, который теперь ничем не мог им помочь.

Пытаясь прикрыться щитом, Федор заметил, как снизу к перевалу быстро

приближается пестрый отряд «воинов ягуара» в котором было не меньше пятисот человек. Ларин их тоже заметил. Бежать с этой единственной дороги было некуда, – справа и слева зияла пропасть. Молча обменявшись взглядами, и перехватив покрепче клинки, друзья приготовились к последнему бою.

На глазах Гебала камнепад уничтожил передовую часть отряда. Под ней мгновенно погибли все, кто прошел этот проклятый перевал. А следом из пыли с рычанием и криками стали появляться эти размалеванные звероподобные воины в масках, атаковав чудом уцелевшую горстку воинов. Под командой Гебала оставались не больше пятидесяти бойцов, а вражеские воины все появлялись из пыли, словно из бездонного колодца. Военачальники погибли, и он теперь оставался за старшего.

– Отходим к побережью! – приказал Гебал, больше не видевший смысла продолжать путь вверх.

Прикрывшись щитами от барабанивших по ним стрел, горстка финикийцев стал пятиться назад по ущелью, в надежде вырваться из него к побережью. Они не видели того, что видел низкорослый воин в маске ягуара, спокойно взиравший со скалы на происходящее. Несколько тысяч отважных бойцов устремились ручейками сквозь скалы по обходным путям, неизвестным чужеземцам. Очень скоро они были на лесной дороге, заперев единственный выход из города. А затем эти ручейки слились в мощный поток, устремившийся к побережью.

Март, 2011.